

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 15.02.2023 года):

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВВГУ. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 23.12.2024 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Волыничук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, независимый исследователь (г. Хабаровск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожеников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристоферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Лексюткина Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток, Россия).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шестаков Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сирай, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published (as of 15.02.2023):

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VVSU. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 23.12.2024. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksytina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University (Olomouc, Czech Republic).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2024

№ 4 (71)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА АЗИАТСКИХ ГРАНИЦАХ РОССИИ

- От редактора рубрики 9
- Себенцов А. Б.** Приграничное сотрудничество в порубежье России: в поисках новых подходов и форм 11
- Демьяненко А. Н.** Трансграничные регионы Дальнего Востока: общее и специфичное 26
- Моу Моин.** Переосмысляя развитие приграничного экономического сотрудничества между Китаем и Россией в современных условиях 38
- Рыжова Н. П.** Приграничные торговые зоны вокруг Китая: интернализация каких правил? 51
- Бадараев Д. Д., Гомбожапов А. Д.** Развитие традиционного скотоводства на российско-монгольском трансграничье в постсоциалистический период (на примере Бурятии и Монголии) 62

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

- Чертков А. С.** Земельные отношения у казачьего сословия Якутской области во второй половине XIX – начале XX вв. 70
- Кузьмин В. Л., Филипова А. Г.** "Царский" кинематограф – репрезентация власти и "семейные хроники" 82
- Хисамутдинов А. А.** Как русские эмигранты путешествовали по Китаю: первые путеводители 88

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Садловская М. В., Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е.** Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 гг. Часть 1 95
- Тиникова Е. Е., Винокурова А. В.** Этнические ценности и их влияние на стратегии этносоциального поведения метисов (на материалах Республики Хакасия) 109
- Абросимова Е. Е., Зубова О. Г., Филипова А. Г.** Ассоциативный метод в социологическом изучении образовательных видеоблогов 121

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

- Изотов Д. А.** Приток прямых иностранных инвестиций в страны АТР: влияние политических и экономических рисков 136

Владивосток
2024

Севастьянов С. В., Кукла М. П. Состояние и перспективы развития сотрудничества РФ и КНДР в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах с началом специальной военной операции	151
Гарусова Л. Н., Литвинова Е. Р. Проблемы национальной безопасности США в контексте американо-мексиканских отношений: трансграничная преступность	163

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: С. Е. Бакшеева

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

THE THEME: DIVERSITY OF FORMS OF TRANSBORDER COOPERATION ON THE ASIAN BORDERS OF RUSSIA

From the editor of the heading 9

Sebentsov A. B. Cross-border cooperation in the Russian borderlands: in search of new approaches and forms 11

Demyanenko A. N. Cross-border regions of the Far East: general and specific 26

Mou Moying. Rethinking the Development of Sino-Russian Border Economic Cooperation Under the New Situation 38

Ryzhova N. P. Border trade zones around China: Internalising which rules? 51

Badaraev D. B., Gombozhapov A. D. The development of traditional cattle breeding in the Russian-Mongolian transborder area in the post-Socialist period (on the example of Buryatia and Mongolia) 62

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Chertkov A. S. Land relations among the Cossack estate of the Yakut region in the second half of the XIX – early XX centuries 70

Kuz'min V. L., Filipova A. G. "Tsar's" Cinema – Representation of Authority and "Home Video" 82

Khislamutdinov A. A. How Russian emigrants traveled to China: the first guidebooks 88

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Sadlovskaya M. V., Kovalevskii A. V., Bliakher L. E. The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 1 95

Tinikova E. E., Vinokurova A. V. Ethnic values and their influence on mestizos' ethnosocial behavioral strategies (Republic of Khakassia case) 109

Abrosimova E. E., Zubova O. G., Filipova A. G. Associative method in sociological study of educational video blogs 121

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

Izotov D. A. FDI Inflow to Pacific Rim Countries: Impact of Political and Economic Risks 136

Sevastianov S. V., Kukla M. P. State and prospects for the development of cooperation between Russia and DPRK in the military-political, economic and humanitarian spheres since the start of the special military operation 151

Vladivostok
2024

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector S. E. Baksheeva

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики

Трансграничные отношения – пожалуй, самый быстро растущий сегмент современной общественной жизни. Темпы пространственной экспансии этих отношений, их проникновения в различные сферы общества далеко опережают скорость развития спровоцированных ими научных исследований. Особым вызовом со стороны трансграничных процессов является и их исключительная внутренняя гетерогенность – стремительно расширяющийся круг их участников, преследующих порой взаимоисключающие цели, для реализации которых изобретаются все новые и все менее поддающиеся какой-либо систематизации практики. Этот вызов обращен сегодня не только к науке, но и к государству, к его способности управлять "темной", плохо проницаемой для бюрократического взгляда, социальной материей, стягивающей вместе как еще недавно казалось отдельные и вполне самостоятельные национальные общества.

Для России, в силу известных исторических причин, трансграничная проблематика стала актуальной позже, чем для многих других стран. Вместе с тем, ввиду тех же причин, динамика вовлечения российского общества в международное взаимодействие в постсоветский период оказалась особенно бурной, взрывообразной. В последнее десятилетие геополитический разрыв между Россией и Западом существенно преобразил эту динамику. На наших глазах имеющий давние корни европоцентризм трансграничных связей России уступает место азиатцентризму. Процессы перераспределения товарных, человеческих, денежных и иных потоков на восточные границы страны сопровождаются их правовым и организационным переформатированием, изменением задач, сменой акторов и обновлением конкретных способов межобщественного сотрудничества и конкуренции. Попытку разобраться в нынешних трансграничных процессах, теоретически и эмпирически описать их, и, с помощью исторических и географических сравнений, объяснить многообразие их форм, направлений и результатов предприняли авторы данной рубрики.

Понять специфику отношений на азиатских (прежде всего дальневосточных) границах России помогает их сопоставление с состоянием других участков российского пограничного периметра. Автор первой статьи рубрики – А.Б. Себенцов – представляет пространственную типологию приграничного сотрудничества, критерием которой выступает институциональная основа последнего. Как показывает исследование, в постсоветский период выделенные типы трансграничного взаимодействия и стоящие за ними институты сотрудничества находились в процессе непрерывной и в основном стихийной эволюции, одним из факторов которой стал разворот России на Восток. Автор приходит к выводу о необходимости разработки на основе накопленного институционального опыта российской политики добрососедства, которая должна одновременно быть средством развития приграничных регионов страны и инструментом продвижения во вне ее государственных интересов.

Следующая статья рубрики, подготовленная А.Н. Демьяненко, сфокусирована на дальневосточном макрорегионе как участнике процессов трансграничного регионогенеза. Основываясь на теоретических и методологических разработках российских и зарубежных ученых, автор выявляет природную, геополитическую, экономическую и социально-политическую обусловленность трансграничных регионов, формировавшихся на РДВ с конца XIX в. Различные комбинации этих условий способствовали тому, что процессы регионализации в трех пограничных макрорегионах – китайском, японском и американском – привели к существенно неодинаковым результатам.

Предметом статьи исследователя из Китая Моу Моин является развитие российско-китайского приграничного сотрудничества на современном этапе. Обращая внимание на рост масштабов этого сотрудничества под влиянием усиливающегося западного давления на обе страны, автор, вместе с тем, отмечает, что его доминантой на сегодня остается торговля продукцией низких уровней передела. Инертность структуры двустороннего приграничного сотрудничества связана со взаимной рассогласованностью стратегий ре-

гионального развития Северо-Восточного Китая и РДВ. В этих условиях реальной движущей силой трансграничных экономических отношений сторон могут быть лишь их центральные правительства.

Иную, антропологическую, перспективу изучения трансграничных связей Китая предлагает работа Н.П. Рыжовой. Информационную базу этого исследования образуют полевые материалы, собранные в приграничных с этой страной районах Монголии, Казахстана, Вьетнама и России. Проведенные интервью с местными жителями позволили автору рассмотреть приграничную торговлю Китая в сравнительном межстрановом ракурсе и сразу на двух уровнях – формальных институтов и неформальных практик населения приграничья. Исследование дает возможность увидеть, как институциональные новации Китая (приграничные торговые зоны) усваивались и внедрялись соседями этой страны. При этом различия политических и неформальных контекстов привели к тому, что воспроизводившиеся сопредельными странами институты в большинстве случаев так и не смогли повторить китайской "истории успеха".

Объектом исследования Д.Д. Бадараева и А.Д. Гомбожапова стали социально-экономические процессы в постсоциалистическом трансграничьи России и Монголии. Динамика процессов с российской (Бурятия) и монгольской стороны границы в этот период имела существенное сходство: в обоих случаях приграничное население возвращалось к традиционным формам хозяйствования и быта. Симметричности этой эволюции содействовали трансграничные миграционные и этнокультурные связи монголов и бурят. Вместе с тем, разный исторический путь России и Монголии, и неодинаковый уровень развития в двух странах рыночных отношений обусловили появление важных особенностей в адаптации скотоводов по обе стороны границы к постсоциалистическим реалиям.

Сюжеты, вошедшие в представляемую читателям рубрику, конечно, не исчерпывают содержания заявленной в ней темы. За пределами подборки статей остался ряд участков азиатского сектора российских границ и множество практик их негосударственного пересечения и освоения. Тем не менее, хочется надеяться, что авторам рубрики удалось показать главное – удивительную сложность, разнообразие и продуктивность форм трансграничной жизни, которая бесчисленными нитями связывает Россию с обществами Азии.

А. А. Курев

Приграничное сотрудничество в порубежье России: в поисках новых подходов и форм

Александр Борисович Себенцов
Институт географии РАН, Москва, Россия, asebentsov@igras.ru

Аннотация. В статье анализируется институциональный аспект приграничного сотрудничества на российских границах, рассмотрены различные формы и типы трансграничных взаимодействий. Автор показывает, как геополитический кризис в отношениях с Западом и российский разворот на Восток сказались и ещё могут сказаться на эволюции институтов сотрудничества. Автор приходит к выводу, что для активизации сотрудничества на российских границах необходимо формирование особой российской политики добрососедства, которая с помощью программно-проектного подхода позволит сделать приграничное сотрудничество одновременно и средством развития приграничных регионов России, и механизмом продвижения внешнеполитических интересов страны в сопредельных государствах.

Ключевые слова: *приграничное сотрудничество, политика добрососедства, добрососедство, институты сотрудничества, программы приграничного сотрудничества, российское пограничье*

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №24-27-00400 "Адаптация функций и территориальных структур приграничных регионов России в условиях рестрикций"

Для цитирования: Себенцов А. Б. Приграничное сотрудничество в порубежье России: в поисках новых подходов и форм // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 11–25. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/11-25>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/11-25>

Cross-border cooperation in the Russian borderlands: in search of new approaches and forms

Alexander B. Sebentsov
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, asebentsov@igras.ru

Abstract. The article analyses the institutional aspect of cross-border cooperation on the Russian borders and considers various forms and types of cross-border interactions. The author shows how the geopolitical crisis in relations with the West and the Russian "turn to the East" have affected and may still affect the evolution of cooperation institutions. The author concludes that in order to intensify cooperation on the Russian borders, it is necessary to form a special Russian good neighborhood policy, which, using a programme and project approach, will make cross-border cooperation both a means of development of Russia's border regions and a mechanism for promoting the country's foreign policy interests in neighbouring countries.

Key words: *cross-border cooperation, neighborhood policy, good neighborhood, cooperation institutions, cross-border cooperation programs, Russian borderlands*

The study was conducted as part of the Russian Science Foundation project No. 24-27-00400, titled "Adaptation of Functions and Territorial Structures of Russia's Border Regions Under Restrictive Conditions"

For citation: Sebentsov A. B. Cross-border cooperation in the Russian borderlands: in search of new approaches and forms // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 11–25. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/11-25>

Введение

Последнее десятилетие стало временем крупных изменений всей системы международных отношений, а значит, и всего комплекса контактов России с соседними странами. Парадипломатические связи приграничных регионов, называемые в некоторых случаях "мотором малой интеграции", а в других – "лабораторией сотрудничества", также претерпели значительные изменения. Во многих работах российских и зарубежных исследователей последних лет отмечался парадокс: наиболее успешные практики приграничного сотрудничества наблюдались в основном на границах с теми странами, межгосударственные отношения с которыми были наиболее сложными [4; 5; 9]. В то же время слабые результаты сотрудничества были на границах с постсоветскими государствами и теми странами, которые имели хорошие отношения с Россией [4; 5].

Принятие в 2017 г. ФЗ "Об основах приграничного сотрудничества", а чуть позже и новой Концепции приграничного сотрудничества (2020 г.), казало, даёт все необходимые инструменты для активизации трансграничных

связей, однако уровень приграничного сотрудничества с дружественными государствами всё также оставляет желать лучшего. Пытаясь разрешить эти противоречия, некоторые исследователи отмечали, что важную роль играют специальные институты, иницилирующие, стимулирующие и поддерживающие сотрудничество. Попытки инвентаризации институтов, их состояния, а также выделения типов приграничного сотрудничества по уровню институционализации предпринимались и ранее [4; 11; 12; 13; 14], в том числе и автором данного исследования [15].

Задачи данной работы состоят в том, чтобы, во-первых, предпринять попытку очередной инвентаризации институтов сотрудничества в условиях острой фазы геополитического кризиса, начавшейся в 2022 г. Во-вторых, объяснить описанный парадокс и оценить возможность активизации сотрудничества на границах с дружественными юрисдикциями.

Методы и данные

В силу того, что по своему происхождению новый институционализм глубоко связан с современными неоклассическими направлениями экономической теории, методология многих исследований часто опирается на теорию игр и соответствующее математическое моделирование взаимодействий в разных институциональных средах. Транзакционный подход, также широко применяющийся в подобных работах, предполагает количественную оценку издержек при коммуникации в одной институциональной среде по сравнению с другой. Важная методологическая проблема институциональных исследований состоит в том, что при изучении социальных и политических институтов затруднена формализация и математическая обработка собранных данных. Поэтому в данной работе, как и в других подобных исследованиях [21; 27], на этапе сбора информации использовались в основном эмпирические методы, в т.ч. метод глубинных интервью с ключевыми акторами сотрудничества, при изучении неформальных институтов – включенное наблюдение. На этапе обработки, обобщения и теоретического осмысления полученных данных широко применялся компаративистский метод и типологический подход. Это позволило выявить ключевые характеристики изучаемых институтов, проанализировать связи между ключевыми акторами сотрудничества и предложить авторскую типологию различных форм сотрудничества на российских границах.

Методика проведения исследования предусматривала в значительной мере повторение тех процедур, которые проводились автором в рамках предыдущей попытки анализа институтов сотрудничества [15]. Созданная тогда база данных, состоящая из трёх блоков, была пополнена новыми документами.

Так, в первый блок, включающий внутрироссийские нормативно-правовые акты, регулирующие международные связи, была добавлена "Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации" (2020 г.). Во второй блок документов, аккумулирующий международные договоры, были добавлены новые двусторонние и многосторонние (например, на границах с ЕС, Монголией и др.) соглашения, иницилирующие запуск программ приграничного сотрудничества или вносящие изменения в уже существующие институты. Особенно важно отметить новую "Концепцию межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2030 г. и приложенный к ней план мероприятий". Эти документы демонстрируют концептуальные подходы к сотрудничеству, превалирующие на постсоветских границах.

В-третьих, была обновлена база многочисленных соглашений о сотрудничестве, особенно активно подписывавшихся между региональными властями и муниципалитетами в постковидный период.

Информационной базой о практиках сотрудничества стали многочисленные литературные источники, включая капитальный двухтомный труд "Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России" [13; 14], где дается детальный обзор многих практик и институтов приграничного сотрудничества по всему периметру российских границ.

Ещё одним важным источником информации о практиках и реальной работе институтов сотрудничества стали многочисленные (более четырёхсот)

интервью автора, проведенные после 2014 г. на разных участках государственной границы России с акторами приграничного сотрудничества. Наиболее важную роль для данного исследования сыграли интервью, проведенные в 2019–2022 гг. с представителями Второго Европейского департамента и Департамента Общеευропейского сотрудничества МИД РФ, а также интервью с органами региональной власти в Карелии и Ленинградской области (2022 г.), Смоленской области России, Витебской и Могилевской областей Беларуси (2022 г.), Оренбургской области (2022 г.), Курганской и Челябинской области (2023 г.), Псковской области и Хабаровского края (2024 г.).

Приграничное сотрудничество и особая роль институтов

Приграничное сотрудничество – важный феномен жизни приграничных регионов. Его цель состоит в том, чтобы, с одной стороны, преодолеть те негативные черты повседневности, которые связаны с существованием границы (нарушение коммуникаций, угрозы безопасности и др.), а с другой – максимизировать выгоды, которые возникают в связи с приграничным положением (комплементарность экономики, расширение потребительских возможностей и др.). Причиной трансграничных взаимодействий может быть сходство соседних территорий по какому-либо признаку. Так, этнокультурная общность облегчает взаимодействие людей, а развитое машиностроения может способствовать развитию технологической или поддетальной специализации и кооперации.

Однако и различия могут способствовать трансграничным связям [17]. Так, градиент в ценах на товары способствует развитию приграничной торговли (в т.ч. в "челночной" форме), культурные особенности – развитию трансграничного туризма и др. Способствовать трансграничным взаимодействиям могут также природные свойства территории. Речные бассейны, озёра, горные системы создают предпосылки для координации и сотрудничества в хозяйственном использовании геосистем, решении возникающих экологических проблем.

Совокупность всех этих сходств и различий, усиливающих связи, называют "регионностью" (regionness), а сами связи можно назвать "приграничными практиками" [20]. Рост интенсивности этих практик ведёт к повышению регионности и может даже стать причиной формирования трансграничных регионов (ТГР). П.Я. Бакланов предлагал выделять трансграничные географические структуры (контактные структуры), которые способствуют развитию функциональных связей и сотрудничеству между территориями [1].

Как видно на рисунке 1, разные типы контактных структур (элементов ТГР) обладают разной способностью преодолевать границу, что во многом определяет способность акторов сотрудничества устанавливать трансграничные связи, структурировать сотрудничество, создавая институты. Легче всего обычно выстраивается сотрудничество в экологической сфере [6], области культурных связей, во многих отраслях экономики. Вопросы развития инфраструктуры, миграции и уж тем более выстраивания плотной кооперации между властями, как правило, требует глубокой вовлеченности национальных правительств.

Однако способность акторов преодолевать границу в целях взаимодействия между собой определяется не только свойствами той сферы сотрудничества, в рамках которой они взаимодействуют. Важную роль играют также сами институты сотрудничества. Новая институциональная теория понимает институты максимально широко – как любую признанную большинством акторов договоренность в рамках какого-то направления деятельности [25]. Одна из важнейших задач институтов состоит в снижении или компенсации возникающих при пересечении или взаимодействии поверх границы транзакционных издержек [12]. Так, советы трансграничных водных бассейнов помогают решать к взаимной выгоде различные вопросы, связанные с водопользованием, паводками, пропуском воды и судов через гидротехнические сооружения. Трансграничные сети туристско-информационных центров в Калининградском пограничье, позволяли в 2000-е гг. развивать трансграничный туризм. Культурные ассоциации способствуют развитию практики обменов – гастролям театров, творческих коллективов и др. Торговые дома часто работают не только как торговые представительства страны или компании, но

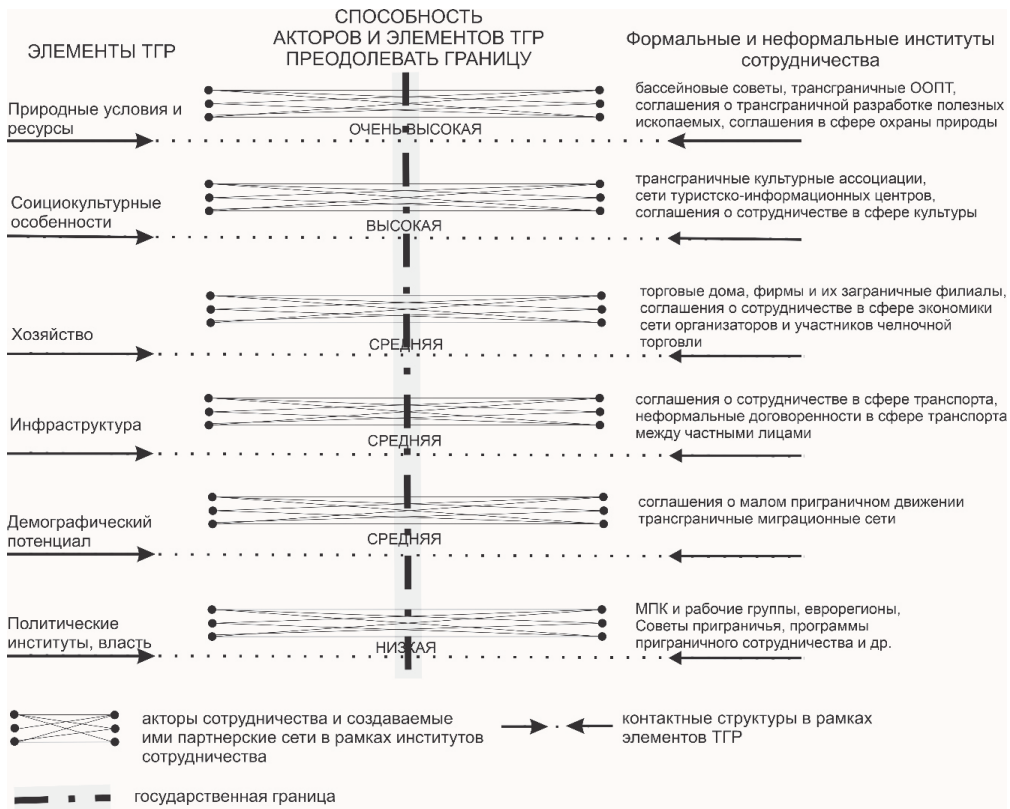

Рис. 1. Институты сотрудничества в рамках трансграничного региона.

Источник: составлено автором.

Fig. 1. Cooperation Institutions within a Cross-Border Region.

Source: compiled by the author

и как своего рода хозяйственные мосты, центры для трансграничных расчётов и пр.

Труднее всего идёт трансграничное институциональное строительство на политическом уровне. Дело в том, что для национальных властей вопросы регионального развития в приграничье часто глубоко вторичны, если только дело не касается вопросов геостратегической значимости. При этом для них краеугольным камнем остается вопрос государственного суверенитета, суть которого как раз и состоит в том, чтобы власть другой страны ни в коем случае не распространялась через границу. Для региональных властей, наоборот, именно вопросы регионального развития первичны, однако для выстраивания трансграничных коммуникаций и сотрудничества ввиду их особого геостратегического положения почти всегда требуется поддержка и ресурсы национальных властей.

Степень юридической оформленности институтов сотрудничества сильно различается, но большая часть из них, если следовать новой институциональной теории, является неформальными или полуформальными [22, с. 159]. Трансграничные сети челноков обеспечивают поставку и распределение товаров. Трансграничные миграционные сети часто рассматриваются даже как самостоятельная причина, способствующая поддержанию стабильных миграционных потоков. В большинстве случаев существование таких институтов незаметно для широкого круга лиц, однако результаты их деятельности могут существенно влиять на жизнь целых регионов. Так, "бензинщики" и "сосисочники" в калининградско-польском приграничье в 2000-е гг. играли важную роль в снабжении топливом сопредельных воеводств Польши и в обеспечении дешёвыми продуктами питания самой Калининградской области.

А челноки на Дальнем Востоке снабжали в товарных количествах товарами повседневного спроса рынки собственных регионов [13, с. 144–150].

Однако исследование неформальных институтов в большом пространственном масштабе вряд ли возможно, учитывая то, что объекты исследования не просто плохо измеримы и недостаточно хорошо сопоставимы, но часто не хотят быть изучены. Для их изучения требуется применять такие методы как полуструктурированное интервью или же включенное наблюдение.

Институты, имеющие формальное юридическое оформление, как правило, достаточно крупны и изучать их гораздо легче. Кроме того, исследователь может опираться на различные документы – стратегии, планы, отчётные материалы, результаты проектной деятельности и др. Однако порой значительную часть нормативно оформленных институтов можно отнести к категории "спящих структур", которые не ведут, почти не ведут или только имитируют свою деятельность.

Ещё одна проблема исследования институтов – это проблема территориальных и иерархических масштабов, в которых они функционируют. Уже больше, чем полстолетия мы живём в мире, где локальное, региональное и глобальное смешалось между собой [26]. Исследования британского социолога Б. Джессопа показывают, что схожие по своему территориальному масштабу трансграничные регионы и институты могут быть созданы при участии акторов разного иерархического уровня – наднациональными, национальными, региональными или местными властями [21]. В результате очень сложным становится отделить субрегиональные институты сотрудничества (транснациональное и трансграничное сотрудничество) от собственно приграничного сотрудничества [9; 16]. Часто институты подменяют или по крайней мере взаимодополняют друг друга [23; 27; 28].

Справится с последствиями такого "институционального хаоса" особенно на границах, где встречаются совершенно разные институциональные традиции (граница Западной и Восточной Европы, граница России с ЕС или с Китаем), отчасти позволяет принцип многоуровневого управления [18; 24]. Он состоит в увеличении числа акторов трансграничного сотрудничества за счёт привлечения (над)национальных, региональных и местных властей, различных некоммерческих организаций, ассоциаций, бюджетных учреждений (школ, домов культуры), различных фирм и др. При этом по возможности значительная часть вопросов сотрудничества решается на наименее централизованном уровне, соответствующем компетенциями того или иного набора акторов. Возникающая в результате этого сеть институтов с участием акторов разного уровня позволяет "направлять" вопрос в зависимости от степени его важности и степени политизации в тот или другой институт сотрудничества. Таким образом, невозможность договориться по одному вопросу не становится препятствием для решения проблем по другим пунктам повестки дня, распределённой между множеством акторов [2].

Эволюция институтов сотрудничества на российских границах

За последние десять лет, даже если не брать период геополитической нестабильности после 2022 г., наблюдались значительные сдвиги в особенностях институционального строительства.

Институты, возникшие на российских границах с начала 1990-х гг., заметно отличаются друг от друга по набору участвующих акторов и их роли во взаимодействиях, тематике сотрудничества, пространственному масштабу, а также выполняемым им функциям (создание институциональной среды, коммуникации, инициация и структурирование сотрудничества и др.).

Как уже было показано в более ранних исследованиях, одним из наиболее ранних институтов сотрудничества были **Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве**, которые активно подписывались российскими регионами в период острой фазы социально-экономического кризиса. Пионерами здесь были изолированные от рынков Европейской России дальневосточные регионы, где ситуация была особенно тяжёлой. В середине 1990-х гг. эта практика распространилась на постсоветские, а потом и другие российские границы. Задачи этих соглашений состояли в том, чтобы поддержать занятость населения за счёт сохранения старых производственных связей и наполнить товарами региональные потребительские рынки. В последующие

десятилетия тематика таких соглашений значительно расширилась: экономические связи были дополнены вопросами образования, культуры, научно-техническим сотрудничеством. Практика исследований показала, что большинство подобных соглашений (сейчас их уже более 140) не наполнены реальным содержанием или же наоборот отличаются чрезмерным прожектерством [15]. Главная функция данного института состоит в формировании институциональной среды: рамочный характер соглашений позволяет опираться на них при взаимных поездках региональных делегаций, организации гастролей театров, творческих коллективов, а также при реализации конкретных проектов сотрудничества.

Ещё одной крупной и весьма разнородной категорией с точки зрения уровня вовлеченности национальных властей являются разного рода **"Советы приграничья"**. Часть таких Советов было инициировано на постсоветских границах региональными властями без участия национальных. Такая стихийная "интеграция снизу" чаще всего не получала одобрения от центральных властей [8]. Так, всего несколько лет проработал Совет глав приграничных областей России, Беларуси и Украины, созданный в 1993 г. в Харькове. Не нашла поддержки со стороны центральных властей и деятельность созданного в 1996 г. Совета по сотрудничеству приграничных регионов Латвии, России и Эстонии. Иная судьба была у Советов, созданных при участии национальных властей. Так, в 1992 г. на российско-польской границе был создан Российско-Польский Совет, включающий 11 комиссий по различным вопросам приграничного сотрудничества, а в 1999 г. на границе с Литвой был Российско-Литовский Совет. В обоих Советах, несмотря на присутствие должностных лиц от национальных правительств, главными действующими лицами оставались региональные власти, а по некоторым вопросам и муниципальные власти. Похожий Российско-Китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству был создан в 1998 г. с участием регионов двух стран [13, с. 138]. Главная функция всех подобных советов состоит в оперативной координации общих направлений и форм долгосрочного сотрудничества, в т.ч. помощь другим институтам сотрудничества.

Особую роль среди институтов сотрудничества играют **Межправительственные комиссии (МПК) или Рабочие группы по приграничному сотрудничеству** в их составе. Благодаря ведущей роли национальных властей МПК определяют основные "правила игры" и долгосрочный вектор сотрудничества на каждом из участков границы. Однако, практика показывает, что инициативность региональных властей и наличие других институтов сотрудничества (еврорегионов, советов приграничья и др.), позволяет обеспечить более качественные решения в целях интенсификации сотрудничества. Так, в дополнение к Российско-Польскому совету в Калининградском приграничье в 2010 г. была образована Российско-Польская комиссия по вопросам межрегионального сотрудничества. Несмотря на более широкий мандат по тематике сотрудничества – приграничные вопросы оставались для неё ключевыми. Особое место в работе данной МПК уделялось темам, которые находились в исключительной компетенции национальных властей (визовые вопросы, особые приграничные режимы и пр.). Рабочие группы и подкомиссии по межрегиональному и приграничному сотрудничеству в составе МПК были созданы на границах с Норвегией, Финляндией, Казахстаном, Монголией, Китаем и КНДР. На границе с Польшей и Финляндией (не действует с октября 2023 г.), где сотрудничество было особенно плодотворным, были созданы отдельные МПК, занимавшиеся приграничной тематикой.

Советы приграничья, МПК и их структуры играли важную роль в формировании **еврорегионов и других подобных им образований**. Так, в Российско-Польском Совете существовала даже специальная рабочая группа, занимавшаяся мониторингом и координацией сотрудничества в еврорегионах. А уже упоминавшийся Совет по сотрудничеству приграничных регионов Латвии, России и Эстонии сам со временем превратился в еврорегион "Псков-Ливония". Эпоха активного еврорегионостроительства продолжалась на российских границах с конца девяностых до середины двухтысячных годов [11]. В этот период на границах Калининградской области возникло целых пять еврорегионов (Балтика, Сауле, Неман, Лына-Лава, Шешупе), один – на

границе с Финляндией (Карелия), ещё четыре сформировались на границе с Украиной (Ярославна, Донбасс, Слобожанщина) и Беларусью (Днепр). Некоторые еврорегионы формировались прежде всего муниципальными властями (Лына-Лавна, Шешупе, Псков-Ливония), другие опирались прежде всего на региональные власти (Карелия, Балтика). Именно два последних региона долгое время оценивались российским МИДом как наиболее успешные.

Мода на создание еврорегионов и подобных им структур затронула в 2000-е гг. не только пограничье с ЕС, Белоруссией и Украиной, но также и границы с Казахстаном, Монголией, Китаем и КНДР. Так, согласно Концепции развития приграничного сотрудничества Астраханской и Атырауской областей на 2004–2005 гг. предполагалось создать "первый евразийский регион", однако попытки, предпринимавшиеся вплоть до 2011 г., не увенчались успехом по причине слишком высокого уровня централизации власти в Казахстане [7].

В 2003 г. на границах России с Казахстаном, Монголией и Китаем был создан Международный координационный совет (МКС) "Алтай". Приоритет в сотрудничестве региональных властей был отдан экологическим вопросам, развитию туризма, культуры и транспорта. Несмотря на то, что за 20 лет работы МКС провел 18 заседаний и свыше 100 мероприятий, большинство проектов относится к категории "мягких", а интенсивность сотрудничества оставляет желать лучшего. В 2005 г. была перезапущена под новым названием "Расширенная Туманганская инициатива", где ведущую роль в сотрудничестве в отличие от большинства других еврорегионоподобных проектов играют национальные власти. В 2015 г. стороны создали Деловой консультативный совет и Общий фонд для финансирования совместных проектов, однако результаты сотрудничества очень скромны по целому ряду причин геополитического и геостратегического характера.

Местное (малое) приграничное передвижение (МПП) также можно рассматривать как институт приграничного сотрудничества, который облегчает взаимодействие для людей, бизнеса и разнообразных акторов сотрудничества и значительно снижает издержки при пересечении границы [19]. Облегченный режим для жителей приграничных территорий был впервые введён соглашениями о МПП между Россией и Украиной с 2006 г.¹ и Россией и Казахстаном с 2009 г.² Важно отметить, что статья 11 российско-казахстанского Соглашения рекомендовала применять их с даты подписания, а не с момента фактического вступления в силу после ратификации. Можно сказать, что оба документа легализовали неформальные практики существовавшие после распада СССР. И хотя формально Соглашения предусматривали коммуникации только между сопредельными районами, многие граждане выезжали далеко за пределы разрешённой зоны.

На границе с Украиной режим МПП официально прекратил свое действие 9 ноября 2023 г., фактически – в 2014 г. На границе с Казахстаном режим МПП действует, однако популярность его постепенно снижается. Это связано с депопуляцией полосы приграничных районов, а также с ненадёжной работой существующей сети пунктов пропуска. Часть пунктов пропуска работает только в выходные дни, другие – по предварительным заявкам ввиду недостатка личного состава. В зимнее время часто требуется договориться с местной администрацией или фермерами, чтобы расчистить дорогу к пункту пропуска.

Упрощённый режим пересечения границы для жителей приграничных районов действовал с 1994 г. и на российско-монгольской границе. Для её пересечения требуется оформление в органах внутренних дел разового пропуска. Коммуникации граждан разрешаются по схеме "район–район", однако дополнительно в перечень разрешённых мест для посещения в составе организованных групп добавлены города Алтанбулаг и Кяхта.

¹ Формально прекратило своё действие 9 ноября 2023 г., фактически – в 2014 г.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке пересечения российско-казахстанской государственной границы жителями приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан (3 октября 2006 г., Уральск; с изменениями от 7 июня 2012 г.).

На границах с ЕС режим МПП существовал с приграничными районами Норвегии (2012), Латвии (2013) и Польши (2012) [19]. Соглашения предусматривали получение разрешения на многократное пересечение границы. Обсуждалась возможность введения аналогичных режимов на российско-финляндской и российско-литовской границах. Однако уже в 2016 г. режим МПП был заморожен по инициативе Варшавы на границе с Польшей. В 2022 г. по инициативе сопредельных стран был приостановлен режим МПП на российско-латвийской и российско-норвежской границах.

Программы приграничного сотрудничества (далее – ППС) – также один из старейших институтов в российском порубежье. Как и региональные соглашения, ППС обычно имеют конкретный срок реализации и не продлеваются автоматически, однако в отличие от соглашений в их подготовке, подписании и реализации ключевую роль играют национальные власти. Сегодня можно выделить два основных типа ППС: постсоветский, европейский и китайский.

Постсоветский тип ППС возник в российско-казахстанском пограничье в 1999 г., когда была запущена первая программа сотрудничества на восьмилетний период. Эта и все последующие программы отличались ориентацией в первую очередь на экономическую составляющую сотрудничества, однако чаще всего не имели конкретного списка совместных проектов и никогда не предусматривали каких-либо механизмов реализации запланированного. На практике сотрудничество на региональном уровне велось с помощью плана совместных мероприятий, куда вписывались различные мероприятия, большая часть которых реализовывалась бы вне зависимости от существования программы (концерты, молодёжные обмены, фестивали культуры и др.). От программы к программе предмет сотрудничества всё больше "размывался", а само сотрудничество превращалось в межрегиональное – в программную территорию включались всё более удаленные от границы территории. По похожим принципам строились российско-украинские (2001–2007 гг. и 2011–2016 гг.) и недавно разработанная Среднесрочная программа действий по развитию межрегионального сотрудничества на 2021–2025 гг. между Россией и Монголией.

Китайский тип ППС во многом похож на постсоветский и базируется на опыте создания и реализации первой Программы приграничного сотрудничества России и Китая в период с 2009–2018 гг. Как и в постсоветском типе, здесь также отсутствовали постоянно действующие органы управления и бюджет, и также были ежегодно обновляемые совместные планы реализации. Выгодным отличием этой программы был конкретный перечень проектов, которые необходимо реализовать. Однако на практике оказалось, что значительная часть проектов на китайской стороне опиралась на внутрисударственные планы инфраструктурного развития, в то время как большинство российских проектов предлагалось из расчёта на возможное китайское финансирование. В результате большая часть проектов на российской стороне так и не была реализована.

Европейский тип ППС, сформировавшийся на основе опыта сотрудничества в еврорегионах на границах между странами Старой Европы, был подробно проанализирован в предыдущих исследованиях [29]. Эволюция этих программ происходила в несколько этапов. На первом этапе (с 1996 г. по 2000 г.) сотрудничество развивалось недостаточно системно, хотя и было подкреплено финансированием. Так, в рамках в рамках ППС TACIS CBC Small Project Facility было профинансировано 146 проектов, большая часть из которых были мало связаны между собой и не всегда касались собственно приграничной тематики. Однако значительная часть средств была потрачена на строительство объектов приграничной инфраструктуры (пункты пропуска и подъездные пути к ним), а также различные обучающие семинары, концерты и молодёжные обмены.

На втором этапе (2000–2006 гг.) для разных участков России на Северо-Западе были разработаны свои отдельные программы, учитывающие уникальные особенности и потребности прилегающих к границе территорий. Россия участвовала в пяти таких ППС, однако наибольших успехов удалось достичь на российско-финляндской границе, где, благодаря деятельности еврорегиона "Карелия" удалось разработать действительно совместную россий-

ско-финляндскую ППС "Наша общая граница". На других участках границ с новыми членами ЕС (Польша и страны Прибалтики вступили в ЕС в 2004 г.), мнение России о потенциальных целях и задачах сотрудничества принималось к сведению, но часто не учитывалось. Кроме того, отсутствовал единый подход к рассмотрению и одобрению заявок, подаваемых к финансированию. Для европейских партнёров конкурсные процедуры проходили в местном управляющем органе программы Interreg, а для российских участников – в представительстве Европейской комиссии в России, которое распоряжалось средствами программы TACIS. Это приводило к значительным проблемам в сотрудничестве.

На третьем этапе (2007–2013 гг.) для финансирования и управления программами был представлен новый инструмент соседства и партнёрства, позволивший объединить всю совокупность внутренних и внешних источников финансирования каждой из стран, а также собственные средства рядовых проектантов. В том числе, благодаря усилиям и финансовому вкладу России, удалось достичь большего равноправия в сотрудничестве. ППС теперь разрабатывались с обязательным учётом стратегических документов и мнения органов власти развития всех участников сотрудничества. В структуре ППС создавались совместные органы управления, мониторинга хода реализации программы, специальный комитет по отбору заявок, совместный технический секретариат и др. Участвовать в заявочных кампаниях мог широкий круг акторов: региональные власти, органы местного самоуправления, государственные учреждения (больницы, школы, университеты, музеи, некоммерческие организации и др.). Партнёры в обязательном порядке подавали совместные заявки на проекты, реализация которых предполагала наличие "зримого" эффекта по обе стороны государственной границы.

Период подготовки и запуск новых ППС в 2014–2020 гг. по времени совпал с геополитическим кризисом в отношениях между Россией и её западными партнёрами. Взаимные санкции и быстрое сворачивание двусторонних связей по линии Россия – ЕС давали основания полагать, что приграничное сотрудничество также может быть заморожено. Однако Еврокомиссией было принято специальное решение о неприменении санкций к проектам, реализуемым в рамках новых ППС. Россия также после учёта всех санкционных рисков пошла на продолжение сотрудничества. Новшеством стал переход от многостороннего к двустороннему сотрудничеству, что объяснялось "политическими вызовами" и "плохой координацией проектов" со стороны региональных и локальных властей двух или нескольких стран. В результате число ППС выросло с пяти до семи, однако остальные изменения были скорее косметические.

ППС европейского типа существенно повлияли на другие институты сотрудничества, переформатировав институциональное пространство в приграничье. Это нашло выражение в селекции существующих институтов сотрудничества. Так, произошло затухание активности в части наиболее слабых еврорегионов (Сауле, Шешупе, Неман и др.), которые оказались неспособны не только участвовать в разработке ППС, но и выступать в качестве рядовых проектантов. В то же время произошло формирование новых еврорегионоподобных форм сотрудничества, которые нашли признание даже в Ассоциации европейских приграничных регионов (АЕПР)³. Так, "Чудской проект", первоначально сфокусированный на экологической повестке, стал восприниматься как своего рода платформа для сотрудничества по широкому кругу вопросов (от реабилитации детей инвалидов до создания веревочных парков). Эксперты АЕПР рассматривали также возможность превращения органов управления ППС "Юго-Восточная Финляндия – Россия") в полноценный еврорегион.

Одновременно наблюдалась синергия институтов сотрудничества. Например, еврорегион "Карелия" вообще позиционировал одноименную программу сотрудничества как инструмент собственного развития. Аналогичная ситуация наблюдалась и с программой "Коларктик", которая фактически стала инструментом финансирования "Баренц-региона". В свою очередь "Баренц-регион", который изначально рассматривался как институт трансгра-

³ Cross-border cooperation in Europe (map) // Association of European Border Regions (AEBR). URL: <https://www.aebr.eu/>

ничного сотрудничества в Европейской Арктике, всё больше и больше напоминал по характеру деятельности классический еврорегион.

Типы институционального сотрудничества: вчера и сегодня

Проблема выделения различных типов приграничного сотрудничества не раз оказывалась в исследовательском фокусе многих отечественных и зарубежных ученых. Ими была установлена прямая связь между институциональным оформлением, интенсивностью и качеством трансграничных взаимодействий. Процесс развития и углубления сотрудничества обычно проходит несколько этапов. На первых наблюдаются не сложные и территориально ограниченные контакты. Затем трансграничные взаимодействия фокусируются вокруг общих вызовов, преимущественно в сфере охраны окружающей среды. На последующих этапах происходит углубление и расширения кооперационных связей [6; 28]. Некоторые исследователи полагают, что совместное пространственное планирование свидетельствует о высокоинституционализированном и развитом приграничном сотрудничестве [27].

Похожий подход предлагал и Л.Б. Вардомский, выделив институциональную (партнёрскую) и торговую (традиционную) модель [4; 5]. В основе первой лежит система пересекающихся на разных пространственных и иерархических уровнях институтов – соглашений, еврорегионов, субрегионов и др. Вторая складывается в процессе эксплуатации трансграничной ренты, возникающей в зоне контакта территорий с разной экономической и социальной моделью. Конкретными проявлениями второй модели является "челноничество", перенос части потребления на соседнюю территорию и др.

В том или ином виде эти модели сосуществуют на всех участках российских границ, однако конкретные пропорции уникальны для каждого из участков. Л.Б. Вардомский выделили три географических типа приграничного сотрудничества: постсоветский, китайский и европейский [5].

А.Б. Себенцов предложил внести ряд изменений в типологию Л.Б. Вардомского, учитывая новые факторы, а также делающую её более детализированной [15]. Однако, дальнейшее углубление противостояния с Западом и ход начавшейся в 2022 г. специальной военной операции, требует новых корректировок, которые представлены ниже.

Европейский тип сотрудничества сформировался в постсоветское время в приграничье с Норвегией, Финляндией, Польшей и странами Прибалтики. До недавнего времени он отличался высокой плотностью и разнообразием работающих институтов. Общность нормативной базы, в т.ч. ратификация всеми странами Конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, способствовала институциональному строительству, определению общего понимания допустимых пределов сотрудничества и др.

ППС, созданные совместно с каждой из приграничных стран ЕС, позволили сформировать общие органы управления сотрудничеством, общую систему финансирования, отбора и оценки проектов. Можно сказать, что эти особенности их организации стали краеугольным камнем, которые не только сильно изменили, но и поддерживали сложившуюся на Северо-Западе систему институтов. Устойчивые партнёрские сети связывали города приграничных регионов и воспроизводились в каждой новой ППС. Благодаря такому подходу сотрудничество в европейском приграничье отличалось удивительной устойчивостью к геополитическим кризисам 2007 и 2014 гг.

В 2022 г. новый виток геополитического противостояния с западными странами привёл к полномасштабной и быстрой деградации накопленного потенциала сотрудничества. В феврале – марте 2022 г. были остановлены ППС, расторгнуты многочисленные соглашения между регионами, городами-близнецами и побратимскими поселениями, что привело к распаду сложившихся партнёрских сетей и еврорегионов. В течение 2022 г. и первой половины 2023 г. было также остановлено сотрудничество в рамках всех ТТР, в т.ч. самых крупных – регионе Балтийского моря (Совет государств Балтийского моря) и регионе Баренцева моря (Совет Баренцева Евроарктического региона, Баренцев региональный совет). Тем не менее изучение уникального опыта сотрудничества на границах российского Северо-Запада приобретает особую важность для переноса наиболее успешных практик на границы со странами Евразийского экономического союза.

Постсоветский тип приграничного сотрудничества опирается на остатки прежних производственных связей, сложившихся преимущественно в сырьевом секторе или в перерабатывающих отраслях низких переделов, а также на родственные и дружеские связи между людьми. На границах с Казахстаном, Белоруссией и Украиной в 2000-е гг. начал формироваться специфический *евразийский подтип постсоветского сотрудничества*. Его отличительные черты – интерес к институционализированному сотрудничеству – созданию межрегиональных соглашений, региональных советов приграничья, межправительственных комиссий по приграничному сотрудничеству, совместных ППС. Однако эффективность такого сотрудничества, как правило, была невелика: сказывается отсутствие общих органов управления, единой системы отбора и финансирования проектов, разделяемых всеми сторонами целей и задач сотрудничества. Ещё одним препятствием стал низкий уровень деволюции полномочий к региональным и особенно местным властям, не имевшим достаточных полномочий и ресурсов для полноценного сотрудничества. Проведенные в 2022–2023 гг. в рамках исследования интервью с представителями федеральных и региональных органов исполнительной власти, продемонстрировали их стремление модернизировать существующие программы сотрудничества. Так, Псковская область России и Витебская область Беларуси в 2022 г. выступили с инициативой по разработке ППС "европейского образца". Национальные власти России и Беларуси, а также Союзное государство поддержало эту инициативу и в 2023 г. начался процесс разработки такой программы. Однако, наши интервью показали, что региональные органы власти Псковской области даже в середине 2024 г. так и не были вовлечены в процесс разработки программы, которая "уже почти завершена".

Похожая ситуация сложилась и на российско-казахстанской границе. Проект российско-казахстанской ППС, построенной на новых принципах, представлялся в 2021 г. "на рецензию" карельским экспертам, управлявшим проектной деятельностью в ППС "Карелия". Интервью, проведенные в 2023 г. с региональными органами власти в Челябинской и Курганской областях, показали, что им ничего не известно о содержательной стороне этой программы.

Негативно можно оценить и тенденцию к постепенной потере фокуса на собственно приграничной тематике в сотрудничестве. Так, последние ППС на казахстанской границе называются "межрегиональными" и их участниками могут быть все регионы двух стран. Межрегиональный статус получил и Форум приграничного сотрудничества, который все в большей степени становится площадкой для обсуждения вопросов межгосударственного сотрудничества.

На границах с Грузией и Азербайджаном сложилась *типично постсоветская* форма сотрудничества, особенности которой связаны с гипертрофированной ролью стихийной трансграничной торговли и низким уровнем (или полным отсутствием) институционализации, что связано как с местными традициями, так и с непростыми межгосударственными отношениями (особенно с Грузией). Человеческий капитал дружеских и родственных связей, этнокультурная близость ряда общин на границе Азербайджана и российского Дагестана – естественная основа для трансграничного бизнеса. Можно предположить, что интенсификация сотрудничества регионе Каспийского моря, активизирует процессы институционального строительства [3].

Особая ситуация складывается на российско-украинской границе. Смена власти на Украине и последовавшее за этим обострение двусторонних отношений привели к сворачиванию приграничного сотрудничества ещё десять лет назад. До окончания СВО, установления государственных границ и нормализации отношений между странами, говорить о приграничном сотрудничестве в российско-украинском порубежье не приходится.

Для **китайского типа** характерен неэквивалентный вклад российской и китайской стороны в двусторонние взаимодействия, недостаток разделяемых обеими сторонами общих целей сотрудничества [13, с. 121–154]. ППС, которая была запущена в 2009 г. и была рассчитана на девять лет, открывала Китаю дополнительные возможности по завоеванию российского рынка, расширению существующих путей транзита товаров в Европу и получения дешёвого сырья. Российская стратегия её имплементации фактически отсутствовала: удалось реализовать только несколько крупных проектов по стро-

ительству мостовых переходов. Низкий уровень деволюции по обе стороны границы, опасения "китайской экспансии" со стороны федерального центра и некоторых региональных элит, естественным образом тормозят трансграничные взаимодействия.

Монгольская модель имеет много общего с постсоветской. Её отличает опора на человеческие связи родственных в социокультурном отношении народов – бурятского и монгольского. Кроме того, здесь также присутствуют сравнительно слабые институты приграничного сотрудничества и высока роль неформальных торговых взаимодействий.

Северокорейский тип сформировался на закрытой и высокобарьерной границе между двумя странами. Контакты между региональными властями здесь фактически отсутствуют, а всё взаимодействие с российской стороны осуществляется под жёстким контролем федеральных властей. Российский разворот на Восток и заметное потепление двусторонних отношений после начала СВО дают основания полагать, что в ближайшие годы вероятно возобновление практики привлечения северокорейских рабочих для реализации важных для России проектов в близлежащих дальневосточных регионах.

Обсуждение результатов и выводы

Несмотря на геополитические потрясения, произошедшие после 2014 г., парадокс "сильного" и "слабого" сотрудничества на границах, соответственно, с дружественными и недружественными странами сохранился до самого последнего времени. Разрешение этого противоречия произошло не столько за счёт "подтягивания слабых", сколько за счёт "ослабления сильных".

Приграничное сотрудничество со странами ЕС в целом показало удивительную устойчивость, несмотря на неблагоприятную геополитическую конъюнктуру. Сложившаяся плотная сеть институтов в условиях многоуровневого управления не только хорошо справлялась со своими задачами, но даже выполняла функции площадки для неформальных контактов между национальными правительствами. ППС европейского типа с общими целями и критериями отбора проектов, совместными органами управления и бюджетом – стали главным опорным элементом этой сети. Благодаря их действию, главной тенденцией, наблюдавшейся до 2022 г., стала селекция и синергия отдельных институтов сотрудничества. Среди еврорегионов, рост интенсивности кооперационных связей наблюдался только в еврорегионе "Карелия", в то время как остальные еврорегионы снижали свою активность. Появлялись новые еврорегионоподобные образования, а некоторые трансграничные институты все в большей степени напоминали классические еврорегионы.

Активизация институционального сотрудничества на восточных и южных рубежах страны в этот период достигалась усилиями прежде всего национальных властей. Однако при этом терялся фокус на потребностях и нуждах прежде всего приграничных регионов – сотрудничество становилось в большей степени межрегиональным. Создаваемые ППС (на границе с Казахстаном и Монголией), которые по мысли создателей должны были придать импульс сотрудничеству, имели ряд существенных недостатков: отсутствовали конкретные цели и содержание сотрудничества, не было предусмотрено совместных органов управления, общего бюджета и критериев отбора проектов.

События 2022 г. привели к одномоментному слому всей системы институтов, существовавшей на границах российского Северо-Запада, при этом не произошло ожидаемого многими "прорыва" на границах с дружественными странами. Однако решение этой задачи, на наш взгляд, возможно, если использовать опыт успешных практик сотрудничества, полученный на границах со странами ЕС. Наиболее важным представляется применение программно-проектного подхода, который имеет критически важные преимущества по сравнению с традиционным. Во-первых, территориальность ППС (то есть отнесение программ к конкретной территории) позволяет учесть уникальные особенности, конкретный набор проблем и вызовов для того или иного участка границ, при этом оставаясь в рамках единого инструмента развития приграничных территорий, типового в части механизма реализации, источников финансирования и пр. Во-вторых, программный подход означает инициирование создания общих органов управления, общего бюджета и "единых правил игры". Институциональная структура таких органов полностью проработана

и успешно апробирована в течение 20 лет. В-третьих, деполитизированность тем сотрудничества позволяет уберечь реализацию востребованных с обеих сторон границы проектов от различных конъюнктурных колебаний геополитического и геоэкономического толка. В-третьих, формулировка общих целей сотрудничества, которая необходима при использовании программного подхода, позволяет сделать приграничные регионы бенефициарами межгосударственных интеграционных инициатив и спроецировать национальные цели внутренней и внешней политики на приграничье. Эти цели могли бы стать основой для особой российской политики добрососедства, которая стала бы частью и внешнеполитической и внутриполитической систем стратегического планирования.

Литература

1. Бакланов П. Я. Контактные географические структуры и их функции в Северо-Восточной Азии // Известия РАН. Серия географическая. 2000. №1. С. 31–39.
2. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. "Северное измерение": стратегии участников // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 55–63. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2009-1-5>.
3. Вардомский Л. Б. и др. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии. М: Институт экономики РАН, 2023. 74 с.
4. Вардомский Л. Б. Приграничное сотрудничество на "новых и старых" границах России // Евразийская экономическая интеграция. 2008. № 1. С. 90–108.
5. Вардомский Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Кн. дом "ЛИБРОКОМ". 2009. 216 с.
6. Волынчук А. Б., Фролова Я. А. Регион как форма трансграничности // Трансграничный регион: понятие сущность, форма / науч. ред. П. Я. Бакланов. 2010. С. 115–130.
7. Карпенко М. С., Колосов В. А., Себенцов А. Б. Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5. С. 25–40.
8. Колосов В. А., Кирюхин А. М., Зотова М. В., Себенцов А. Б. Партнёрство ради будущего: приграничное сотрудничество в российско-украинских отношениях // Европа – Центр. 2014. № 1. С. 27–36.
9. Кондратьева Н. Б. Россия – ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. 2014. №4 (60). С. 33–47. <https://doi.org/10.15211/soveurope420143347>.
10. Кузнецов А. В. Еврорегионы: полвека "малой" интеграции // Современная Европа. 2008. № 2. С. 48–59.
11. Кузнецов А. В. Российское участие в еврорегионах // Регион сотрудничества. Вып. 4 (29): Новые пространственные формы организации экономики / Под общ. ред. А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ. 2004. С. 5–19.
12. Макарычев А. С. Пространственные характеристики трансграничной безопасности // Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М., Волгоград: НОФМО. 2002. С. 8–40.
13. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья: монография / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожейной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. 213 с.
14. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 2: Регионы Западного и Юго-Западного порубежья России: монография / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожейной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. 159 с.
15. Себенцов А. Б. Институциональное измерение приграничного сотрудничества в российском приграничье // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 66–75.
16. Фёдоров Г. М., Корнеевец В. С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32–41.
17. Яровой Г. Я. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб.: Норма, 2007. 280 с.
18. Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance. 2003. Vol. 16 (4). P. 503–526.
19. Gumenyuk I. I., Kuznetsova T. T., Osmolovskaya L. L. Local border traffic is an efficient tool for developing cross-border cooperation // Baltic Region. 2016. 1(8). P. 76–82. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-6>.
20. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the rise of regionness. / Hettne B., F. Söderbaum. // New Political Economy. Vol. 5. No. 3 (December). 2000. P. 457–472.

21. Jessop B. The Political Economy of Scale and the Construction of Cross-Border Micro-Regions // *Theories of New Regionalism*. Ed. by Söderbaum F., Shaw T. M. Palgrave, 2003. P. 179–196.
22. Jupille J., Caporaso J. A. *Theories of Institutions*. Cambridge University Press; 2022. 304 p.
23. Kolosov V. A., Sebenstov A. B. Regionalisation in Northern Europe and the Northern Dimension in Russian political discourse. // *Baltic Region*. 2019. Vol. 11. No.4. P. 76–92.
24. Marks G. Structural Policy and Multilevel Governance in the EC // *The State of the European Community*. Harlow: Longman, 1993. P. 391–411.
25. North D. Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5 (1). P. 97–112.
26. Perkmann M. Construction of new territorial scales: a framework and case study of the EUREGIO cross-border region // *Regional studies*. 2007. Vol. 41. No. 2. P. 253–266.
27. Perkmann M. Cross-border regions in Europe: Significance and drivers of regional cross-border co-operation // *European Urban and regional studies*. 2003. Vol. 10. No. 2. P. 153–171.
28. Perkmann M. Euroregions: institutional entrepreneurship in the European Union // *Globalization, regionalization and cross-border regions*. London: Palgrave Macmillan UK, 2002. P. 103–124.
29. Sebenstov A. B. Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach. // *Geography, Environment, Sustainability*. 2020. No. 13 (1). P. 74–83. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>.

References

1. Baklanov P. Contact geographical structures and their functions in Northeast Asia // *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographic series*. 2000. No. 1, P. 31–39 (In Russ.).
2. Busygina I., Filippov M. "Northern Dimension": strategies of participants // *Baltic region*. 2009. No. 1. P. 55–63. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2009-1-5> (In Russ.).
3. The Caspian region in the processes of regionalization of Eurasia/ Ch. ed. Vardomskij L. B. Moscow: Institute of economy Russian Academy of Sciences, 2023. P. 74. (In Russ.).
4. Vardomskij L. B. Cross-border cooperation on the "new and old" borders of Russia // *Eurasian economic integration*. 2008. No. 1. P. 90–108. (In Russ.).
5. Vardomskij L. B. *Russian borderlands in the context of globalization*. Moscow: Librokom Publishing House, 2009. 216 p. (In Russ.).
6. Volynchuk A., Frolova YA. Region as a form of transborder // *Transborder region: understanding the essence, form / Ch. ed. P. YA. Baklanov*, 2010. 115–130. (In Russ.).
7. Karpenko M., Kolosov V., Sebenstov A. Transformation of the Russian-Kazakh border region in the post-Soviet period: institutional and economic dimensions // *Problems of national strategy*. 2021. No. 5. P. 25–40. (In Russ.).
8. Kolosov V., Kiryuhin A., Zotova M., Sebenstov A. Partnership for the future: cross-border cooperation in Russian-Ukrainian relations // *Europe Center*. 2014. No. 1. P. 27–36. (In Russ.).
9. Kondrat'eva N. Russia – EU: cross-border cooperation beyond the current situation // *Contemporary Europe*. 2014. No. 4. P. 33–47. <https://doi.org/10.15211/soveuroper420143347>. (In Russ.).
10. Kuznetsov A. Euroregions: half a century of "small" integration // *Contemporary Europe*. 2008. No. 2. P. 48–59. (In Russ.).
11. Kuznetsov A. Russian participation in Euroregions // *Region of cooperation*. 2004. No. 4. P. 5–19. (In Russ.).
12. Makarychev A. Spatial characteristics of cross-border security // *Security and international cooperation in the belt of Russia's new borders/ Ch. ed. L. B. Vardomskij, S. V. Golunov*. Moscow–Volgograd: Nofmo Publishing house. 2002. P. 8–40. (In Russ.).
13. Cross-border cooperation along the Russian state border. Part 1: Regions of the Far East, Siberia, the Urals and the Volga region/ Ch. Ed. A. P. Klemesheva, YA.A. Vorozheinoj, I. S. Gumenyuka, G. M. Fedorova. Kaliningrad: BFU named after I. Kanta Publishing House, 2021. P. 213. (In Russ.).
14. Cross-border cooperation along the Russian state border. Part 2: Regions of the Western and Southwestern borders of Russia/ Ch. Ed. A. P. Klemesheva, YA.A. Vorozheinoj, I. S. Gumenyuka, G. M. Fedorova. Kaliningrad: BFU named after I. Kanta Publishing House, 2022. P. 159. (In Russ.).
15. Sebenstov A. Institutional dimension of cross-border cooperation in the Russian border region // *Regional studies*. 2018. No. 3. P. 66–75. (In Russ.).
16. Fedorov G., Korneev V. Trans-border regions in the system of the regional hierarchy: the systemic approach // *Baltic region*. 2009. No. 2. P. 32–41. (In Russ.).
17. Yarovoj G. *Regionalism and cross-border cooperation in Europe*. Saint-Petersburg: Norma Publishing House. 2007. P. 280. (In Russ.).
18. Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // *Governance*. 2003. Vol. 16. No. 4. P. 503–526.
19. Gumenyuk, I., Kuznetsova, T., Osmolovskaya, L. Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation // *Baltic Region* 2016. No. 1. P. 76–82. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-6>.

20. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the rise of regionness. // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 457–472.
21. Jessop B. The Political Economy of Scale and the Construction of Cross-Border Micro-Regions // *Theories of New Regionalism* / Ch. ed. Söderbaumand F. Shaw T. M. London: Palgrave Macmillan, 2003. P. 179–196.
22. Jupille J., Caporaso J. A. *Theories of Institutions*. Cambridge University Press, 2022. 304 p.
23. Kolosov V., Sebentsov A. Regionalisation in Northern Europe and the Northern Dimension in Russian political discourse // *Baltic Region*. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 76–92.
24. Marks G. *Structural Policy and Multilevel Governance in the EC* // *The State of the European Community*. Harlow: Longman, 1993. P. 391–411.
25. North D. *Institutions* // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5 (1). P. 97–112.
26. Perkmann M. Construction of new territorial scales: a framework and case study of the EUREGIO cross-border region // *Regional studies*. 2007. Vol. 41. No. 2. P. 253–266.
27. Perkmann M. Cross-border regions in Europe: Significance and drivers of regional cross-border co-operation // *European Urban and regional studies*. 2003. Vol. 10. No. 2. P. 153–171.
28. Perkmann M. Euroregions: institutional entrepreneurship in the European Union // *Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions*. *International Political Economy Series* / Ch. ed. Perkmann M., Sum N. L. London: Palgrave Macmillan, 2002. P. 103–124.
29. Sebentsov A. Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach // *Geography, Environment, Sustainability*. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 74–83. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>.

Информация об авторах

Александр Борисович Себенцов, канд. геогр. наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, Москва, Россия, e-mail: asebentsov@igras.ru

Information about the authors

Alexander B. Sebentsov, Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: asebentsov@igras.ru

Поступила в редакцию 15.09.2024

Received 15.09.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2024

Approved 17.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Accepted 27.11.2024

Трансграничные регионы Дальнего Востока: общее и специфичное

Александр Николаевич Демьяненко
независимый исследователь, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Аннотация. Дальний Восток (ДВ) – уникальный макрорегион России: в его пределах, а они не были неизменными, в разных его частях происходило формирование разнообразных трансграничных регионов (ТР). Упомянутое разнообразие в свою очередь определяется как геополитическими факторами, так и природным, экономическим и социально-политическим контекстом присущим дальневосточному макрорегиону на различных этапах его эволюции. При этом макрорегион рассматривается нами не просто как площадка, на которой взаимодействуют глобальные игроки, а как участник геополитической игры. Характерная черта дальневосточных ТР – их аква-территориальная природа. Другая характерная черта ТР ДВ – вовлеченность в формирование их геополитического ландшафта не только сопредельных государств.

Ключевые слова: миграция, Дальний Восток, трансграничные регионы, трансграничные пространства, трансграничные взаимодействия

Для цитирования: Демьяненко А. Н. Трансграничные регионы Дальнего Востока: общее и специфичное // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 26–37. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/26-37>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/26-37>

Cross-border regions of the Far East: general and specific

Alexander N. Demyanenko
Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

Abstract. The Far East (FE) is a unique macroregion of Russia: within its boundaries, which have not been constant, various transboundary regions (TR) have been formed in different parts of it. The said diversity is in turn determined by both geopolitical factors and the natural, economic and socio-political context inherent in the Far Eastern macroregion at various stages of its evolution. At the same time, we consider the macroregion not just as a platform for interaction between global players, but as a participant in a geopolitical game. A characteristic feature of the Far Eastern TR is their aqua-territorial nature. Another characteristic feature of the FE TR is the involvement of not only neighboring states in the formation of their geopolitical landscape.

Key words: Far East, cross-border regions, cross-border spaces, cross-border interactions

For citation: Demyanenko A. N. Cross-border regions of the Far East: general and specific // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 26–37. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/26-37>

Введение

В последнее время по причинам самого различного свойства наблюдается рост интереса к проблемам трансграничных взаимодействий в целом и трансграничных регионов (ТР) в частности. В ходе многочисленных дискуссий, в которые оказались вовлечёнными представители самых различных социально-гуманитарных дисциплин – от антропологов до специалистов в области языкознания, был достигнут консенсус относительно того, что становление и последующая динамика ТР определяется не только, а зачастую даже не столько соотношением сил на глобальной шахматной доске, сколько состоянием дел на субглобальном, и, как правило, на региональном уровне. Более того, характер взаимоотношений между акторами по обе стороны государственной границы в пределах ТР далеко не всегда определяется решениями, принимаемыми на межгосударственном уровне, всё чаще в качестве таковых выступают органы власти и управления субнационального, то есть регионального, а иногда и местного уровня. Всё чаще в исследовательском фокусе оказываются социальные практики, присущие тем или иным социальным группам по обе стороны государственной границы. Наконец, при исследовании трансграничья всё в большей мере уделяется внимание как социально-экономическому, так и природному контекстам. При этом особо следует отметить, что природный контекст, или, иначе, физико-географическое пространство, приобретает особую значимость в относительно малоосвоенных регионах, таких как ДВ.

Цель исследования: не только попытаться выявить специфику источников и движущих сил эволюции дальневосточных ТР, но и привлечь внимание к некоторым методологическим проблемам исследования трансграничных процессов в Дальневосточном макрорегионе.

Несколько слов относительно специфики Дальневосточного макрорегиона

Прежде, чем перейти к рассмотрению специфики дальневосточных ТР, в предельно краткой форме остановимся на специфике самого Дальневосточного макрорегиона¹.

Начнём с того, что ДВ, как и любой другой макрорегион России представляет собой первый уровень делимитации российских пространств.

Во-первых, ДВ рассматривается нами как сложная пространственная система, которая несводима к той или иной единице административно-территориального деления, но которая, опираясь на "прочную физико-географическую основу", может быть представлена как ансамбль пространств: природного, экономического, социального, политического. Поэтому, говоря о ДВ, мы имеем в виду не Дальневосточный федеральный округ, который с какой бы стороны мы его ни рассматривали, невозможно представить в качестве пространственной системы, а собственно ДВ в его традиционном понимании, то есть без Якутии и Забайкалья.

Во-вторых, ДВ всё ещё остаётся пространственной системой, уровень сформированности (зрелости) которой далеко не в полной мере соответствует потенциалу макрорегиона. При этом необходимо иметь в виду, что социально-экономическое и физико-географическое пространство ДВ самым существенным образом отличается не только от макрорегионов Европейской России, но и Сибири.

В-третьих, ДВ, пожалуй, если не единственный, то один из немногих макрорегионов России, который можно рассматривать как аква-территориальный. То есть ДВ можно отнести к категории "контактных структур", формирование и эволюция которых определяется их положением на границе, в данном случае – Евразийского континента и Тихого океана. Однако "контактные структуры" формируются не только границами природного, но и политического характера, в частности, государственными границами.

В-четвертых, процессы районообразования на протяжении всей истории ДВ находились под влиянием геополитических факторов. В силу разнообразия условий как природного, так и этнокультурного и социально-экономического характера в каждом конкретном случае влияние геополитических факторов существенно различалось. В конечном счёте это разнообразие условий следует рассматривать как предпосылку формирования в пределах ДВ макрорегиона пространственных социально-экономических образований, в том числе имеющих трансграничную природу, отличающихся друг от друга не только масштабами, но и внутренней структурой.

Наконец, социоэкономическое пространство ДВ не только отличается разреженностью и многочисленными лакунами, но и ярко выраженным смещением его организующего центра (если в качестве такового рассматривать сервисно-промышленную дугу Благовещенск – Хабаровск – Владивосток, или Южную макроэкономическую зону в целом) на приграничные территории.

Постановка проблемы

Так как нашей целью не являлось во что бы то ни стало внести нечто принципиально новое в методологию исследования ТР, то автор посчитал возможным ограничиться лишь указанием того, что в этой статье, как и в ряде публикаций (включая и материалы круглых столов) последних лет [6; 11; 12; 13; 15–17] внимание акцентируется на рассмотрении нижеследующих положений методологического характера.

Во-первых, трансграничность – это крайне сложный социально-политический феномен и уже в силу этого он представляет собой объект междисциплинарных исследований. В то же время следует признать, что экспоненциальный рост исследований в области трансграничных исследований всё ещё сопровождается недостаточным уровнем их концептуализации.

Во-вторых, ДВ, как и ТР в его пределах и в моём понимании – это прежде всего социальные конструируемые, но имеющие в своей основе пространство физико-географическое.

¹ Достаточно подробно этот сюжет был рассмотрен в ряде публикаций последних лет [1; 6; 9; 11; 19–21], к которым мы и отправляем заинтересованного читателя.

В-третьих, отличительная черта ТР, выделяющая его из ряда других регионов, заключается в том, что доминирующими факторами, определяющими не только конфигурацию и структуру ТР, но также источники и движущие силы их динамики, выступают геополитические факторы.

Наконец, в условиях нарастающей неопределенности в международных отношениях всё большее значение, в том числе и для ТР приобретают фемториски², или шире – положения концепции сложных адаптивных систем, которую, как и теорию сложности можно рассматривать как современную модификацию общей теории систем.

Именно перечисленные выше положения и рассматриваются в данной статье, при этом ДВ и ТР в его пределах (насколько это было возможно) используются как своего рода модельный объект.

При этом автор отдаёт себе отчёт в том, что современное состояние исследований трансграничности, как и ТР в том числе в пределах ДВ – результат длительного процесса, участниками которого были не только учёные и представители экспертного сообщества, но и политические деятели, в ходе которого сформировался обширный корпус источников; отчасти он был подвергнут анализу в упомянутых выше публикациях. По этой причине в данной статье автор старался избежать повторов как в своих суждениях, так и в источниках, отдавая предпочтение тем, которые были опубликованы в последние годы [2; 12; 22 и др.], а также тем, которые ранее не были использованы предшествующих публикациях по заявленной теме [8; 18–21; 23–27; 30–33].

Результаты и их обсуждение

Начнём с констатации очевидного факта: современная история исследования трансграничности и ТР (и ТР ДВ здесь не являются исключением) – дело относительно новое³. По мнению Э.-Л. Амилхат Сари и Ф. Жиро, именно в эти годы "После длительного периода забвения, который длился большую часть второй половины XX века, пограничные исследования за последние 20 лет вновь стали плодотворной темой дискуссий и дебатов ..." [24, p. 1]. Это же можно сказать и в отношении отечественных исследований, но с одной незначительной оговоркой: всплеск интереса в России к пограничным исследованиям относится к рубежу XX и XXI столетий⁴.

Здесь возникает законный вопрос: чем же отличаются современные исследования границ от традиционных? По мнению А. Пааси, основное отличие состоит в том, что, если традиционные исследования были ориентированы "на эмпирический анализ конкретных пограничных случаев, ... тогда как современные чаще всего нацелены на тщательное изучение или теоретизирование границ в контексте ключевых социальных и политических категорий, таких как государство, нация, национализм, территориальность, идентичность и

² Термин "фемториски" был предложен А.Б. Франком с соавторами для "обозначения угроз, с которыми сталкиваются лица, принимающие международные решения, в результате действий и взаимодействий субъектов, которые существуют ниже уровня формальных институтов или действуют вне установленных структур управления" [27, p. 17356]. Иначе говоря, этот термин обозначает, с одной стороны, очевидную незначительность отдельного актора, а с другой – способность этого актора быть источником риска (может быть, точнее – угроз) непропорционально значимого по сравнению с его статусом.

³ Наверное, здесь уместно обратить внимание на тот факт, что в экономической науке (и в какой-то мере в традиционной экономической географии, эффект границ достаточно давно стал объектом анализа. И причина тому достаточно очевидна: "Разрыв, который они (*границы* – А.Д.) вызывают в непрерывности социально-экономического пространства, стимулирует исследования влияния наличия границ на экономические показатели стран и регионов" [26, p. 1]. К сказанному выше, наверное, уместно будет добавить, что "экономическая интеграция не всегда приводит к устранению барьеров и успешной интеграции в других областях" [28, p. 2434], что нередко упускают многие исследователи, забывая о том, что интеграционные процессы несводимы к экономической интеграции, как бы значима она не была.

⁴ К этому же времени относятся и первые исследования проблем трансграничья на ДВ, среди которых особого упоминания заслуживают работы П.Я. Бакланова и его коллег по ТИГ ДВО РАН [1–5; 22 и др.]. Одной из отличительных черт этих работ было и остаётся привнесение в трансграничные исследования методологической установок теории районирования и геосистемного подхода.

этническая принадлежность" [31, p. 664]⁵. И тем не менее, несмотря на все призывы и усилия по теоретическому осмыслению исследований границ, ожидаемых результатов явно недостаточно и причина тому, по мнению А.-Л. Амильхат Сари, заключается в том, что на призывы концептуализации исследований границ "часто отвечали через призму моделирования, а не через общую теорию границ" [24, p. 15]. К этому можно лишь добавить, что указанная проблема обусловлена ещё и тем, что "Мобильное измерение пространства и связанная с ним необходимость исследовать границы более динамичным образом существовали всегда, но эта необходимость в целом затмевалась методами анализа, которые отдают предпочтение стабильным элементам над лабильными конфигурациями" [24, p. 18].

Здесь следует остановиться и сделать промежуточные выводы, ибо дальнейшее погружение в методологические проблемы исследования границ и трансграничья может увести нас далеко от заявленной темы данной статьи.

В исследованиях границ помимо экономистов и политологов, всё активнее принимаю участие представители других социально-гуманитарных дисциплин, то есть эти исследования приобретают всё более междисциплинарный характер⁶.

Несмотря на появление всё большего количества работ, посвященных теоретическому осмыслению феномена границ, тем не менее приходится говорить о недостаточном уровне концептуализации этих исследований⁷.

И хотя выше были приведены суждения зарубежных авторов, не будет большим преувеличением сказать, что в этом отношении в отечественных исследованиях границ ситуация схожая. То же можно сказать и о двух основных направлениях граничных исследованиях: "одно сосредоточено на процессах "трансграничного" сотрудничества и социально-пространственных проблемах в приграничных районах, а другое – на секьюритизации пограничных переходов и возобновлении процессов демаркации" [24, p. 20].

Отсюда и далее нас интересуют только работы, которые сосредоточены на процессах трансграничного сотрудничества на ДВ и в ТР, как одном из важнейших его проявлений этого.

Прежде всего отметим, что было бы большим упрощением сводить всё к российско-китайскому сотрудничеству и к ТР "Северо-Восточный Китай (СВК) – Юг ДВ", хотя и отрицать тот факт, что в настоящее время это единственный реально функционирующий ТР не приходится. На самом деле, на протяжении всей истории ДВ были и другие акторы, и другие локации в пределах, которых имело место реализация сотрудничества. Речь идёт в первую очередь о российско-американском сотрудничестве в трансграничном регионе Берингия и о российско-японском сотрудничестве в трансграничном регионе от Хок-

⁵ Конечно, призывы и соответствующие усилия по концептуализации исследования границ вовсе не есть отрицание необходимости в проведении эмпирических исследований. Всё в той же работе А. Пааси мы можем найти, в частности, что "оба подхода имеют постоянное значение, поскольку, несмотря на все теории, границы имеют своё глубоко практическое значение для государств, признанных международным правом. Это остаётся таковым несмотря на то, что сам суверенитет является постоянно трансформирующейся категорией" [31, p. 664]. Другое дело, что понимать под "границами". Современная трактовка этой категории предполагает, что "Культурные, феминистские, постколониальные, постмодернистские и постструктуралистские подходы предоставили теоретические основы для этих исследований, которые часто ставили под сомнение "данные" границы между социальными и культурными сущностями" [30, p. 480].

⁶ То обстоятельство, что с конца 1980-х гг. ряд политических географов, учёных-международников, социологов, литературоведов и антропологов занялись изучением границ в Европе, а затем и за её пределами, обусловили запрос на междисциплинарность, которая "вскоре привела к новым теоретическим разработкам" [30, p. 478].

⁷ Здесь будет уместным привести мнение весьма авторитетных в этой области исследователей: "Поскольку не существует единого исчерпывающего повествования о границах и территориальности, а также отдельных совокупностей территориальности, власти, идентичности и политики, самая большая проблема научного исследования заключается в определении надлежащего набора концептуальных и методологических инструментов, связанных с контекстуальным контекстом, выбором масштаба, пространственности и принципов, с помощью которых можно "читать" территорию и границы" [32, p. 2].

кайдо до побережья Камчатки. Показательно, что и в том, и в другом случае мы имеем дело с ТР, имеющими аква-территориальную структуру.

Если проблемы российско-китайского сотрудничества и ТР "СВК – Юг ДВ" в том числе последние полтора десятка лет достаточно активно исследуются как российскими, так и зарубежными учёными и экспертами, то опыт российско-американского и российско-японского сотрудничества всё ещё остаётся темой, степень изученности которой оставляет желать лучшего.

Авторская позиция относительно специфики ТР "СВК – Юг ДВ" была изложена в ряде публикаций [6; 13; 16; 17], поэтому, на наш взгляд, можно ограничиться их кратким изложением основных положений.

Главная из специфических черт рассматриваемого ТР заключается в том, что с момента его возникновения в конце XIX – начале XX вв. и по настоящее время этот регион представляет собой место пересечения интересов не только России и Китая, но и ряда других глобальных и региональных акторов, среди которых не только США и Япония, что очевидно, но и Корея, Великобритания, Германия. Конечно, на разных этапах степень вовлеченности упомянутых "сторонних" игроков в трансграничные проблемы была различна.

Вторая особенность заключается в том, что, с одной стороны, структура и динамика ТР определялась совокупностью геополитических факторов, а с другой – совокупностью природно-ресурсных и диспозиционных факторов (экономико-географическим положением в первую очередь), а также стратегическими решениями государства в отношении ДВ. При этом на протяжении всей своей истории ТР был организующим центром всего ДВ.

Третья особенность рассматриваемого ТР заключается в том, что конфигурация его границ, как и характер взаимодействий между российским ДВ и СВК находились в процессе постоянных изменений⁸. Более того, на определенных этапах, когда в силу тех или иных причин имела место смена интеграционных процессов на процессы дезинтеграции, трансграничный регион как пространственная социально-экономическая система, если и не исчезал, то переходил в латентную фазу. Всё вышесказанное в отношении границ ТР "СВК – Юг ДВ" означает только одно: опираться на "заданные" границы независимо от того, имеют они характер природный или политический (АТД), представляется достаточно сильным упрощением⁹. То есть определение границ ТР – задача не тривиальная и требует новых решений, исходя из состояния геополитической обстановки и изменений в стратегии развития ДВ¹⁰. В настоящее время ТР "СВК – Юг ДВ" скорее всего не столько сплошной территориальный ареал, сколько, по большому счёту, три ареала, приуроченных к городским агломерациям Благовещенска, Хабаровска и Владивостока, между которыми имеются обширные лакуны, то есть пространства в пределах, которых российско-китайское сотрудничество имеет незначительные масштабы и эпизодический характер, иначе говоря не оказывает сколько-нибудь заметно влияния на социально-экономическую динамику дальневосточных регионов.

Наконец, следует иметь в виду, что высокий уровень динамизма границ – это лишь часть проблемы, так как не меньшее значение приобретает структура и формы взаимодействия в рамках ТР. Следовательно, в различ-

⁸ Но неизменным оставался, скажем так, природный субстрат – бассейн Амура как вполне определенная геосистема. Такой точки зрения, в частности, придерживался П.Я. Бакланов. По-нашему мнению, столь строгое соотнесение границ ТР с бассейном Амура представляется не совсем оправданным и требует уточнения: не весь бассейн, а та его часть, которую с известной долей условности можно обозначить как Средний Амур (включая бассейны рек Сунгари, Уссури) и Раздольная.

⁹ В самом общем виде проблема выделения ТР может быть рассмотрена в рамках концепции районирования. Естественно, с поправкой на то, что ТР есть часть пространства трансграничного сотрудничества. Подробно этот сюжет был рассмотрен в [6; 11].

¹⁰ Более того, скажем так: выделение функциональных приграничных районов – задача не столь сложная как определение границ ТР, также вызывает немалые затруднения. Показателен в этом отношении вывод, к которому пришли исследователи приграничных районов в Европейском Союзе: "... не совсем ясно, что на самом деле представляют собой или должны представлять собой приграничные функциональные районы и как их идентифицировать для реализации политики" [27, p. 2436].

ные исторические периоды мы будем иметь разные конфигурации и содержание в пределах того или иного конкретного ТР. И ТР "СВК – Юг ДВ" в этом отношении не исключение, как и то, что понимание природы ТР, как и, пожалуй, любого иного типа регионов невозможно без учёта динамики процессов районообразования.

И здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой политического и социально-экономического контекста. А для таких макрорегионов как ДВ с крайне разреженным и в то же время крайне неоднородным социально-экономическим пространством, особое значение приобретает характер физико-географического пространства, в частности устойчивость образующих его геосистем к антропогенным воздействиям¹¹.

Итак, с одной стороны, говоря о социально-политическом и экономическом контексте следует иметь в виду, что его следует анализировать не только на уровне межгосударственных отношений (в данном случае РФ и КНР), но и на региональном уровне, а в ряде случаев и на – локальном. Это в равной мере касается как российской, так и китайской частей ТР; при этом всякий раз следует помнить о том, что и демографический и экономический потенциал СВК многократно превосходит соответствующие потенциалы ДВ¹². Но есть ещё один аспект, который здесь будет уместно упомянуть – это состояние внутривосточной и экономической ситуации по обе стороны границы. В немногих словах ситуация по обе стороны государственной границы отличается высоким уровнем неопределённости¹³, что в свою очередь требует помещения анализа проблем трансграничья в более широкий дискурс о трансформационных процессах как в РФ, так и в КНР¹⁴. Увы, но в рамках данной статьи этот вопрос уже не может быть должным образом проанализирован хотя бы по той причине, что в силу своей необычайной значимости он не может быть рассмотрен походя.

С другой стороны, всякий раз рассматривая ТР и в первую очередь ТР "СВК – Юг ДВ" следует помнить, что мы имеем дело не только с той или иной частью трансграничных пространств, но и пространств Дальневосточного макрорегиона¹⁵. Для ТР "СВК – Юг ДВ" последнее обстоятельство особенно значимо уже в силу того, что это организующий центр всего макрорегиона.

К сожалению, приходится констатировать, что несмотря на декларирования "беспредельного сотрудничества" и несомненный рост товарооборота между РФ и КНР и целый ряд иных достижений в политической и экономической сферах, тем не менее по обе стороны границы в явном виде имеет место если и не отказ от масштабных усилий по модернизации экономик ДВ и СВК,

¹¹ Скорее всего именно с этим обстоятельством связаны достаточно многочисленные попытки выделения ТР ДВ на основании бассейнового принципа, когда ТР приурочены либо к акваториям и прибрежным территориям Берингова, Охотского, Японского морей или же к бассейнам рек Амура, Раздольной и Туманной. Обзор этих опытов, хотя и далеко не исчерпывающий в [12].

¹² Только один пример: население провинций Хэйлунцзян и Цилинь Китая составляет примерно 56 млн человек, тогда, как население Приморского и Хабаровского краёв, ЕАО и Амурской области не превышает 4 млн.

¹³ В своё время авторы статьи о фемторисках в международных отношениях [27] в качестве примеров приводили: финансовый кризис 2008 г., "арабскую весну" 2010–2012 гг., украинский кризис 2013–2014 гг., возникновение Хезболлы в 1980-е гг., климатические изменения в Арктике. Увы, но сейчас этот перечень очень вырос, что может свидетельствовать о том, что уровень неопределённости в системе международных отношений только нарастает, а следовательно, существенно увеличивается и возникновение непрогнозируемых событий.

¹⁴ Интересна в этой связи мысль, высказанная В. Боярченковым по другому поводу: "...едва ли продуктивно рассматривать заявку федералистов на создание собственных исторических теорий в отрыве от дискурса Великих реформ с характерным для него противопоставлением новых принципов отжившей свой век рутине" [8, с. 34], которую применительно к рассматриваемой теме можно интерпретировать следующим образом: едва ли продуктивно рассматривать процессы формирования ТР (и межгосударственного сотрудничества в целом) в отрыве от дискурса тех масштабных преобразований, которые происходят в странах-соседях. А то таковые имеют место в настоящее время не только в РФ, но и в КНР; это факт, не требующий доказательств.

¹⁵ О социально-экономическом пространстве ДВ, его границах и соотношении границ административных и экономических районов [9; 17; 19–21].

то, по крайней мере, их замедление. Это, естественно, не могло не сказаться на ТР "СВК – Юг ДВ", который всё более выполняет транзитные функции. Это в конечном счёте привело к локализации сотрудничества (в первую очередь экономического) в приграничных уездах и городах с китайской стороны и в крупнейших городских агломерациях (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) – с российской.

К этому следует добавить, что в общем оправдывается прогноз развития ситуации в ТР "СВК – Юг ДВ" 2022 г. [17], согласно которому: а) не стоит ожидать появления каких-либо новых направлений российско-китайского сотрудничества хотя бы в силу того, что действует угроза санкций, включая вторичные санкции; б) можно ожидать восстановления приграничной торговли товарами конечного потребления; в) аналогичная ситуация будет иметь место и в сфере туризма; г) велика вероятность, что удастся организовать совместные исследования силами научных организаций ДВ и СВК прежде всего в сфере рационального природопользования на сопредельных территориях¹⁶; д) остаются возможности восстановления культурных обменов.

Что ещё следует сказать о рассматриваемом ТР, так это согласиться с тем, что "...проблема в том, что структура этого трансграничного образования, при всем обилии исследований, изучена не особенно тщательно, имеет множество "белых пятен". Это создаёт угрозу, что поддержка, основанная на мифах, может стать опаснее, чем, к счастью, исчезнувшее "противодействие ползучей экспансии" [6, с. 83].

Что же касается других ТР ДВ, то в настоящее время все они находятся в латентной форме. И в этой связи трудно не согласиться с мнением Л.Е. Бляхера, который считал, что в постсоветской истории были две локации, где потенциально могло возникнуть трансграничье. "Во-первых, пространство "Чукотка – Аляска". ... Другая возможность формирования трансграничья возникает в постсоветский период между о. Сахалин с Курильской грядой и Японией, точнее, Хоккайдо" [6, с. 82–83].

Пожалуй, к этому следует добавить, что оба эти ТР, находящиеся в настоящее время в латентной форме, имеют достаточно длительную историю. Но, к сожалению, история ТР "Берингия" и ТР "Хоккайдо – Сахалин – Камчатка", изучена крайне недостаточно. И дело не в том, что российско-американское и российско-японское сотрудничество обделены вниманием со стороны научного сообщества. Публикаций по тем или иным аспектам российско-американского и российско-японского сотрудничества немало и по ту, и по другую сторону границы. Тем не менее, "белых пятен" на этом исследовательском поле больше, чем того бы хотелось.

В частности, всё ещё не ясна роль Российско-Американской компании в освоении не только Аляски и Алеутских островов, но российского побережья Берингова и Охотского морей. Конечно, можно сказать, что это "предания старины далекой" и к современным условиям отношения не имеют. Однако можно поставить вопрос и по-другому: как удалось при весьма скудных материальных и людских ресурсах выстроить на обширных аква-территориальных пространствах достаточно жизнеспособную экономическую систему. И как при этом удавалось совместить интересы государства и частного бизнеса, принимая во внимание, что государственной границы в современном её понимании не было, а взаимодействовать приходилось не столько с другими государствами (Великобританией, США, Испанией), а как бы сказали сейчас "с предпринимательскими структурами": Компанией Гудзонова залива (основанной в 1670 г. и функционирующей поныне), американскими Северо-Западной и Американской меховой компаниями.

Конечно, в современных условиях по причинам прежде всего геополитического свойства не приходится говорить об актуализации потенциала трансграничного сотрудничества в Берингии. Но сейчас самое время определиться с тем, что возможно и не в ближайшем будущем может представлять взаимный интерес по обе стороны границы.

У ТР "Хоккайдо – Сахалин – Камчатка" история не столь давняя, но она много ближе ко дню сегодняшнему и поэтому опыт трансграничных взаимо-

¹⁶ См., например, [2; 22], в которых исследуются проблемы трансграничного взаимодействия.

действий в этой локации представляется ещё более актуальным. Здесь можно вспомнить, что после Русско-японской войны 1904–1905 гг. и вплоть до 1917 г. имело место совместное использование водных биологических ресурсов в прибрежных водах Сахалина и Камчатки, а порты Хоккайдо служили не только рынками сбыта для отечественных рыбопромышленников, но и своего рода базами снабжения и ремонта рыболовецких судов.

В 1930-е гг. действовал целый ряд концессионных соглашений на разработку японскими фирмами нефтяных и угольных месторождений Сахалина. Были и другие примеры. Хотя сказать, что это были годы безоблачного сотрудничества, было бы неверным, ибо были и конфликты, и нарушения договоренностей.

В настоящее время более чем достаточно причин, сдерживающих реализацию потенциала трансграничного сотрудничества – они хорошо известны и вряд ли в рамках данной статьи на них следует останавливаться. Другое дело, что как и в случае с Берингией, необходимо работать на опережение и насколько это возможно искать пути восстановления сотрудничества, а, следовательно, и возможности актуализации в рассматриваемой локации ТР.

Скорее всего прав А.А. Киреев, когда, рассматривая проблемы российского приграничья на ДВ, приходит к выводу, что "В российско-японском и российско-американском пограничьях ... стадия формирования приграничных регионов и их пространственной "притирки" в ходе встречно-соревновательной колонизации продолжалась значительно дольше (чем в российско-китайском – А.Д.). Судя по устойчивости обоюдных государственных и общественных территориальных претензий, она не вполне исчерпана до сих пор и продолжает блокировать процессы трансграничного регионообразования" [6, с.76].

Выводы

Начнём с констатации факта: на протяжении всей истории ДВ и ТР в его пределах, ДВ представлял своего рода геополитический узел, где пересекались интересы мировых держав. Иначе говоря, развитие ДВ и ТР в его пределах всегда находилось под определяющим влиянием геополитических факторов.

Что касается современного этапа эволюции трансграничных взаимодействий на ДВ, то следует иметь в виду, что, во-первых, геополитические вызовы для ДВ самым непосредственным образом связаны с тем, насколько изменится в ближайшей перспективе место РФ в переформируемом в настоящее время мировом порядке. Во-вторых, угрозы связаны с обеспечением не только экономической безопасности, но и безопасности пространственных социально-экономических систем, сложившихся или складывающихся в пределах ДВ, в том числе и ТР. В свою очередь, трансграничье, будучи крайне сложным социально-политическим и экономическим феноменом, не может быть сведено исключительно к политическим или экономическим взаимодействиям между приграничными территориями; оно предполагает формирование эффективных информационных коммуникаций. Наконец, важным моментом формирования трансграничности выступают взаимодействия в культурной и научно-образовательной сфере, включая туристические обмены. При этом следует иметь в виду, что трансграничные взаимодействия – это не только взаимодействие формальных акторов, находящихся по обе стороны границы, но и обмен практиками, возникающими между представителями различных социальных групп¹⁷.

В конечном счёте, можно утверждать, что ТР – это классический пример объекта междисциплинарных исследований, как, впрочем, и то, что уровень концептуализации этих исследований всё ещё недостаточен.

Среди проблем методологического свойства, которые всё более и более актуализируются, следует указать на проблему доминирования в исследованиях трансграничных процессов "сотрудничества" и "интеграции", при систе-

¹⁷ Э.О. Леонтьева полагает, что "трансграничный регион локализуется не столько пространственно-географически, сколько силой социальных связей – здесь напрашивается добавление: силой слабых связей, по-новому актуализирующей ставшую уже классической концепцию М. Грановеттера" [6, с. 82].

матической недооценке значимости "рисков" и "дезинтеграции". Как результат – завышенные ожидания от реализации тех или иных трансграничных интеграционных проектов.

Другая проблема – это пренебрежение вопросами устойчивости ТР. По не совсем понятным причинам эволюция ТР обычно воспринимается как реализация тенденции ко всё более целостному и устойчивому развитию, тогда как на самом деле "ТР – это неустойчивая структура, находящаяся в состоянии непрерывного балансирования интеграционных и дезинтеграционных тенденций в динамиках своих интраграничных частей" [15, с. 41]. И, как показывает опыт исследования дальневосточных ТР, смена интеграционных процессов на дезинтеграционные – обычное дело.

Ещё одна проблема – проблема определения границ ТР, суть которой заключается в том, что государственная граница – это не просто линия, а сложный феномен, неразрывно связанный с территориальными практиками (символикой, институтами и смыслотворчеством). Следовательно, граница ТР – это нечто подвижное, находящееся в состоянии постоянных изменений, в отличие от более устойчивой государственной границы.

Более того, применительно к ТР ДВ, которые по целому ряду причин следует рассматривать как аква-территориальные пространственные системы, говорить о чётких и однозначно определённых границах представляется непродуктивным занятием¹⁸.

Нынешняя международная обстановка ставит на повестку разработку геополитической концепции развития ДВ России. По-нашему мнению, такая концепция должна учитывать не только специфику ДВ в системе международных отношений, но и разнообразие дальневосточных трансграничных регионов, как реальных, так и потенциальных.

Однако анализ современной ситуации в международных отношениях подводит к ещё одному выводу, который можно сформулировать следующим образом: в условиях турбулентных сред¹⁹ (как в стране, так и за её пределами) и институциональной неопределенности вряд ли возможно говорить о каком-то одном сценарии относительно будущих состояний ТР ДВ²⁰.

Литература

1. Бакланов П. Я. Пространственные структуры и территориальные системы в региональном развитии. Избранное. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2024. 464 с.
2. Бакланов П. Я., Ганзей К. С., Жариков В. В. Региональные аспекты приграничного сотрудничества на юге Дальнего Востока России и Северо-Востоке Китая // Материалы XVII научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (г. Иркутск, 9–14 сентября 2024 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. И. Б. Сочавы СО РАН, 2024. С. 3–5.
3. Бакланов П. Я., Ганзей С. С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
4. Бакланов П. Я., Ларин В. Л. Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 6. С. 5–16.

¹⁸ Ибо "Границы представляют собой не фиксированные линии ... а социальные процессы, практики, дискурсы, формы знания, нарративы, символы и институты. Это имеет решающее значение как для политического, так и для регионального географического понимания границ/регионов ..." [29, p. 11].

¹⁹ Говоря о турбулентных средах и высоком уровне неопределенности, автор вслед за А. Франком имеет в виду, что "... сложные взаимодействия между субъектами часто могут приводить к макроскопическим результатам, которые не могут быть получены из исследований индивидуальных выборов и действий в изоляции. Эти сложные взаимодействия мешают стандартным подходам к оценке риска, создавая события с низкой вероятностью/ высокими последствиями, поскольку последствия второго и третьего порядка каскадно переходят через границы систем" [27, p. 17357].

²⁰ Здесь уместно вспомнить Г. Киссинджера: "Многообразие сущностей, политических единиц, никак не связанных друг с другом исторически или ценностно (за исключением тех, что расположены на расстоянии вытянутой руки), определяющих себя преимущественно по границам своих возможностей, скорее всего, генерируют конфликты, а не порядок" [18, p. 18].

5. Бакланов П. Я., Романов М. Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток, 2009. 167 с.
6. Барбенко Я. А., Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Леонтьева Э. О., Мишина Н. В., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 73–84.
7. Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67–76.
8. Боярченков В. "Русская история в самой основе своей есть ... история областей" // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентации, (на) значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 30–51.
9. Демьяненко А. Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20.
10. Демьяненко А. Н. Районная концепция в отечественной и зарубежной социально-экономической географии: а не перечитать ли классику ещё раз? // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, природно-ресурсные и социально-экономические структуры. Сборник научных статей. Владивосток, 2023. С. 28–38.
11. Демьяненко А. Н. Методологические проблемы к исследованию трансграничья: Дальний Восток // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3 (4). С. 22–31.
12. Демьяненко А. Н. Геополитические факторы развития Дальневосточного макрорегиона // Материалы XVII научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (г. Иркутск, 9-14 сентября 2024 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. И. Б. Сочавы СО РАН, 2024. С. 53–56.
13. Демьяненко А. Н., Клиценко М. В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 80–94.
14. Демьяненко А. Н., Горюнов А. П., Кондратенко Г. В., Исаев А. Г. Особенности регионального развития на Северо-Востоке КНР // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 80–96.
15. Демьяненко А. Н., Киреев А. А. Спорные вопросы теории и методологии исследований регионов: диалог географа с политологом // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 34–43.
16. Демьяненко А. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока: вызовы, угрозы и сценарии // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные и социально-экономические факторы и структуры. Сборник научных статей. Владивосток, 2024. С. 411–419.
17. Демьяненко А. Н., Ярулин И. Ф., Бурик М. В., Клиценко М. В. Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение: препринт научного доклада. М.: Институт Китая и современной Азии РАН, 2022. 70 с.
18. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2024. 544 с.
19. Минакир П. А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39.
20. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию (статья первая) // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 1. С. 5–14.
21. Минакир П. А., Демьяненко А. Н., Прокапало О. М., Горюнов А. П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54.
22. Мошков А. В., Ткаченко Г. Г., Ушаков Е. А. Дробное социально-экономическое зонирование трансграничных регионов юга Дальнего Востока России по принципу устойчивого (зелёного) развития // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные и социально-экономические факторы и структуры. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2024. С. 455–468.
23. Сандерленд В. Введение. Регионы Российской империи // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентации, (на) значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 7–27.
24. Amilhat Szary A.-L. Boundaries and borders // Handbook of Political Geography / edited by John Agnew, Anna Secor, Joane Sharpe, Virginie Mamadouh. Wiley-Blackwell, 2015. P. 13–25.
25. Amilhat Szary A.-L., Giraut F. Borderities: The Politics of Contemporary Mobile Borders // Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders / edited by Anne-Laure Amilhat Szary and Frederic Giraut. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–19.
26. Capello R., Caragliu A., Fratesi U. Compensation modes of border effects in cross-border regions // Journal of Regional Science. 2018. Vol. 58 (4). P. 759–785.
27. Frank A. B. et al. Dealing with femtorisks in international relations // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. No. 49. P. 17356–17362.
28. Jakubowski A., Trykacz K., Skibińska K., Studzieniecki T., Skibiński J. Identifying cross-border functional areas: conceptual background and empirical findings from Polish borderlands // European Planning Studies. 2022. Vol. 30 (12). P. 2433–2455.
29. Murphy A. B., Paasi A., Entrikin J. N., Macleod G., Jonas A. E. G., Hudson R. Bounded vs. Open regions, and beyond: critical perspectives on regional worlds and words // Regional Worlds: Advancing the geography of regions. Edited by Martin Jones & Anssi Paasi. London: Routledge, 2015. P. 5–16.
30. Paasi A. Borders and border crossings // A New Companion to Cultural Geography. Edited by Nuala C. Johnson, Richard H. Schein, and Jamie Winders. London: Wiley-Blackwell, 2013. P. 478–493.

31. Paasi A. Generations and the 'Development' of Border Studies // *Geopolitics*, 2005. Vol. 10. No. 4. P. 663–671.
32. Paasi A., Md Azmeary Ferdoush, Jones R., Murphy A. B., Agnew J., Ochoa Espejo P., Fall J. J., Peterle G. Locating the territoriality of territory in border studies // *Political Geography*. 2022. Vol. 95. P. 102584.
33. van Houtum H., Kramsch O., Zierhofer W. Prologue. B/ordering ace // *B/ordering space* / edited by Henk van Houtum, Olivier Kramsch and Wolfgang Zierhofer. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 1–13.

References

1. Baklanov P.Ya., Romanov M. T. Economic-geographical and geopolitical position of Pacific Russia. Vladivostok, 2009. 167 p.
2. Baklanov P. Ya., Ganzey K. S., Zharikov V. V. Regional aspects of cross-border cooperation in the south of the Russian Far East and northeast China // *Proceedings of the XVII scientific meeting of geographers of Siberia and the Far East (Irkutsk, September 9–14, 2024)*. Irkutsk: Publishing house of the Institute of Geography named after I. B. Sochava SB RAS, 2024. P. 3–5.
3. Baklanov P.Ya., Ganzey S. S. Transboundary territories: problems of sustainable nature management. Vladivostok: Dalnauka, 2008. 216 p.
4. Baklanov P.Ya., Larin V. L. Far Eastern regions of the Russian Federation in modern Russian-Chinese interaction // *World Economy and International Relations*. 2023. No. 6. P. 5–16.
5. Boyarchenkov V. "Russian history is, at its very core, ... the history of regions" // *Regions of the Russian Empire: Identity, Representations, (on) Meaning*. Moscow: New Literary Review, 2021. P. 30–51.
6. Baklanov P.Ya., Romanov M. T. Economic-geographical and geopolitical position of Pacific Russia. Vladivostok, 2009. 167 p.
7. Barbenko Ya. A., Blakher L. E., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Leontyeva E. O., Mishina N.V., Ukrainsky V. N., Yarulin I. F. Cross-border regions of the Far East // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 3. P. 73–84.
8. Blakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., Kuznetsov A. M., Yarulin I. F. Region: Problems of Conceptualization, Identification, and Construction // *Ojkumena. Regional researches*. 2021. No. 1. P. 67–76.
9. Dem'yanenko A. N. On the Decomposition of Economic Space within the Far Eastern Macroregion // *Regional Studies*. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 5–20.
10. Dem'yanenko A. N. The regional concept in domestic and foreign socio-economic geography: how about rereading the classics again? // *Geosystems of North-East Asia: natural, natural-resource and socio-economic structures. Collection of scientific articles*. Vladivostok, 2023. P. 28–38.
11. Dem'yanenko A. N. Methodological problems in the study of transboundary areas: Far East // *Periphery. Journal of the Study of Non-Capital Spaces*. 2024. No. 3(4) P. 22–31.
12. Dem'yanenko A. N. Geopolitical factors in the development of the Far Eastern macroregion // *Proceedings of the XVII scientific meeting of geographers of Siberia and the Far East (Irkutsk, September 9–14, 2024)*. Irkutsk: Publishing house of the Institute of Geography named after I. B. Sochava SB RAS, 2024. P. 53–56.
13. Dem'yanenko A. N., Klitsenko M. V. Experience of interdisciplinary study of a transboundary region: Russian Far East – Northeast China // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 1. P. 80–94.
14. Dem'yanenko A. N., Goryunov A. P., Kondratenko G. V., Isaev A. G. Features of regional development in the Northeast of China // *Oriental Institute Journal*. 2019. No. 2. P. 80–96.
15. Dem'yanenko A. N., Kireev A. A. Controversial issues of the theory and methodology of regional studies: dialogue between a geographer and a political scientist // *Oriental Institute Journal*. 2024. No. 2. P. 34–43.
16. Dem'yanenko A. N., Yarulin I. F. Cross-border regions of the Far East: challenges, threats, and scenarios // *Geosystems of Northeast Asia: natural and socio-economic factors and structures. Collection of scientific articles*. Vladivostok, 2024. P. 411–419.
17. Dem'yanenko A. N., Yarulin I. F., Burik M. V., Klitsenko M. V. Russian-Chinese cooperation in new realities: regional dimension: preprint of a scientific report. Moscow: Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, 2022. 70 p.
18. Kissinger G. *World order*. Moscow: AST, 2024. 544 p.
19. Minakir P. A. Economic Analysis and Measurements in Space // *Spatial Economics*. 2014. No. 1. P. 12–39.
20. Minakir P. A., Dem'yanenko A. N. Economic Space of Modern Russia and Approaches to its Research (Article One) // *Regional Studies*. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 5–14.
21. Minakir P. A., Dem'yanenko A. N., Prokapalo O. M., Goryunov A. P. Integration and Disintegration in the Economic Space of Russia: Methodological Aspect // *Ojkumena. Regional researches*. 2018. No. 4. P. 43–54.
22. Moshkov A. V., Tkachenko G. G., Ushakov E. A. Fractional socio-economic zoning of transboundary regions of the southern Russian Far East based on the principle of sustainable (green) devel-

opment // *Geosystems of Northeast Asia: natural and socio-economic factors and structures. Collection of scientific articles. Vladivostok, 2024. P. 455–468.*

23. Sunderland V. Introduction. *Regions of the Russian Empire // Regions of the Russian Empire: Identity, Representations, (on) Meaning. Moscow: New Literary Review, 2021. P. 7–27.*

24. Amilhat Szary A.-L. *Boundaries and borders // Handbook of Political Geography / edited by John Agnew, Anna Secor, Joane Sharpe, Virginie Mamadouh. Wiley-Blackwell, 2015. P. 13–25.*

25. Amilhat Szary A.-L., Giraut F. *Borderities: The Politics of Contemporary Mobile Borders // Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders / edited by Anne-Laure Amilhat Szary and Frederic Giraut. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–19.*

26. Capello R., Caragliu A., Fratesi U. Compensation modes of border effects in cross-border regions // *Journal of Regional Science. 2018. vol. 58 (4). P. 759–785.*

27. Frank A. B. et al. Dealing with femtorisks in international relations // *Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. No. 49. P. 17356–17362.*

28. Jakubowski A., Trykacz K., Skibińska K., Studzieniecki T., Skibiński J. Identifying cross-border functional areas: conceptual background and empirical findings from Polish borderlands // *European Planning Studies. 2022. Vol. 30 (12). P. 2433–2455.*

29. Murphy A. B., Paasi A., Entrikin J. N., Macleod G., Jonas A. E. G., Hudson R. Bounded vs. Open regions, and beyond: critical perspectives on regional worlds and words // *Regional Worlds: Advancing the geography of regions. Edited by Martin Jones & Anssi Paasi. London: Routledge, 2015. P. 5–16.*

30. Paasi A. *Borders and border crossings // A New Companion to Cultural Geography. Edited by Nuala C. Johnson, Richard H. Schein, and Jamie Winders. London: Wiley-Blackwell, 2013. P. 478–493.*

31. Paasi A. Generations and the 'Development' of Border Studies // *Geopolitics, 2005. Vol. 10, No. 4. P. 663–671.*

32. Paasi A., Md Azmeary Ferdoush, Jones R., Murphy A. B., Agnew J., Ochoa Espejo P., Fall J. J., Peterle G. Locating the territoriality of territory in border studies // *Political Geography. 2022. Vol. 95. P. 102584.*

33. van Houtum H., Kramsch O., Zierhofer W. Prologue. *B/ordering ace // B/ordering space / edited by Henk van Houtum, Olivier Kramsch and Wolfgang Zierhofer. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 1–13.*

Информация об авторах

Александр Николаевич Демьяненко, д-р геогр. наук, профессор, независимый исследователь, Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Information about the authors

Alexander N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Поступила в редакцию 14.10.2024

Received 14.10.2024

Одобрена после рецензирования 20.11.2024

Approved 20.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Accepted 27.11.2024

Переосмысляя развитие приграничного экономического сотрудничества между Китаем и Россией в современных условиях

Мой Моин

Уханьский университет, Ухань, Китай, moumoying@163.com

Аннотация. В нынешних условиях, связанных с жёсткими западными санкциями против России и усиливающими торговыми трениями между Китаем и США, приграничное экономическое сотрудничество между Китаем и Россией демонстрирует рост масштабов, в т.ч. увеличение объёма перевезённых через границу грузов, ускорение строительства пограничных пунктов пропуска и трансграничной инфраструктуры. Углубленный анализ, тем не менее, показывает, что приграничное экономическое сотрудничество между сторонами по-прежнему осуществляется главным образом в рамках традиционной модели, основанной на торговле сырьевыми товарами. Стратегическое взаимодействие Китая и России на правительственном уровне способствует расширению сотрудничества, но его углубление ограничивает несоответствие стратегий регионального развития Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока. Поэтому углублению приграничного экономического сотрудничества между двумя сторонами следует содействовать на государственном уровне.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, Северо-Восточный Китай, Дальний Восток, приграничное экономическое сотрудничество

Статья финансируется за счёт средств Центрального фонда научных исследований для государственных университетов Китая

Для цитирования: Мой Моин. Переосмысляя развитие приграничного экономического сотрудничества между Китаем и Россией в современных условиях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 38–50. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/38-50>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/38-50>

Rethinking the Development of Sino-Russian Border Economic Cooperation Under the New Situation

Mou Moying

Wuhan University, Wuhan, China, moumoying@163.com

Abstract. Under the current new situation of severe sanctions imposed by the West on Russia and deepening trade frictions between China and the United States, Sino-Russian border economic cooperation has expanded and developed, with a substantial increase in the volume of inbound and outbound cargo at border ports, accelerated port construction progress, and substantial results in cross-border infrastructure construction. However, an in-depth analysis of the cooperation phenomenon shows that the border economic cooperation between the two sides is still carried out in the traditional model of commodity trade. Under the current new situation, the strategic cooperation between the two countries has promoted the expansion of the scale of border economic cooperation between the two sides, but the lack of deep fit in the development strategy between China's Northeast and Russia's Far East has restricted the further improvement of the level of cooperation. Therefore, it should be considered to promote the deepening of border economic cooperation between the two sides at the national level.

Key words: Chinese-Russian relations, Northeast China, Russian Far East, cross-border economic cooperation

This article is funded by the Central Scientific Research Funds for National Universities of China

For citation: Mou Moying. Rethinking the Development of Sino-Russian Border Economic Cooperation Under the New Situation // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 38–50. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/38-50>

Важность изучения приграничного экономического сотрудничества между Китаем и Россией связана с тем, что он является основой для развития межгосударственных отношений двух стран и весомой составной частью более широкого экономического сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком России. Расширение и углубление приграничного экономического сотрудничества способствует укреплению всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Россией в новую эпоху и развитию экономики Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России.

Опубликованное Китаем и Россией в марте 2023 г. "Совместное заявление о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 г." призывает "раскрывать потенциал регионального и приграничного сотрудничества двух стран" [6]. Обнародованное обеими сторонами в мае 2024 г. "Совместное заявление об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами" также подчеркивает необходимость "ак-

тивно поддерживать развитие межрегионального и приграничного сотрудничества" [7]. Эти документы свидетельствуют о том, что расширению и углублению приграничного экономического сотрудничества между двумя сторонами придаётся высокая важность.

В данной статье анализируется состояние приграничного экономического сотрудничества в современных условиях на двух уровнях – государственном (отношения Китая и России) и региональном (отношения Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока). Основная цель статьи заключается в следующем: проанализировать новые черты в развитии приграничного экономического сотрудничества в нынешних условиях, и, исходя из проведённого анализа, выдвинуть предложения по углублению этой формы сотрудничества двух стран. Исследование призвано способствовать дальнейшему расширению приграничного экономического сотрудничества между сторонами, развитию региональной экономики Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России и укреплению стратегического взаимодействия между Китаем и Россией в новую эпоху.

Расширение приграничного экономического сотрудничества в рамках традиционной модели

В середине 80-х гг. прошлого столетия ряд благоприятствующих факторов позволил возобновить китайско-российское приграничное экономическое сотрудничество. С этого времени его развитие происходило главным образом в сфере торговли, пережив "хаотичный расцвет" в первой половине 90-х гг., а во второй половине 90-х гг., перейдя в фазу "упорядоченной деградации" [3]. В течение длительного времени приграничное экономическое сотрудничество развивалось медленно, в рамках своей традиционной модели, основанной прежде всего на торговле сырьевыми товарами.

Современное приграничное экономическое сотрудничество между двумя сторонами реализуется в новых условиях, связанных с тем, что с момента начала российско-украинского военного конфликта в 2022 г. Россия подверглась беспрецедентным западным санкциям, а торговые трения между Китаем и США усилились. Расширение приграничного экономического сотрудничества сторон в современный период проявляется в основном в следующих аспектах.

Во-первых, объём перевозимых грузов через пункты пропуска на границе России и Китая значительно увеличился. По данным Харбинской, Маньчжурской и Чаньчуньской таможен, граничащих с Россией, по сравнению с 2019 г. (временем до начала пандемии COVID-19), с 2022 г. общая стоимость импортируемых из России и экспортируемых в Россию товаров резко выросла в годовом исчислении. Темп её роста достигал 114,5% (табл. 1).

Крупнейшим сухопутным пунктом пропуска из 21 пары пунктов пропуска на границе Китая и России является мультимодальный (железнодорожный и автомобильный) порт Маньчжурия. Общая стоимость экспортируемых в Россию и импортируемых из России грузов через порт Маньчжурия в 2023 г. достигла 162,74 млрд юаней, что на 47,7% больше, чем в 2022 г. [10]. Не только через Маньчжурию, но и через другие пункты пропуска на китайской стороне, такие как Хэйхэ, Суйфэньхэ и Мохэ (и соответствующие российские пункты пропуска), объём грузоперевозок в настоящее время демонстрирует резкий рост.

Во-вторых, ускоряется строительство пунктов пропуска на границе. Существующая пропускная способность пунктов и на китайской, и на российской стороне не соответствует резкому росту спроса на грузовые перевозки. Перед пунктами таможенного досмотра наблюдаются скопления автотранспорта и большие очереди. Чтобы увеличить пропускную способность транспортных пограничных переходов на общей границе, и китайские, и российские таможенные органы переходят на усиленный режим работы, сокращают время на таможенное оформление и повышают его эффективность. Следует отметить, что Россия планирует модернизировать свои погранпереходы до современного уровня. Российская сторона возобновила работу пунктов пропуска Староцурухайтуй и Олочи, построила крупнейший на Дальнем Востоке таможенно-логистический терминал Каникурган и т.д. Минтранс РФ заявил о том, что в программу комплексной модернизации вошли 13 приоритетных пунктов про-

пуска. Два из них уже модернизированы – это железнодорожные пункты пропуска Нижнеленинское и Забайкальск. Планы, касающиеся остальных одиннадцати пунктов, будут реализованы до конца 2027 г. [1]. Китайская сторона также ускоряет строительство пунктов пропуска.

В-третьих, были достигнуты заметные результаты в строительстве трансграничной транспортной инфраструктуры, соединяющей смежные приграничные районы¹. Первый автомобильный трансграничный мост Благовещенск – Хэйхэ стал важнейшей транспортной артерией, значительно упростившей логистику и торговлю между сопредельными районами. Его постройка началась в 2016 г., заняла около шести лет и завершилась в июне 2022 г. Первый железнодорожный трансграничный мост Тунцзян – Нижнеленинское начали строить в 2014 г. и через девять лет, в ноябре 2022 г. он был открыт. Канатная дорога, которая соединит российский Благовещенск и китайский Хэйхэ, заработает в тестовом режиме не ранее июля 2025 г. В "Совместном заявлении об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами" Россия и Китай заявили также о своём намерении на основе принципов добрососедства и уважения суверенных прав государств совместно развивать остров Большой Уссурийский (Хэйсяцзыдао).

Вышеупомянутые результаты позволяют сделать вывод, что на современном этапе китайско-российское приграничное экономическое сотрудничество расширяет свои масштабы. Однако это не говорит о его углублении. В нынешнем приграничном экономическом сотрудничестве сторон существуют фундаментальные проблемы, которые необходимо проанализировать.

Во-первых, по-прежнему структура торговли в основном является традиционной: в ней преобладают сырьевые товары. Неизменными остаются и методы торговли несмотря на то, что объём перевозимых через двусторонние приграничные порты грузов быстро растёт. Конечно, количество несырьевых неэнергетических товаров (включая автомобили, машины, электрооборудование, другое промышленное и специализированное оборудование и т. д.) в общем объёме товаров, перевозимых через пограничные пункты пропуска обеих сторон, увеличилось. По статистике Маньчжурской таможни, в 2023 г. через порт Маньчжурия в Россию были экспортированы автомобили стоимостью 22,37 млрд юаней, бытовая техника на 4,36 млрд юаней, машины и оборудование общего назначения на 4,12 млрд юаней, электрооборудование на 3,83 млрд юаней, – соответственно, стоимость этих категорий товаров увеличилась на 239,2%, 37,5%, 35,7% и 32,7% [10]. Тем не менее, по статистике Маньчжурской, Харбинской и Чанчуньской таможни, по-прежнему китайские приграничные районы в целом импортируют из России преимущественно сырьевые товары, включая энергоносители (нефть, природный газ и уголь), древесину, зерно и морепродукты и др. При этом российские приграничные районы импортируют из Китая, как правило, продукты первичной переработки, включая сельскохозяйственную продукцию, одежду, обувь и т. п. Основными объектами двусторонней приграничной торговли являются ресурсоёмкие продукты и продукты первичной переработки с низкой технологичностью, низкой добавленной стоимостью и короткими производственными цепочками. Те же черты характеризуют и торговлю между двумя странами в целом. Уровень методов организации двусторонней приграничной торговли товарами также невысок: например, в китайских приграничных районах в основном осуществляются такие формы торговли как мелкомасштабная приграничная торговля и общая торговля, а торговля для переработки и торговля услугами осуществляются маленькими объёмами и долями.

Во-вторых, двустороннее приграничное экономическое сотрудничество слабо связано с инвестиционным сотрудничеством сторон, при том, что последнее является важным ресурсом для первого. Объёмы прямых инвестиций из российских в сопредельные китайские приграничные районы очень

¹ В этой статье под "китайскими приграничными районами" понимаются провинция Хэйлунцзян, автономный район Внутренняя Монголия и провинция Цзилинь, под "российскими приграничными районами" – Амурская область, Хабаровский, Приморский и Забайкальский края, Еврейская автономная область.

Табл. 1. Статистика товаров, импортируемых из России в Китай и экспортируемых в Россию из Китая по территориям таможенных зон (млрд юаней)
 Table 1. Statistics of goods imported from Russia to China and exported to Russia from China by customs zone territories (billion yuan)

		Маньчжурская таможня		Харбинская таможня		Чаньчуньская таможня	
		Стоимость импорта и экспорта	Прирост в годовом исчислении %	Стоимость импорта и экспорта	Прирост в годовом исчислении %	Стоимость импорта и экспорта	Прирост в годовом исчислении %
с января по май 2024		43,53	31,5	94,32	15,3	10,90	2,0
2023	с января по декабрь	163,56	47,8	210,39	13,5	29,73	71,5
	с января по май	33,16	100,5	81,76	17,8	10,65	114,5
2022	с января по декабрь	54,07	50,4	185,48	41,3	17,33	65,0
	с января по май	16,57	11,2	69,44	44,3	4,97	65,0
2019	с января по декабрь	35,64	1,1	*	4,0	5,77	-7,6
	с января по май	13,08	-10,35	52,49	19,8	2,24	3,3

Примечание: *данные за январь – декабрь 2019 г. не были опубликованы.

Источник: составлено автором на основе: [11; 13; 14].

Source: compiled by the author based on: [11; 13; 14].

скромны. Так, в провинции Хэйлуцзян – крупнейшем участнике приграничного экономического сотрудничества Китая с Россией, реальный объем осуществлённых российскими экономическими субъектами прямых инвестиций в 2020 г. составил всего 160 тыс. долл. США (было создано 14 проектов). В 2021 г. он составил, соответственно, всего 10 тыс. долл. США (1 проект), а в 2022 г. – 130 тыс. долл. США (всего 23 проекта) [15]. По сравнению с объемом российских прямых инвестиций реальные потоки прямых инвестиций из китайских в сопредельные российские приграничные районы были более крупными. Но в российских приграничных районах китайские инвестиции в основном направлялись в "первичный" сектор, т.е. сельское и лесное хозяйство, добычу полезных ископаемых и т.д. По-прежнему китайские инвестиции в основном сосредоточены в сельском хозяйстве и энергетике. Вместе с тем, следует отметить, что в настоящее время объем китайских прямых инвестиций в целом показывает тенденцию к снижению. В качестве примера можно привести инвестиции в сопредельные российские приграничные районы из провинции Хэйлуцзян. Эти реальные потоки прямых инвестиций в российские приграничные районы в 2017 г. составили 130 млн долл. США, в 2018 г. – 120 млн долл. [16], в 2019 г. – 260 млн долл. [18], но в 2022 г. достигли только 73,6 млн долл. в США [12]. Тенденция к снижению инвестиционной активности наблюдается и на уровне двух стран: китайские инвестиции в Россию в 2022 г. сократились (табл. 2). На фоне снижения взаимных прямых инвестиций в приграничных районах РФ и КНР, объемы перевозимых через двусторонние пункты пропуска грузов, напротив, резко выросли, что ясно свидетельствует о слабом взаимодействии между двусторонним приграничным экономическим сотрудничеством и двусторонним инвестиционным сотрудничеством.

Сегодня фактически основной формой двустороннего приграничного экономического сотрудничества является торговля сырьевыми товарами в

её традиционной модели. Российской стороной были предприняты меры по увеличению объёмов, перевозимых через пункты пропуска на границе грузов. Однако проблема в том, что большая часть импортируемых китайскими приграничными районами из России товаров, включая различные сырьевые товары, поставляется в наиболее экономически развитые провинции на юге Китая, а большая часть импортируемых российскими приграничными районами товаров из Китая, включая автомобили, машины и оборудование общего назначения и т.д., направляется в регионы за пределами приграничной территории. Это говорит о том, что приграничные районы двух стран – всего лишь место перевалки грузов и транзитный канал. Например, провинция Хэйлунцзян продвигает торгово-экономическое сотрудничество с Россией под лозунгом "Купить всё в России, чтобы продать в Китае, купить всё в Китае, чтобы продать в России". Такая традиционная модель торговли сырьевыми товарами фактически превратила приграничные районы в транзитную зону, не содействуя сотрудничеству в высокотехнологичной области и в области выстраивания цепочек создания добавленной стоимости; она не повысила эффективность взаимодействия и уровень сотрудничества между приграничными районами двух стран. В расширении размеров местного приграничного рынка она играет скромную роль и не способствует развитию экономики приграничных территорий.

Расширение масштабов приграничного экономического сотрудничества на основе межгосударственного стратегического взаимодействия

Существует множество факторов, влияющих на нынешнее расширение масштабов приграничного экономического сотрудничества, включая дружественное политическое взаимодействие двух стран, взаимодополняемость их экономического развития, созданные ранее предпосылки для двустороннего сотрудничества и т.д. В современных условиях самой мощной движущей силой расширения двустороннего приграничного сотрудничества должно стать стратегическое взаимодействие между двумя государствами.

В настоящее время Китай страдает от сдерживания и давления со стороны США и их союзников. Ввиду того, что размер экономики Китая и её вовлечённость в глобальные цепочки создания стоимости постоянно растут, а китайский научно-технический потенциал повышается, США рассматривают Китай в качестве сильного соперника, намеренного с помощью наращивания своей экономической мощи изменить существующий миропорядок. США стараются любыми средствами сдерживать Китай, уделяя особое внимание подавлению его высокотехнологичного развития. При этом США принуждают своих союзников присоединиться к санкциям против Китая.

Россия также страдает от санкций со стороны ЕС, США и их союзников, в результате чего российское правительство усиливает стратегию "поворота на Восток". С началом проведения Россией СВО на Украине, отношения России и Запада дошли до стадии конфронтации. Страны Запада приняли беспрецедентные санкции, фактически разорвали производственные цепочки и цепочки поставок между Россией и Европой, чтобы путём экономической блокады и изоляции ослабить национальную мощь России. С учётом практического разрыва экономических связей с Западом российское правительство скорректировало стратегию государственной политики, ускорило политику "поворота на Восток", усилило торгово-экономическое и промышленное сотрудничество со странами АТР, включая Китай, чтобы создать новую ситуацию, в которой "Запад не лучезарен, зато лучезарен Восток".

В нынешних условиях, несомненно, стратегическое взаимодействие двух стран способствует расширению масштаба их торгово-экономического сотрудничества, и тем самым развитию двустороннего приграничного сотрудничества. Россия остро нуждается в расширении сотрудничества с Китаем в экономической области. Из-за введённых западными странами в отношении России санкций, на российский рынок запрещается ввозить широкий спектр аппаратуры и оборудования, включая высокотехнологичные образцы, а на западном рынке запрещается продавать российские нефть, природный газ, уголь, изделия из чёрных металлов и другие товары. Потеряв западный рынок, Москва решила наращивать поставки своих продуктов на Восток, особенно на китайский рынок, обеспеченный огромным объёмом экономики и

Табл. 2. Двусторонние прямые инвестиции между Китаем и Россией с 2018 по 2022 г. (млн долл. США)
Table 2. Bilateral direct investment between China and Russia from 2018 to 2022 (US\$ million)

Годы	из России в Китай		из Китая в Россию	
	Годовой поток инвестиций	Объём инвестиций на конец года	Годовой поток инвестиций	Объём инвестиций на конец года
2018	60	1000	730	14210
2019	50	1060	-380	12800
2020	10	1080	570	12070
2021	10	1080	-1070	10640
2022	*	*	230	9900**

Примечание: * данные не были опубликованы.

**Данные основаны на сопоставлении прошлых исторических данных.

Источник: составлено автором на основе: [17].

Source: compiled by the author based on: [17].

диверсификацией промышленного развития Китая. Китайские промышленные товары и комплектующие в условиях усугубляющихся санкций со стороны США и их ближайших союзников также стали занимать многочисленные ниши российского рынка, освободившиеся в результате ухода западных компаний. "Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами" (май 2024 г.), и "Совместное заявление о плане развития ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 г." (март 2023 г.) придают новый импульс развитию экономического сотрудничества и увеличению объёма торговли между двумя странами и их приграничными районами. Общий стоимостный объём торговли между двумя странами стремительно растёт. По данным Главного таможенного управления Китая, в январе – мае 2023 г. темп роста общего стоимостного объёма товарного импорта из России и экспорта в Россию увеличился до 51,9% в годовом исчислении, обновив свой исторический максимум и достигнув рекордного уровня (табл. 3). Рост объёма торговли между двумя странами привёл к резкому росту товарооборота через пункты пропуска на границе. Например, в январе – мае 2023 г. темп роста общего стоимостного объёма экспорта в Россию и импорта из России через Маньчжурскую таможню увеличился до 100,5% в годовом исчислении (табл. 1).

Ясно, что и между двумя странами, и между сопредельными приграничными районами расширение торгово-экономического сотрудничества сегодня обусловлено тем, что рынки обеих стран экстренно реагируют на чрезвычайные ситуации, связанные с масштабными санкциями против России и торговыми трениями между Китаем и США. Т. е. расширение торгово-экономического сотрудничества определяется сильным международным давлением со стороны США и западных стран, и для российского рынка этот фактор особенно очевиден. Из этого вытекают два вывода:

1) Такое экстренное реагирование российского рынка, вызывающее стремительное расширение масштаба внешнеэкономического сотрудничества на дальневосточной приграничной территории не означает, что правительство РФ перенесло экономический центр России на Дальний Восток. Развитие экономики регионов, входящих в состав ДФО, осуществляется в основном за счёт льготного финансирования и специальных мер, введённых правительством. Но финансовые средства, полученные ДФО от Правительства РФ в 2023 г. на 60% меньше, полученных ЦФО (табл. 4). Исходя из бюджетных

средств, инвестируемых правительством России в регионы, можно сказать, что оно по-прежнему считает центром экономического притяжения страны ЦФО, а не Дальний Восток. В настоящее время, в связи со сложившейся ситуацией российское федеральное правительство нацелилось на осуществление стратегии "поворота на Восток" и расширение экономического сотрудничества со странами АТР, включая Китай, чтобы усилить свою позицию в отношениях с Западом. Однако, это не означает, что Россия полностью уходит из Европы и присоединяется к Азии. Если давление со стороны Запада ослабнет, то это уменьшит актуальность "поворота на Восток" для Правительства России, и темпы расширения внешнеэкономического сотрудничества на Дальнем Востоке снизятся.

2) В настоящее время несмотря на то, что экономическое сотрудничество между сторонами развивается, в этом сотрудничестве и китайская, и российская экономики фактически развиваются исходя из собственных потребностей и интересов, то есть развитие двустороннего экономического сотрудничества, по сути, ограничено рядом факторов, таких, как экономическая безопасность государства, пределы реализации экономических интересов, объективные темпы роста экономики и т.д. Поэтому расширение двустороннего торгово-экономического сотрудничества не сможет в дальнейшем происходить такими темпами, как в ситуации экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации. Есть признаки того, что темпы роста общей стоимости торговли в годовом исчислении между странами стремительно снижаются. Например, в январе – мае 2022 г. темпы роста общей стоимости российско-китайской торговли в годовом исчислении составили 26,5%, в январе – мае 2023 г. – 51,9%, а в январе – мае 2024 г. – только 6,1% (табл. 3). Соответственно, темпы роста объёмов товаров, перевезённых через пункты пропуска на границе Китая и России, также снижаются. Так, по данным таможни, в январе – мае 2023 г. темпы роста объёмов торговли через пункты пропуска Маньчжурской таможни в годовом исчислении составил 100,5%, а в январе – мае 2024 г. только 31,5%; в январе – мае 2023 г. темпы роста товарооборота через пункты пропуска Чанчуньской таможни составил 114,5%, а в январе – мае 2024 г. только 2,0%; в январе – мае 2022 г. увеличение товарооборота через пункты пропуска Харбинской таможни составило 44,3%, а в январе – мае 2024 г. только 15,3% (табл. 1).

Таким образом, расширение торгово-экономического сотрудничества между двумя странами и между их приграничными районами не сможет дальше осуществляться такими же темпами, как в условиях экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации. Для того, чтобы торгово-экономическое сотрудничество развивалось устойчиво, его уровень необходимо повысить.

Исходя из вышеизложенного, в основе двустороннего приграничного экономического сотрудничества сегодня лежит стратегическое взаимодействие между Китаем и Россией, которое стимулирует значительное расширение торговли. Однако расширение масштабов сотрудничества сторон не сопровождается его углублением. Для того, чтобы углубить это сотрудничество необходимо выявить фундаментальные факторы, препятствующие достижению этой цели.

Различие стратегий регионального развития препятствует углублению двустороннего приграничного экономического сотрудничества

Углублению двустороннего приграничного экономического сотрудничества препятствует множество факторов, включая невысокий уровень экономического развития Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая, несоответствия в правовых режимах двух регионов, трудности в координации интересов субъектов на местном уровне Дальнего Востока, а также некоторые различия между сторонами в конкретных способах управления экономическим сотрудничеством. Самый фундаментальный из препятствующих факторов – расхождение стратегий регионального развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России, которое мы проанализируем более детально.

В настоящее время, после проведения анализа новых возможностей, открывающихся перед Северо-Восточным Китаем, китайское центральное правительство планирует направить этот регион на новый путь высококачественного развития для достижения всестороннего возрождения. Северо-восточный регион Китая обладает богатыми ресурсами, мощной промышленной базой,

Табл. 3. Общая стоимость импортных и экспортных товаров в торговле Китая с Россией (млрд юаней)
Table 3. Total value of imported and exported goods in China's trade with Russia (billion yuan)

		2024	2023		2022		2019	
		с января по май	с января по декабрь	с января по май	с января по декабрь	с января по май	с января по декабрь	с января по май
Импорт и экспорт	Стоимость	685,25	1691,59	646,10	1276,06	419,80	764,14	287,66
	Прирост в годовом исчислении %	6,1	32,7	51,9	34,3	26,5	7,9	10,0
Экспорт	Стоимость	296,66	782,30	296,17	512,30	156,70	343,37	123,18
	Прирост в годовом исчислении %	1,1	53,9	89,7	17,5	5,2	8,5	5,1
Импорт	Стоимость	388,59	909,30	349,93	763,75	263,10	420,77	164,47
	Прирост в годовом исчислении %	10,3	18,6	29,9	48,6	43,9	7,5	14,0

Источник: составлено автором на основе: [5].

Source: compiled by the author based on: [5].

уникальными преимуществами расположения и значительным потенциалом для развития. Однако с 90-х гг. XX в. в этом регионе Китая наблюдался упадок, экономический рост замедлялся, промышленно-экономическое развитие столкнулось с рядом серьезных трудностей и противоречий. В начале XXI в. центральное правительство КНР приняло стратегию "оживления Северо-Восточного Китая", но развитие его экономики продолжало замедляться в связи с недостаточной интеграцией между экономическим развитием и научно-технологическими инновациями, слабым развитием традиционных отраслей промышленности из-за истощения запасов природных ресурсов, низким внедрением новых научно-технологических достижений в промышленность. Темп роста ВРП резко упал.

В сентябре 2023 г. Синь Хуаван на симпозиуме в Харбине подчеркнул "стремление выйти на новый путь высококачественного развития и устойчивого оживления" Северо-Восточного Китая [8]. В октябре 2023 г. Политбюро ЦК КПК провело заседание, на котором рассматривались "соображения о политических установках, направленных на дальнейшее содействие достижению новых прорывов в деле всестороннего возрождения Северо-Восточного Китая в новую эпоху". Было отмечено "продвижение Северо-Восточного Китая на новый путь высококачественного развития и устойчивого возрождения" [9]. Для возрождения Северо-Востока "необходимо продвигать промышленные инновации посредством научно-технических инноваций, трансформировать и модернизировать традиционную обрабатывающую промышленность, активно культивировать нарождающиеся стратегические индустрии и отрасли будущего, а также усиливать развитие новой кинетической энергии" [9]. В то же время, китайское правительство подчеркивает, что северо-восточный регион "является главными воротами нашей страны на север" [8] и его открытость внешнему миру следует расширить. Чтобы направить Северо-Восточный Китай на новый путь высококачественного развития за счёт расширения открытости, центральное правительство поощряет северо-восточные провинции создавать открытые платформы, такие как Free Trade Zone, Comprehensive Bonded Zone. Провинции Хэйлунцзян, Внутренняя Монголия и Цзилинь, граничащие с Россией, в своей программе "Территориально-пространствен-

Табл.4. Распределение финансовых средств, вложенных российским правительством в федеральные округа в 2019–2023 гг. (%)

Table 4. Distribution of financial resources invested by the Russian government in federal districts in 2019–2023 (%)

Годы	Федеральный округ							
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
2023	71,6	8,3	1,6	0,1	4,1	5,0	3,9	5,4
2022	76,0	8,0	1,3	0,2	4,0	4,8	4,0	1,7
2021	75,7	8,0	1,5	0,2	4,0	5,3	3,4	1,9
2020	73,5	6,9	2,1	0,3	4,3	6,7	4,2	2,0
2019	74,4	8,0	1,8	0,2	3,3	6,1	4,8	1,4

Источник: составлено автором на основе: [4].

Source: compiled by the author based on: [4].

ное планирование на период 2021–2035 гг." планируют комплексное освоение территории в целях высококачественного развития. В соответствии с новой концепцией развития, провинции продвигают промышленные инновации посредством научно-технических инноваций, культивируют нарождающиеся стратегические индустрии и отрасли будущего, активно повышают "новую качественную производительность".

Позиция Правительства РФ по развитию Дальнего Востока в течение длительного времени была противоречивой. С одной стороны, оно поддерживает развитие Дальнего Востока, ориентированное на АТР. Экономика Дальнего Востока характеризуется ресурсным характером, низкой степенью инновационности и по сравнению с экономикой европейской части России в целом является отсталой. Однако экономика Дальнего Востока обладает ключевыми конкурентными преимуществами, включая экономико-географическое положение в непосредственной близости к самому большому в мире и быстро растущему рынку АТР, наличие крупнейших в мире запасов природных ресурсов, которые могут стать базой для новых масштабных производств и т.д. Правительство России надеется содействовать ускоренному развитию экономики Дальнего Востока через развитие экономического сотрудничества со странами АТР, в том числе с Китаем. В 2013 г. развитие Дальнего Востока было объявлено Президентом России В.В. Путиным национальным приоритетом на весь XXI в. Опубликованная Правительством Российской Федерации "Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г." предписывает создать благоприятную и конкурентоспособную на мировых рынках инвестиционную среду, чтобы повысить инвестиционную привлекательность и развить бизнес на Дальнем Востоке. С момента российско-украинского военного конфликта в 2022 г. и резкого разрыва экономических связей со странами Запада, отвечая на западные санкции и стратегическое давление на Россию, федеральное правительство проявляет особенно высокую активность в развитии экономики Дальнего Востока и осуществлении "поворота на Восток". На Дальнем Востоке оно проводит специальную политику, активно развивает территории опережающего развития и Свободный порт Владивосток, поддерживает развитие

по "новой модели", укрепляет экономические связи со странами АТР, включая Китай.

С другой стороны, Правительство РФ взяло под строгий контроль трансграничную экономическую деятельность на Дальнем Востоке. После распада Советского Союза федеральным законодательством не были урегулированы принципиально важные вопросы приграничного сотрудничества, не вполне прояснены полномочия органов власти федерального уровня при развитии трансграничных связей. В результате, при осуществлении широкого спектра трансграничных связей полномочия местного самоуправления оказались недостаточны, что стало важной причиной "хаотичного расцвета" приграничного сотрудничества в первой половине 90-х гг. В декабре 1998 г. принятый Государственной думой закон "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации" определил, что проекты соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей должны направляться субъектом РФ в МИД, а также в другие федеральные органы исполнительной власти на рассмотрение. О результатах рассмотрения проектов субъекты РФ должны были информироваться не позднее 20 дней с даты их поступления. Правительство РФ фактически установило контроль за развитием внешнеэкономической деятельности. Редакция данного закона, принятая в июле 2015 г. определила, что проект направляется в уполномоченный Президентом РФ федеральный орган исполнительной власти, который рассматривает его совместно с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, и о соответствующих результатах субъекты РФ информируются не позднее 45 дней с даты его поступления. Таким образом, Правительство России ещё больше усилило контроль за развитием внешнеэкономической деятельности в приграничных районах. Таким образом, дальневосточные приграничные территории развивают внешнеэкономические связи под его контролем, у них отсутствует автономия в этой сфере.

Можно сказать, что позиция федерального правительства по развитию внешнеэкономических связей на Дальнем Востоке внутренне противоречива. С одной стороны, оно надеется расширить развитие внешнеэкономической деятельности в приграничных районах Дальнего Востока, а с другой – тщательно контролировать. Противоречивая позиция вытекает из его озабоченности по поводу геоэкономической безопасности Дальнего Востока в контексте геополитического положения. Несмотря на то, что между Дальним Востоком и европейской частью России укрепилась экономическая связь (чему, в частности, способствуют Байкало-Амурская и Транссибирская магистрали, с суммарной провозной способностью более 100 млн т и с перспективными планами увеличения в ближайшие 10 лет до 210 млн т [2, с. 2], а также Северный морской путь), они, как и раньше, хрупки вследствие физического расстояния и чрезвычайно высокой стоимости перевозки грузов. Правительство обеспокоено тем, что в случае либерализации развития трансграничного экономического сотрудничества со странами АТР, и в том числе с Китаем, Дальний Восток сначала экономически, а затем политически будет отделен от центра страны. "Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г." указывает, что "потенциал Дальнего Востока значителен и может быть конвертирован не только в ускорение его собственного развития, но и устойчивый экономический рост Российской Федерации в целом" [2, с. 4]. Это ясно свидетельствует о том, что федеральное правительство развивает внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке в рамках стратегии обеспечения единства и целостности экономического пространства страны. Т. е. на Дальнем Востоке правительство ставит на первое место экономическую безопасность, а на второе место – экономическое развитие. В нынешней изменяющейся международной обстановке эта фундаментальная стратегия не изменилась.

Таким образом, стратегии регионального развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России различны. Китайское правительство на Северо-Востоке ставит на первое место продвижение региональной экономики на путь высококачественного развития, а российское правительство на Дальнем Востоке – геоэкономическую безопасность. В связи с этим существует фундаментальное различие в региональном развитии между Северо-Восточным

Китаем и Дальним Востоком России, которое принципиально ограничивает расширение экономического сотрудничества и между регионами Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока, и между приграничными районами. В течение длительного времени китайская сторона активно продвигала двустороннее экономическое сотрудничество, но к нему негативно относилась российская сторона, по этой причине экономическое сотрудничество между регионами и приграничными районами развивалось медленно. "Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)", а затем "Программа развития китайско-российского сотрудничества на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 гг.", которые осуществлялись сторонами совместно, положения не улучшили. То, что, сегодня как упоминалось ранее, развитие двустороннего приграничного экономического сотрудничества в основном связано с расширением масштабов, а не повышением уровня сотрудничества, во многом является следствием различий в стратегиях регионального развития.

Новый подход к развитию двустороннего приграничного экономического сотрудничества

Китайско-российское приграничное сотрудничество не превратилось в движущую силу и инновационный фактор экономического развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России. Как видно из проведенного анализа, китайско-российское стратегическое взаимодействие на государственном уровне способствовало расширению масштабов двустороннего приграничного экономического сотрудничества, но различие стратегий развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока препятствует его углублению. Несомненно, в обозримом будущем российское федеральное правительство не сможет пересмотреть свою стратегию на Дальнем Востоке и поставить на первое место в ней геэкономическое развитие. В нынешних условиях беспрецедентного международного давления не следует рассчитывать, что российское правительство будет двигаться в направлении расширения автономии приграничных регионов в сфере внешнеэкономического сотрудничества. Таким образом, рассуждая с точки зрения прагматизма, в настоящее время следует способствовать углублению экономического сотрудничества не на региональном, а на государственном уровне. При этом, расширяя масштабы сотрудничества обе страны должны повышать его уровень. Для этого необходимы следующие меры.

Создание на государственном уровне механизма двустороннего приграничного экономического сотрудничества. И китайской, и российской стороне следует создать при соответствующих центральных ведомствах учреждение, уполномоченное совместно планировать двустороннее приграничное экономическое сотрудничество на основе его увязывания с сотрудничеством как между двумя странами, так и между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком.

Продвижение на государственном уровне двустороннего приграничного сотрудничества в сферу высоких технологий. И китайский, и российский приграничный регионы нуждаются в повышении уровня социально-экономического развития на основе развития высоких технологий. Наличие научно-образовательного потенциала, представленного в Северо-Восточном Китае большим количеством вузов и научно-исследовательских институтов, а на Дальнем Востоке научными учреждениями Дальневосточного отделения РАН и Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, а также, кроме этого, двумя федеральными университетами и ещё 57 научными организациями и 35 вузами [2, с. 3], может помочь приграничным районам в осуществлении совместных исследований и обмена высокими технологиями, в сотрудничестве в области высокотехнологичных производств и модернизации традиционных отраслей экономики, таких, как горнодобывающая промышленность и сельское хозяйство, в совместном построении современной производственной системы, и т.д.

Содействие на государственном уровне созданию и развитию трансграничных зон торгово-экономического сотрудничества и трансграничных индустриальных (промышленных) парков, которые могут стать важной платформой для развития двустороннего сотрудничества. Примерами успешного

опыта в этой области служат создание Международного центра приграничного сотрудничества "Хоргос", который был инициирован главами Китая и Казахстана, Зоны экономического сотрудничества Мохан-Модинг, построенной Китаем совместно с Ласом. На границе Китая и России подобные трансграничные зоны торгово-экономического сотрудничества пока не сформированы. Опубликованное КНР и РФ "Совместное заявление об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами" зафиксировало их намерение совместно развивать остров Хэйсяцзыдао (Большой Уссурийский). Возможно, именно этот остров станет местом создания такой трансграничной зоны сотрудничества.

Уделяя внимание в развитии приграничного экономического сотрудничества действиям государств, не следует упускать из виду и ту роль, которую в нём играют региональные и местные субъекты. Для того, чтобы способствовать постоянному расширению и углублению китайско-российского приграничного экономического сотрудничества, все его участники на государственном, региональном и местном уровнях должны действовать сообща.

Литература

1. Минтранс заявил о модернизации 11 пунктов пропуска на границе с КНР до конца 2027 г. // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news~2023/10/12/255654 (дата обращения: 10.08.2024).
2. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn116eGqD.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).
3. Песцов С. К. Трансграничное сотрудничество России и Китая: хаотичный расцвет и упорядоченная деградация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып.1. С. 20–40.
4. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260#> (дата обращения: 20.07.2024).
5. 中华人民共和国海关总署= Главное таможенное управление КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/5668662/index.html> (дата обращения: 23.06.2024).
6. 中华人民共和国国务院= Госсовет КНР. 22.03.2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/22/content_5747725.htm (дата обращения: 14.10.2024).
7. 中华人民共和国国务院= Госсовет КНР. 16.05.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6951404.htm (дата обращения: 14.10.2024).
8. 中华人民共和国国务院= Госсовет КНР. 09.09.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202309/content_6903072.htm (дата обращения: 20.07.2024).
9. 中华人民共和国国务院= Госсовет КНР. 27.10.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6912399.htm (дата обращения: 20.07.2024).
10. 中华人民共和国满洲里海关= Маньчжурская таможня. URL: http://manzhouli.customs.gov.cn/manzhouli_customs/566020/3392762/566022/3850482/5778398/index.html (дата обращения: 23.06.2024).
11. 中华人民共和国满洲里海关= Маньчжурская таможня. URL: http://manzhouli.customs.gov.cn/manzhouli_customs/566020/3392762/566022/566023/index.html (дата обращения: 23.06.2024).
12. 东北网= Северо-Восточный Китай. 07.02.2023. URL: <https://m.dbw.cn/heilongjiang/system/2023/02/07/059067599.shtml> (дата обращения: 27.06.2024).
13. 中华人民共和国哈尔滨海关= Харбинская таможня. URL: http://harbin.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467900/467902/9e8bb8cb-3.html (дата обращения: 23.06.2024).
14. 中华人民共和国长春海关= Чаньчуньская таможня. URL: http://changchun.customs.gov.cn/changchun_customs/zfxgk/4846/3010576/4960753/3010754/a537cae8-2.html (дата обращения: 23.06.2024).
15. 《黑龙江统计年鉴 (2023年、2022年、2021年)》, 黑龙江省统计局官网. URL: <https://tjj.hlj.gov.cn/> (дата обращения: 25.06.2024).
16. 《中国对外投资发展报告 (2019年版)》, 第230页, 中国商务部官网. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/> (дата обращения: 27.06.2024).
17. 《对外投资合作国别 (地区) 指南—俄罗斯 (2023年版)》, 第38页, 中国商务部官网. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/dll/gbdqzn/upload/eluosi.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).
18. 《中国对外投资合作发展报告 (2020年)》, 第137页, 中国商务部官网. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/> (дата обращения: 27.06.2024).

References

1. The Ministry of Transport announced the modernization of 11 checkpoints on the border with China by the end of 2027 // Social Fund of Russia. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news~2023/10/12/255654 (accessed 10.08.2024) (In Russ.).
2. The National Program for Socio-Economic Development of the Far East for the period up to 2024 and for the Future up to 2035. URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd-9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (accessed 20.06.2024) (In Russ.).
3. Pestsov S.K. Cross-border cooperation of Russia and China: Chaotic prosperity and ordered degradation // Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations. 2021. Vol. 14. Issue 1. P 20–40. (In Russ.).
4. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260#> (accessed 20.07.2024) (In Russ.).
5. General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/5668662/index.html> (accessed 23.06.2024) (In Chin.).
6. The State Council of the People's Republic of China. 22.03.2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/22/content_5747725.htm (accessed 14.10.2024) (In Chin.).
7. The State Council of the People's Republic of China. 16.05.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6951404.htm (accessed 14.10.2024) (In Chin.).
8. The State Council of the People's Republic of China. 09.09.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202309/content_6903072.htm (accessed 20.07.2024) (In Chin.).
9. The State Council of the People's Republic of China. 27.10.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6912399.htm (accessed 20.07.2024) (In Chin.).
10. Manzhouli Customs District P.R.China. URL: http://manzhouli.customs.gov.cn/manzhouli_customs/566020/3392762/566022/3850482/5778398/index.html (accessed 23.06.2024) (In Chin.).
11. Manzhouli Customs District P.R.China. URL: http://manzhouli.customs.gov.cn/manzhouli_customs/566020/3392762/566023/index.html (accessed 23.06.2024) (In Chin.).
12. Northeast China. 07.02.2023. URL: <https://m.dbw.cn/heilongjiang/system/2023/02/07/059067599.shtml> (accessed 27.06.2024) (In Chin.).
13. Harbin Customs District P.R.China. URL: http://harbin.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467900/467902/9e8bb8cb-3.html (accessed 23.06.2024) (In Chin.).
14. Changchun Customs District P.R.China. URL: http://changchun.customs.gov.cn/changchun_customs/zfxgk4846/3010576/4960753/3010754/a537cae8-2.html (accessed 23.06.2024) (In Chin.).
15. Heilongjiang Statistical Yearbook (2023, 2022, 2021) // Heilongjiang Bureau of Statistics. URL: <https://tjj.hlj.gov.cn/> (accessed 25.06.2024) (In Chin.).
16. Report on Development of China's Outward Investment (2019) // Ministry of Commerce, PRC. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/> (accessed 27.06.2024) (In Chin.).
17. Guide to Countries (Regions) for Overseas Investment Cooperation-Russia can refer to China's Overseas Investment Cooperation Development Report (2023) // Ministry of Commerce, PRC. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/eluosi.pdf> (accessed 20.06.2024) (In Chin.).
18. Report on Development of China's Outward Investment and Economic Cooperation (2020) // Ministry of Commerce, PRC. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/> (accessed 27.06.2024) (In Chin.).

Информация об авторе

Мой Моин, д-р ист. наук, научный сотрудник Института китайской государственной границы и моря Уханьского университета, Ухань, Китай, e-mail: moumoying@163.com

Information about the author

Mou Moying, Doctor of History, Researcher, Wuhan University China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan, China, e-mail: moumoying@163.com

Поступила в редакцию 11.09.2024

Одобрена после рецензирования 08.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 11.09.2024

Approved 08.11.2024

Accepted 27.11.2024

Приграничные торговые зоны вокруг Китая: интернализация каких правил?

Наталья Петровна Рыжова
Университет Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика, natalia.ryzhova@upol.cz

Аннотация. Приграничная торговля на рубеже XX–XXI вв. стала заметным фактором развития приграничных регионов Китая. Чтобы воспользоваться географическим преимуществом, китайские власти создали специальный институт ("приграничный пояс открытости"), который позволил выстроить торговые каналы, простирающиеся далеко за пределы китайских границ. Сопредельные страны (от Северной Кореи до Мьянмы) вынуждены были реагировать на китайские инициативы. Некоторые из них даже создали свои зеркальные институты. Но публикации, оценивающие результаты, пессимистичны: в отличие от Китая, его сопредельным странам редко удавалось достичь успеха. В статье предложено использовать концепцию интернализации правил для осмысления двусторонних результатов.

Ключевые слова: *приграничная торговля, базары, интернализация правил, неоллиберализм, неформальная экономика, приграничный пояс открытости, Россия, Китай, Вьетнам*

Работа была поддержана проектом Европейского фонда регионального развития "Синофонные приграничные регионы – взаимодействие на границах", CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791

Для цитирования: Рыжова Н. П. Приграничные торговые зоны вокруг Китая: интернализация каких правил? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 51–61. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/51-61>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/51-61>

Border trade zones around China: Internalising which rules?

Natalia P. Ryzhova
Palacký University, Olomouc, Czech Republic, natalia.ryzhova@upol.cz

Abstract. Border trade at the turn of the XX–XXI centuries became a prominent factor in the development of China's border regions. To use geographical advantage, the Chinese authorities established a special institution (the "open border belt"), which allowed them to build trade channels that extend far beyond China's borders. The neighboring countries (from North Korea to Vietnam) have had to respond to Chinese initiatives. Some of them have even created their own "mirror" institutions (border trade zones, special economic zones). But publications assessing the achieved outcomes are pessimistic: unlike China, its neighboring countries have rarely succeeded. The article proposes to use the concept of internalization of rules to explain bilateral outcomes.

Key words: *cross-border trade, border bazaars, internalization of rules, neoliberalism, informal economy, open border belt, Russia, China, Vietnam*

The work was supported from European Regional Development Fund Project 'Sinophone Borderlands – Interaction at the Edges', CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791

For citation: Ryzhova N. P. Border trade zones around China: Internalising which rules? // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 51–61. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/51-61>

Весной 2022 г., в то время, когда пандемия Covid оказалась близкой к завершению и стали возможны международные полеты, но Китай не открыл свои границы, наша исследовательская группа¹ провела полевые этнографические исследования в трёх населенных пунктах (Замын-Ууд в Монголии, Хорогос в Казахстане и Мунь Цхай во Вьетнаме). Каждый из них является парой к китайскому "открытому городу" (Эрэн-Хото в Автономном Районе (далее – АР) Внутренняя Монголия, Инин в Синьцзян-Уйгурском АР и Дунсин в Гуанси-Чжуанском АР). Указанные китайские населённые пункты получили статус "открытого города" в рамках создания "приграничного пояса открытости", который был учрежден Госсоветом КНР в 1992 г. [3; 4; 5; 10; 20]. Нас интересовало, как приграничные населённые пункты, развивавшиеся в течение 30 лет под влиянием приграничной торговли, приспособились к новым условиям (закрытым границам).

Одной из первых мы посетили свободную экономическую зону, созданную в Замын-Ууд. Свидетельства о том, что развитие монгольского пригранич-

¹ Я искренне благодарю Ю. Корешкову (Университет Палацкого в Оломоуце, Чехия), в паре с которой мы проехали все приграничные зоны и базары, взяли около 50 интервью, а также наших проводников и научных ассистентов, которые помогали с интервьюированием в Монголии и Вьетнаме.

ного города "зашло в тупик" из-за Covid уже появились в печати [29], но нет информации о том, как приспособлялись люди, занятые в неформальной приграничной торговле. До пандемии не столько свободная зона оказывала на них влияние, сколько возможность участвовать в оказании транспортных услуг для неформальных торговцев (челноков) и шоп-туристов [7, p. 39–40].

Мы проснулись в 8 утра. В обычно шумной гостинице находилось не более пяти человек, на улицах почти никого не было. Пункт пересечения границы, ранее шумный и оживленный, был, конечно, пуст и тих, хотя несколько контейнеровозов проследовало из Китая в Монголию. Мы проследовали к торговому центру и обнаружили, что и он закрыт. В 11 утра в торговом центре мы встретились с ключевым информантом. Мы спросили: почему большинство точек в торговом центре закрыты. "Нет никакой торговли. Нет смысла идти на работу, никто ничего не покупает. Раньше нашу продукцию – расходные материалы для мобильных телефонов, батарейки, фонари – покупали водители, туристы и все, кто ехал в Китай по торговым делам" (интервью, жен., 52. Монголия, 2022). Другая информантка сообщила: "У нашей семьи (моего мужа и брата) был грузовик, они всегда были заняты. Мужчины перевозили товары через границу... Теперь всё это исчезло. Даже если бы Китай завтра вдруг открыл свои границы, это бы нас не спасло. Ведь теперь все перевозки находятся в руках одной компании из Улан-Батора. Нам больше нечего там ловить" (интервью, жен., 45. Монголия, 2022). "Исчезло движение через границу – исчезли мы. Нет никаких альтернатив, нет работы, нет денег" (интервью, муж., 42. Монголия, 2022).

Через пару недель мы были на другой монгольской границе, теперь уже с Россией. Граница оказалась открытой, и в Сухэ-Баторе появилось небольшое количество туристов из России. Мы решили посетить свободную торговую зону "Алтанбулаг". Обе зоны по задумке их дизайнеров должны были составлять единый торговый коридор между Китаем и Россией. Статьи, о "коридоре". Автодорога к моменту нашего следования по ней строилась уже почти 10 лет и в большей части дорогой не являлась: машины следовали по накатанным колеям в степи, лишь иногда выезжая на асфальтированные участки в 20–50 км. В торговую зону "Алтанбулаг", которая представляет собой скопление магазинов малой площади, расположенных на широком пространстве и огороженных сетчатым забором, мы прибыли к самому открытию и были удивлены наплывом людей. По меньшей мере 50 местных жителей ждали у входа, и их становилось все больше. В другой – автомобильной очереди стояло не менее 30 машин. После входа в "Алтанбулаг" каждый "турист" бежал к небольшому окошку за (как мы поняли позже) таможенными декларациями. Мы также получили свои и воспользовались ими как "валютой", расплатившись с теми людьми, которые согласились дать нам интервью. В процессе интервью мы среди прочего выявили ценность этой "валюты": она измерялась разницей между ценой, уплаченной за 2 бутылки беспошленного алкоголя и ценой их продажи. Продажная цена варьировалась в зависимости от того, кому мог сбыть свои бутылки "приграничный предприниматель". Такими "предпринимателями" становятся местные жители, алкоголь из свободной торговой зоны поступает как в монгольские, так и в российские торговые точки. В зоне "Алтанбулаг", кроме алкоголя, можно купить конфеты, печенье, ограниченное количество продуктов питания и одежды. Эти товары покупаются в основном для собственного потребления жителями приграничного Сухэ-Батора, а также многочисленных туристов из России. Судя по ассортименту торговых точек, именно алкоголь является основной специализацией зоны.

Монгольское правительство создало свободную экономическую зону Замын-Ууд в 2003 г. [17], а свободную торговую зону "Алтанбулаг" – годом ранее [18]. Цели зоны Замын-Ууд включали в себя создание "стандарта и модели для остальных экономических зон Монголии"; создание "нового промышленного и торгового города, основанного на выдающихся научных достижениях". Целями Алтанбулага также были "достижение международных стандартов", создание "логистически ориентированной зоны экспортной переработки", концентрация "международных грузоперевозок и развитие туристического бренда "Великий чайный путь" [18]. При этом обе зоны были связаны между собой как сопровождающие торговые потоки из Китая в Россию и обратно. Из документов, подготовленных для создания и развития обеих зон очевидно, что

планы проектировщиков имеют мало общего с реальностью (перевозкой людей и товаров через границу и тем более с перепродажей алкоголя). Монгольские авторы сообщают, что планы в целом не были достигнуты [27].

Пессимистичные результаты весьма контрастируют с тем, чего удалось достичь Китаю. О китайском успехе в реализации целей я писала ранее [3; 5]. Свежие публикации подтверждают, что хотя приграничный пояс открытости сильно уступал в эффективности приморским свободным экономическим зонам, но он внес заметный позитивный вклад в развитие внутренних приграничных – и потому традиционно депрессивных регионов [20].

"Проигравшими" выглядят не только монгольская и российская, но также и казахстанская стороны. Хотя на казахстанско-китайской границе построен современный торговый центр, его социальное и экономическое влияние на приграничные населённые пункты минимально [11]. Любопытно в этой связи сигналы, поступающие с вьетнамской границы, где растёт количество населения, улучшается инфраструктура, и появляется экономическая активность, не связанная с обслуживанием трансграничного потока [26].

Наши полевые исследования эти "сигналы" подтвердили: хотя граница оставалась закрытой, вьетнамский Мунь Цхай быстро оживлялся после пандемии: функционировали туристские достопримечательности; были открыты почти все гостиницы, работали рестораны, что привлекало вьетнамских туристов. В особом режиме работали торговые центры – визуально закрытые, они продолжали обслуживать электронную торговлю. То есть сторонний наблюдатель (как мы), заходя в торговый центр видит закрытые витрины, но работающих на распаковке и переупаковке продавцов. "Мы получили товар из Китая и готовим посылки для отправки в Ханой, Ниньбинь и другие. Торговля почти не останавливалась всё это время. Но мы перешли на Zalo (*вьетнамская социальная сеть – Н.Р.*)" (интервью, муж., 38. Вьетнам, 2022).

Полевые исследования, проведённые в прилегающих к Китаю приграничных городах, продолжило моё лонгитюдное исследование экономического развития пары приграничных городов – Благовещенска и Хэйхэ [22; 23; 24], а также "китайских базаров", которое проводилось мной и моими коллегами с середины 2000-х годов в Иркутске, Владивостоке, Красноярске [1]. Базары, созданные в китайских приграничных открытых городах, а также в провинциальных центрах (в Харбине, Урумчи, Хух-Хото), а также "китайские базары", созданные на сопредельных территориях, сформировали связанную товарными и людскими потоками инфраструктуру. Блокировки на границах из-за Covid должны были влиять и на снабжение рынков в региональных центрах и столицах. Поэтому мы также посетили базары в Алматы, Бишкеке и Улан-Баторе. Опрашивая информантов на этих базарах, мы пришли к выводу, что товары доставлялись и в пандемию несмотря на закрытые границы. "Выключенными" оказались только приграничные населённые пункты (видимо, за исключением Вьетнама).

Изучая стремительный подъём и постепенную экономическую стагнацию Благовещенска и рассматривая ситуации в Замын-Удэ и Мунь Цхай, я стремлюсь ответить в этой статье на вопрос: как и почему Китаю удалось реализовать преимуществ приграничных торговых / экономических зон, а России – как и Монголии или Казахстану – нет? Для ответа на этот вопрос в первом разделе я объясняю свой метод и даю краткий обзор дискуссии, в которую мой тезис призван внести вклад, а в двух последующих разделах отвечаю на поставленные вопросы и надеюсь таким образом раскрываю свой тезис.

Интернализация: дискуссия и метод исследования

В работе использован метод сравнения. Хотя когда-то оно было краеугольным камнем антропологии, сейчас эта дисциплина относится к сравнениям довольно скептически, настаивая на уникальности и культурном релятивизме изучаемого случая [25]. Я не пытаюсь опровергнуть этот скептицизм, но хочу объединить две разнонаправленные тенденции: партикуляризацию и генерализацию. Партикуляризация в исследовании проявляется в том, что в основном фокусе находится этнографическое поле (Благовещенск и Хэйхэ), где исследования были начаты мной в начале 2000-х годов. Обобщение означает, что наблюдения из различных культурных ситуаций используются для объяснения динамики этой пары городов. То есть статья не утверждает, что

в других локальностях всё так же, но пытается объяснить, почему некоторые процессы схожи или отличаются. Я надеюсь, что фокус на динамике, изменениях, произошедших в Благовещенске по сравнению с другими локальностями, позволяет генерализовать выводы, которые получены при изучении пары Благовещенск-Хэйхэ.

Особым экономическим зонам Китая посвящено большое количество антропологических работ. Для многих исследователей источником вдохновения стали концепции, предложенные Айвой Онг в книге "Неолиберализм как исключение: мутации гражданства и суверенитета" [19]. По данным Google Scholar книга была процитирована более 7 тыс. раз. Понятно, почему идеи, изложенные в книге, оказались столь продуктивными: следуя концепции суверенной власти Агамбена, Онг показывает, что китайские особые зоны стали способом политического исключения из общего национального пространства для реализации неолиберальных правил. А. Онг показала, что вмешательство сильного и даже авторитарного государства позволило Китаю постепенно провести реформы и приспособить внутреннюю экономику и общество к глобальному рынку. Неолиберальные правила, введённые через экономические зоны, создавали неолиберальную субъективность для выжимания максимальной стоимости труда. Создаваемые в зонах правила были чуждыми, то есть противоречили национальным институтам, культуре, верованиям, нормам, но приводили к созданию ценностей, которые укрепляли национальные институты, создавая затейливые гибриды. А. Онг, а затем и её последователи продемонстрировали, что бинарная оппозиция (социализм vs капитализм) плохо подходит для объяснения того, как Китай вводил особые экономические зоны, поскольку различные логики суверенного управления сочетались и действовали. Китайские опыт гибридизации шагнул за пределы самого Китая – исследователи показали, что сочетание авторитарных и неолиберальных логик происходило в разных локальностях, созданных при участии китайского капитала, но особенно часто на приграничных территориях между Китаем и Лаосом, Малайзией, Пакистаном и т.д. [13; 14; 15; 21]. Например, К. Литтлтон и П. Ньери, изучая лаоско-китайскую границу, пришли к выводу, что пограничные зоны, созданные в регионах политического и криминального сопротивления (они используют термин Дж. Скотта "Зомия"), приводят к изменению норм суверенитета и позволяют капиталу "адаптироваться к неолиберальной глобализации" [15].

Интересно, что более поздние работы, например монография Д. Байлера об особых экономических зонах в Синьцзяне, показывает, что спустя двадцать лет китайская модель власти смогла поглотить неолиберальную логику, подчинить её своему авторитарному управлению и создать то, что Д. Байлер назвал террор-капитализмом [8]. Возможность такого поглощения особенно важна для моего аргумента: именно поглощение – иначе интернализация – позволяет усвоить внешние, чуждые правила и сделать их внутренними регуляторами. Я использую этот термин в качестве основного аналитического инструмента в работе.

На интернализацию обращает внимание А. Риппа в книге о приграничной инфраструктуре: он показывает, что Китаю удалось воплотить свою версию капитализма, интернализирующую неолиберальные правила. Кроме того, он утверждает, что интернализация стала возможной не благодаря удаленности китайского государства из управления особыми зонами (на чём настаивала А. Онг), а благодаря его "громоздкому присутствию" [21].

Моя критика А. Онг берёт несколько другое направление. Я утверждаю, что, создавая и развивая приграничные зоны, китайское государство и его представители соглашались на интернализацию любых – не только неолиберальных – правил. Это позволило китайским властям достичь поставленных целей, именно это отличает приграничные зоны не только от ситуаций китайских приморских зон, но и от ситуаций в приграничных зонах России, Казахстана или Монголии. И наоборот, именно готовность к интернализации любых правил приближает вьетнамские приграничные зоны к успеху китайских. Далее я постараюсь раскрыть этот тезис.

Как Китаю удалось реализовать идею приграничных зон?

Официально китайские приграничные зоны предполагали развитие трёх типов торговли – государственной, мелкой и базарной [30]. Соответственно, государственная торговля подразумевала соглашения между местными властями коммунистического Китая и властями прилегающих зарубежных регионов, мелкая – между государственными компаниями и частными компаниями из обоих регионов, прилегающих к границе, базарная – между людьми, большая часть из которых не имела предпринимательских регистраций. Противоречивая статистика, не раз проанализированная, в том числе автором этой статьи, свидетельствует о том, что государство почти не наблюдало за игроками (особенно за мелкими), которые при этом вносили наибольший вклад в экспорт китайских товаров в прилегающие страны [3]. Самой заметной частью приграничных торговых зон были базары, в которых могли участвовать все, даже представители военного ведомства. На базарах не было кассовых аппаратов, почти не платились налоги, а торговля не ограничивалась специально отведёнными местами. На базарах продавались отнюдь не только товары китайских государственных предприятий, но и любой ширпотреб, который могли произвести кустарным образом [9; 28].

Существование базаров во многих приграничных провинциях не прерывалось даже во время "культурной революции". Например, в провинции Юньнань приграничные базары были легализованы почти сразу после образования Китайской Народной Республики. В 1954 г. был издан специальный указ, согласно которому жителям приграничья "разрешалось создавать рынки в пределах 20 км от границы, а жителям – зарабатывать до 5 юаней в день на каждого человека" [30]. Помимо сельскохозяйственной продукции, на приграничных базарах можно было купить или обменять товары повседневного спроса и одежду. Многочисленные пограничные конфликты на разных границах, конечно, прерывали торговые обмены, но они сразу восстанавливались, как только происходила политическая нормализация. То есть китайский социализм не вытеснил традиционный базар из экономического ландшафта приграничья. Этим приграничные регионы отличались от других территорий Китая. Например, в провинции Хубэй с 1960-х гг. большинство традиционных рынков было закрыто, активность торговцев ограничивалась несколькими днями в неделю, а разрешенные товары включали сельскохозяйственную и побочную продукцию, из которой почти 50 % приходилось на скот [31].

Почему китайские коммунистические власти позволили базарам выжить на периферии? В своей диссертации Чжао [30] утверждает, что существование приграничных базаров власти объясняли необходимостью удовлетворять "экзотические запросы", обусловленные традиционным укладом и образом жизни проживающих там людей. Академики часто следовали этой идее экзотизации: например, в работах Б. Вомака [28] подчеркивается, что приграничная торговля, существовавшая в провинции Юньнань до 1980-х гг., носила "доисторический" характер, и указывается, что развитию приграничной торговли способствовала общность групп меньшинств, проживающих вдоль границы в соседних странах, их культурные традиции, схожие обычаи и т. д.

Китайско-российское приграничье, конечно, не может претендовать на "экзотическую" общность потребностей групп меньшинств. Тем не менее, приграничная торговля, в том числе приграничные базары, расцвели сразу же после нормализации политических отношений между КНР и СССР. В отличие от Юньнаня, где уличная (лоточная) торговля стала частью приграничной, первые китайские торговцы в Благовещенске напоминали, скорее, советскую фарцовку [2; 6]. Вначале "китайская фарцовка" в Благовещенске велась около гостиниц, где селились первые китайские туристы или около речного порта Благовещенска. Товары (часы, нитки из жемчуга, спортивные костюмы, футболки, термосы и прочие товары потребительского спроса) оставались спрятанными, скрытыми в сумках китайских туристов. Покупатели оглашали товары, имеющиеся для обмена (шинели, сковородки, ножи) и после этого начинался торг.

Позднее китайские торговцы появились на Центральном крестьянском рынке Благовещенска; вначале вещи раскладывались на земле, потом появились отдельные ряды, затем выделился китайский рынок, позднее он пере-

хал в крытые помещения. Параллельно этим процессам разрасталась и уличная торговля и кустарное производство в Хэйхэ, в том числе развивающиеся благодаря особым предпочтениям и инфраструктуре создаваемыми китайскими провинциальными и муниципальными властями. Затем к приграничной торговле, осуществляемой руками и ногами китайских и российских "челночных торговцев" подключились и государственные китайские предприятия, которые таким образом расширяли свои рынки сбыта. Иначе говоря, приграничная торговля на этой границе не имела ничего общего с традиционной, "экзотической" торговлей меньшинств, вместо этого она интернализировала практики, сложившиеся в социалистическое время.

Хотя российская сторона тоже получила определенные преимущества от приграничной торговли (были амортизированы социальные шоки раннего постсоветского периода, решена проблема дефицита), но в большем выигрыше оказался Китай: его власти интернализировали нормы, практики и правила, которые уже действовали к концу 1980-х гг. Вместо того, чтобы исключать территории из национальных правил, как это было сделано с приморскими особыми экономическими зонами, ориентированными на глобальные рынки, в приграничных с Россией (а также Казахстаном, Вьетнамом, Лаосом и т.д.), китайское правительство разрешало и даже поощряло крайнее разнообразие. Вместо неолиберальной политики, направленной на выжимание максимальной стоимости рабочей силы, правительство поддерживало свободу предпринимательства и поощряло минимальный контакт с государством. Вместо того, чтобы принимать правила, чуждые и внешние по отношению к китайским национальным, правительство учитывало и поддерживало практики, характерные для разных локальностей.

Все ли страны-соседи Китая не могут повторить китайский успех?

Если китайское правительство, создавая приграничные зоны, делало ставку на интернализацию разнообразия, а создавая прибрежные зоны – на интернализацию неолиберальных идей, то какова была ставка российских (или монгольских) властей? Следует начать с того, что российские реформы образца 1991 г. следовали принципам Вашингтонского консенсуса, которые вводились одновременно на всей территории страны и, кажется, никаких зон политического исключения для интернализации неолиберальной логики создавать не имело смысла. В целом это, конечно, большое упрощение реальных процессов рыночной трансформации. Если говорить о приграничных территориях, то города, в которых были созданы пункты перехода государственной границы, всё же стали зонами исключения – в них стихийно формировались зоны приграничной торговли, то есть правила и практики, сильно отличающиеся от тех, что существовали в других российских регионах². Принципиальным их отличием от китайских стало, однако, то, что они никогда не существовали на бумаге.

Впрочем, наличие или отсутствие формализации не мешало развитию похожих практик на разных территориях, прилегающих к китайскому поясу приграничной открытости. Далее я сравню Благовещенск с вьетнамским Мунь Цхай, (где приграничная зона была официально создана в 1996 г.) с целью продемонстрировать, что интернализация разнообразия правил помогла городам развиваться, но запрет на экономическое разнообразие быстро приводил к утрате преимуществ приграничного положения.

² Зоны политического исключения в Российской Федерации могут быть и вполне формализованными, то есть конституируемыми действующим законодательством. В 2006 г. Государственная дума вернула понятие "пограничных зон" и с 2012 г. новые правила начали действовать. Доступ в пограничные зоны оказался ограниченным, в т. ч. для граждан РФ, не имеющих в них регистрации. Также в приграничных закрытых зонах действовали и другие исключения из правовых норм РФ (например, регистрировать предприятия, ввозить иностранную рабочую силу и т. п.). Эта форма политического исключения не является единственной; другой пример – закрытые города (ЗАТО), где в советское время были созданы особые предприятия (атомной или химической промышленности). Российское неравномерное, "слоистое" политическое пространство, где одним или другим образом ограничены экономические и другие права граждан и/или предприятий, является советским наследием и заслуживает отдельного научного осмысления.

Одним из самых впечатляющих зданий в Мунь Цхай является отель "Hong Van Grand Hotel", вся деятельность которого построена на обеспечении работы казино. Также в Мунь Цхай работают "LiLai International Gaming Club" и другие небольшие казино. Антропологи неоднократно демонстрировали, что игорные зоны были и остаются визитной карточкой приграничных районов, окружающих Китай. Из-за Covid нам не удалось посетить казино в Мунь Цхай, но мы смогли пообщаться с персоналом в неформальной обстановке. Двое из наших собеседников приехали из провинции Хэйлунцзян и ранее работали в российских приграничных городах. Один из них имел опыт работы в двух казино в Северной Корее. По их оценкам, основными клиентами игорных заведений во всех трёх странах были туристы из Китая. До 2006 г. Благовещенск также привлекал китайских туристов своими казино. Существенным отличием Благовещенска от Мунь Цхай было то, что все казино (в 2007 г. около 90 заведений) – были закрыты по решению Центрального правительства. Москва ввела новые правила, и в стране осталось всего три игровых зоны, ни одна из них не была создана в Благовещенске. И это несмотря на то, что казино приносило неплохой доход в городской бюджет Благовещенска (по оценкам в 2006 г. он составлял около 8 % от общего городского бюджета). После официального закрытия казино ещё некоторое время продолжали работать нелегально, но поток китайских туристов постепенно сокращался и вместе с этим приходили в упадок казино.

Ещё одна "туристическая достопримечательность" Мунь Цхай – неформальный обменный рынок, за которым мы наблюдали несколько дней во время наших полевых исследований. Неформальный в данном случае означает, что сделки с валютами совершаются вне официальных банковских структур, по сути, на уличном базаре. Здесь же могут быть оказаны услуги перевода валюты за рубеж – в Китай. Наши информанты сообщили, что объём совершаемых услуг сократился за время Covid в несколько раз, хотя услуги продолжают оказываться: ведь и поток товаров из Китая сильно сократился, но не сведён к нулю. По сути, валютные услуги совершаются на принципах хавала-банка [16]. Функционирование валютного рынка было описано в антропологических работах [12]. В частности, ученые отмечали, что рынок имеет устойчивые связи с банковскими структурами. В Благовещенске отдельные обменные операции в 1990-х осуществлялись и в рамках уличной торговли, однако большая часть валютно-обменных операций и операций по переводу средств в Китай осуществлялась в коммерческих банках. С 1995 по 1999 гг. я работала в международном отделе банка. Самой сложной задачей, которую решал банк, было создание легальных схем перевода денег, вырученных на китайских базарах. Наш банк предоставил помещение с машинами для подсчёта денег, где китайские торговцы могли передать свою дневную выручку китайскому финансовому посреднику. Он обменивал рубли, полученные от базарной торговли, на валюту в банке, но переводил через него лишь небольшую сумму (чтобы не нарушать валютное законодательство). Другая часть переводилась по схемам *a-la hawala*, то есть посредник по телефону сообщал своему контрагенту в Китае, кому и сколько нужно зачислить на счета в Китае. Более жёсткий валютный контроль, введённый в России в 1999 г. привёл к закрытию китайских кабинетов в банках, однако, очевидно, что неформальная торговля и прочие операции в сельском хозяйстве или строительстве предполагала наличие (квази) банковских услуг их обеспечивающих.

Основной же достопримечательностью и Мунь Цхай и Благовещенска были и остаются базары / торговые центры. Жёсткая политика России в отношении неформальной приграничной торговли способствовала упадку (но не полной ликвидации) китайских торговых центров в Благовещенске. Они действуют до сих пор и действовали во время Covid. Любопытно, что пандемия помогла вьетнамским торговцам получить контроль над коммерческой недвижимостью, ранее принадлежавшей китайским торговцам. Представляется, что этих процессов не было в Благовещенске – ранее введенные ограничения способствовали тому, что торговые площади принадлежали в основном российским бизнесменам. Соответственно большую тяжесть пандемийных ограничений они должны были принять на себя. Во Вьетнаме во время Covid произошел передел рынка торговых площадей. Китайские собственники помещений, лишённые возможности торговать на вьетнамской территории из-

за изоляции или, что чаще, делающие это в сотрудничестве с вьетнамским партнером, вынуждены были пойти на уступки и отдать им большую часть контроля над недвижимостью.

Таким образом, вмешательство российского государства в спонтанно возникшую приграничную зону Благовещенска было прямо противоположно стратегии интернализации разнообразия, которую использовали китайцы, и, видимо, повторяют вьетнамцы. Благодаря этому российские центральные власти не только меняют неформальные отношения, но и исключают приграничные населенные пункты из экономической жизни – в современном мире торговые потоки могут двигаться почти без людей.

Заключение

При открытии Хорогоса многие эксперты предсказывали скорую гибель рынков Бишкека и Алматы. Однако на момент нашего посещения Хорогос выглядел как абсолютно мёртвая зона, в то время как бишкекский Дордой и алматинский Зелёный базар, хотя и уменьшились в размерах и, очевидно, в количестве сделок, продолжали функционировать. Торговля на Дордой не прекращалась даже во время самоизоляции в пандемию. Торговцы, которых мы опрашивали, даже не всегда могли вспомнить, как долго длились изоляции и когда (в какие месяцы) их вводили. Некоторые респонденты вспоминали о двух закрытиях базара, другие – об одном. Кто-то говорил, что рынок оставался закрытым два месяца, а кто-то утверждал, что четыре. Более того, многие говорили, что торговля никогда не прекращалась полностью. Даже во время жёсткой изоляции торговцы могли приходить к своим контейнерам, забирать и выдавать товар. Продажа могла происходить без личной встречи продавца и покупателя – через чат в Instagram или WhatsApp и оплату через онлайн-банкинг. Подобные правила пандемической торговли сложились и в Иркутске, и в Ханое, Алматы, Улан-Баторе. Конечно, новые внешние правила (онлайн-банкинг, интернет-торговля, бесконтактная доставка) были созданы задолго до пандемии и не для этих условий или этих транзакций, но базар быстро усвоил эти новые правила, чтобы заставить их работать.

Тридцатилетнее развитие базаров помнит много таких моментов, когда они интернализировали внешние правила и благодаря этому адаптировались к новым кризисам. В 2008 г. российские власти запретили мигрантам торговать на базарах. На первый взгляд, этот запрет был приговором всем рынкам, где работали китайские торговцы. Примерно в то же время, по другим политическим причинам, российские власти упростили для граждан Кыргызстана получение российского вида на жительство и гражданства. Эти два внешних правила были интегрированы в новый внутренний механизм регулирования, когда у большинства китайских торговцев появились киргизские владельцы магазинов, которые официально зарегистрировались как владельцы бизнеса. Меньше чем за год в Красноярске и Иркутске, Благовещенске и Владивостоке появились тысячи новых мелких предпринимателей с двойным российским и киргизским гражданством.

Иначе говоря, базары оказались гораздо более адаптивными, чем приграничные зоны, созданные на бумаге (как в Монголии) или обсуждавшиеся годами (как в Благовещенске). Адаптивность, способность приспособиться к немыслимым ранее (например, пандемическим) условиям зависит от способности интернализировать разнообразные правила и делать их внутренними регуляторами. Успех китайских приграничных зон был также связан с такой интернализацией, как и провал соседей.

Литература

1. Дятлов В. И., Григоричев К. В. Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.
2. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Фарца: Подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 43. № 5. С. 62–68.
3. Рыжова Н. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЗИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
4. Рыжова Н. П. Развитие окраинных регионов КНР: роль "приграничного пояса открытости" // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 36–59.

5. Рыжова Н. П. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 4. С. 59–74.
6. Твердюкова Е. Окно в капитализм, или Чёрный рынок по-советски // *Живая история*. 2017. № 10. URL: <https://history.ru/statyi/okno-v-kapitalizm> (дата обращения: 20.10.2024).
7. Billé F. *Sinophobia. Anxiety, Violence and the Making of Mongolian Identity*. University of Hawaii press, 2014. 268 p.
8. Byler D. *Terror Capitalism: Uyghur Dispossession and Masculinity in a Chinese City*. Durham: Duke University Press Books, 2022. 296 p.
9. Chan Y. W., Womack B. Not merely a border: borderland governance, development and transborder relations in Asia // *Asian Anthropology*. 2016. Т. 15. № 2. P. 95–103.
10. Geng X. Basic Facts on Various Development Zones in the Border Provinces and Regions of China // *Policy and Management Mechanisms for Economic Development Areas*. Urumqi, Xinjiang Uygur Autonomous Region. People's Republic of China: 22–24 August 2007. www.adb.org
11. Grant A. Crossing Khorgos: Soft power, security, and suspect loyalties at the Sino-Kazakh boundary // *Political Geography*. 2020. Т. 76. P. 102–070.
12. Grillot C. Chapter Twelve. Arbitrage over the Beilun/ Kalong River: Chinese Adjustments to Border Trade Practices in Vietnam // *Traders in Motion: Identities and Contestations in the Vietnamese Marketplace* / ed. K. W. Endres, A. M. Leshkovich. Cornell University Press, 2018. P. 185–200.
13. Laungaramsri P. China in Laos: Enclave spaces and the transformation of borders in the Mekong Region // *The Australian Journal of Anthropology*. 2019. Т. 30. № 2. P. 195–211.
14. Laungaramsri P. Commodifying Sovereignty: Special Economic Zones and the Neoliberalization of the Lao Frontier // *Impact of China's Rise on the Mekong Region* / ed. Y. Santasombat. New York: Palgrave Macmillan US, 2015. P. 117–146.
15. Littleton C., Nyiri P. Dams, casinos, and concessions: Chinese mega-projects in Laos and Cambodia // *Engineering Earth: The Impacts of Megaengineering Projects* / ed. S. D. Brunn. London; New York: Springer-Verlag, 2011. P. 1243-1265.
16. Martin M. Hundi/Hawala: // *Modern Asian Studies*. 2009. Т. 43. № 4. P. 909–937.
17. Official presentation of the Administration of the Zamyn-Ude Free Economic Zone // CAREC. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/Session2.4-Zamyn-Uud-Free-Economic-Zone.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).
18. Official presentation of Altanbulag Free Economic Zone Administration // Altanbulag Free Economic Zone Administration. URL: https://altanbulag.gov.mn/files/1660787022_62fd994eaf194.pdf (дата обращения: 10.09.2022).
19. Ong A. *Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty*: Duke University Press, 2006. 295 p.
20. Reardon L. C. Seven Policies That Opened China to the Outside World, 1979–1990 // *Chinese Economic Statecraft from 1978 to 1989: The First Decade of Deng Xiaoping's Reforms* / ed. P. Roberts. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 33–62.
21. Rippa A. *Borderland Infrastructures: Trade, Development, and Control in Western China*: Amsterdam University Press, 2020. 282 p.
22. Ryzhova N. *Invisible trade: Sovereign decisions on the Sino–Russian border* // *Routledge Handbook of Asian Borderlands*. Routledge, 2018. P. 334–344.
23. Ryzhova N., Ioffe G. Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe // *Eurasian Geography and Economics*. 2009. Т. 50. № 3. P. 348–364.
24. Ryzhova N., Koreshkova I. WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // *WeChat and the Chinese Diaspora* / ed. Wanning Sun & Haiqing Yu. Routledge, 2022. P. 38–56.
25. Schnegg M. Anthropology and Comparison: Methodological Challenges and Tentative Solutions // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2014. Т. 139. № 1. P. 55–72.
26. Thong L. B. Hinterland border gate urbanization – an alternative strategy for an equitable urban and regional development in mainland Southeast Asia // *Malaysian Journal of Tropical Geography (MJTG)*. 2020. Т. 46. № 1 and 2. P. 100–119.
27. Tsagaach T. Formation of Special Economic Zones in Mongolia // *Trade Logistics in Landlocked and Resource Cursed Asian Countries* / ed. K. Jayanthakumaran et al. Singapore: Springer, 2019. P. 193–219.
28. Womack B. Sino-Vietnamese Border Trade: The Edge of Normalization // *Asian Survey*. 1994. Т. 34. № 6. P. 495–512.
29. Zaanaa U., Batmunkh M.-U. Cooperation between Mongolia-China border ports during the Covid-19 pandemic: On the geo-economic example of the Zamyin-Uud port // *Journal of International Studies*. 2023. Т. 46. № 116. P. 72–88.
30. Zhao G. The changing peripheries in China: A case study of the political and economic impacts of the development of border trade in Yunnan province. URL: <https://www.proquest.com/openview/68c1817ee607fd70443236ed7e45efaa/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (дата обращения: 14.06.2022).
31. Zheng Qing Po. Congjiceng jishi yanbian toushi nongcun fazhan lujing // *Zhongguo jingjishi yanjiu*. 2018. № 3. P. 121–130 (In Chin.).

References

1. Dyatlov V. I., Grigorichev K. V. Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 2015. 343 p. (In Russ.).
2. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Fartsa: Underground of the Soviet Consumer Society // *Neprikosvennyi zapas*. 2005. T. 43. № 5. P. 62–68. (In Russ.).
3. Ryzhova N. Economic integration of border regions. Khabarovsk: Institute of Economic Research FEB RAS, 2013. 352 p. (In Russ.).
4. Ryzhova N. P. Development of the peripheral regions of the People's Republic of China: the role of the "border belt of openness" // *Spatial Economics*. 2008. № 4. P. 36–59. (In Russ.).
5. Ryzhova N. P. The role of cross-border co-operation in the development of peripheral cities of China and Russia // *Problems of the Far East*. 2009. № 4. P. 59–74. (In Russ.).
6. Tverdyukova E. Window to capitalism, or the Black Market in the Soviet way // *Zhivaya istoriya*. 2017. No. 10. URL: <https://history.ru/statyi/okno-v-kapitalizm> (accessed 20.10.2024). (In Russ.).
7. Billé F. Sinophobia. Anxiety, Violence and the Making of Mongolian Identity. University of Hawaii press, 2014. 268 p.
8. Byler D. Terror Capitalism: Uyghur Dispossession and Masculinity in a Chinese City. Durham: Duke University Press Books, 2022. 296 p.
9. Chan Y. W., Womack B. Not merely a border: borderland governance, development and trans-border relations in Asia // *Asian Anthropology*. 2016. T. 15. № 2. P. 95–103.
10. Geng X. Basic Facts on Various Development Zones in the Border Provinces and Regions of China // Policy and Management Mechanisms for Economic Development Areas. Urumqi, Xinjiang Uygur Autonomous Region. People's Republic of China: 22–24 August 2007. www.adb.org
11. Grant A. Crossing Khorgos: Soft power, security, and suspect loyalties at the Sino-Kazakh boundary // *Political Geography*. 2020. T. 76. P. 102–070.
12. Grillot C. Chapter Twelve. Arbitrage over the Beilun/ Kalong River: Chinese Adjustments to Border Trade Practices in Vietnam // *Traders in Motion: Identities and Contestations in the Vietnamese Marketplace* / ed. K. W. Endres, A. M. Leshkovich. Cornell University Press, 2018. P. 185–200.
13. Laungaramsri P. China in Laos: Enclave spaces and the transformation of borders in the Mekong Region // *The Australian Journal of Anthropology*. 2019. T. 30. № 2. P. 195–211.
14. Laungaramsri P. Commodifying Sovereignty: Special Economic Zones and the Neoliberalization of the Lao Frontier // *Impact of China's Rise on the Mekong Region* / ed. Y. Santasombat. New York: Palgrave Macmillan US, 2015. P. 117–146.
15. Littleton C., Nyiri P. Dams, casinos, and concessions: Chinese mega-projects in Laos and Cambodia // *Engineering Earth: The Impacts of Megaengineering Projects* / ed. S. D. Brunn. London; New York: Springer-Verlag, 2011. P. 1243–1265.
16. Martin M. Hundi/Hawala // *Modern Asian Studies*. 2009. T. 43. № 4. P. 909–937.
17. Official presentation of the Administration of the Zamyn-Ude Free Economic Zone // CAREC. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/Session2.4-Zamyn-Uud-Free-Economic-Zone.pdf> (accessed 01.09.2022).
18. Official presentation of Altanbulag Free Economic Zone Administration // Altanbulag Free Economic Zone Administration. URL: https://altanbulag.gov.mn/files/1660787022_62fd994eaf194.pdf (accessed 10.09.2022).
19. Ong A. Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty: Duke University Press, 2006. 295 p.
20. Reardon L. C. Seven Policies That Opened China to the Outside World, 1979–1990 // *Chinese Economic Statecraft from 1978 to 1989: The First Decade of Deng Xiaoping's Reforms* / ed. P. Roberts. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 33–62.
21. Rippa A. Borderland Infrastructures: Trade, Development, and Control in Western China: Amsterdam University Press, 2020. 282 p.
22. Ryzhova N. Invisible trade: Sovereign decisions on the Sino–Russian border // *Routledge Handbook of Asian Borderlands*. Routledge, 2018. P. 334–344.
23. Ryzhova N., Ioffe G. Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe // *Eurasian Geography and Economics*. 2009. T. 50. № 3. P. 348–364.
24. Ryzhova N., Koreshkova I. WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // *WeChat and the Chinese Diaspora* / ed. Wanning Sun & Haiqing Yu. Routledge, 2022. P.38–56.
25. Schnegg M. Anthropology and Comparison: Methodological Challenges and Tentative Solutions // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2014. T. 139. № 1. P. 55–72.
26. Thong L. B. Hinterland border gate urbanization – an alternative strategy for an equitable urban and regional development in mainland Southeast Asia // *Malaysian Journal of Tropical Geography (MJTG)*. 2020. T. 46. № 1 and 2. P. 100–119.
27. Tsagaach T. Formation of Special Economic Zones in Mongolia // *Trade Logistics in Landlocked and Resource Cursed Asian Countries* / ed. K. Jayanthakumaran et al. Singapore: Springer, 2019. P. 193–219.

28. Womack B. Sino-Vietnamese Border Trade: The Edge of Normalization // *Asian Survey*. 1994. Т. 34. № 6. P. 495–512.

29. Zaanaa U., Batmunkh M.-U. Cooperation between Mongolia-China border ports during the Covid-19 pandemic: On the geo-economic example of the Zamyin-Uud port // *Journal of International Studies*. 2023. Т. 46. № 116. P. 72–88.

30. Zhao G. The changing peripheries in China: A case study of the political and economic impacts of the development of border trade in Yunnan province. URL: <https://www.proquest.com/openview/68c1817ee607fd70443236ed7e45efaa/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (accessed 14.06.2022).

31. Zheng Qing Po. Congjiceng jishi yanbian touchi nongcun fazhan lujing // *Zhongguo jingjishi yanjiu*. 2018. № 3. P. 121–130 (In Chin.).

Информация об авторе

Наталья Петровна Рыжова, д-р. экон. наук, профессор РАН, доцент кафедры Азиатских исследований Университета Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика, e-mail: Natalia.ryzhova@upol.cz

Information about the author

Natalia P. Ryzhova, Doctor of Economics, Professor RAS, Associate Professor, Department of Asian Studies, Palacky University, Olomouc, Czech Republic, e-mail: Natalia.ryzhova@upol.cz

Поступила в редакцию 24.10.2024

Received 24.10.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2024

Approved 17.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Accepted 27.11.2024

Развитие традиционного скотоводства на российско-монгольском трансграничье в постсоциалистический период (на примере Бурятии и Монголии)

Дамдин Доржиевич Бадараев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, damdin80@mail.ru

Александр Дмитриевич Гомбожапов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, agombozh@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен общий обзор развития традиционного скотоводства на российско-монгольском трансграничье в постсоциалистический период. Авторы отмечают симметричность процессов по обе стороны границы, характеризующиеся возрождением низкокзатратного пастбищного животноводства как ответа на вызовы переходного периода. Идентичные процессы наблюдаются между Монголией и отдаленными районами Бурятии, где произошёл возврат к традиционному отгонно-пастбищному типу животноводства. Современная практика кочевничества в Монголии имеет общую тенденцию к меньшей степени мобильности и большей оседлости. Вызревает и становится распространенной формой полукочевое хозяйство как результат адаптации скотоводческого хозяйства к конъюнктуре рынка и соответствия условиям экологии и климата аридной зоны российско-монгольского трансграничья.

Ключевые слова: скотоводство, трансграничье, кочевое хозяйство, Монголия, Бурятия

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01333, <https://rscf.ru/project/24-28-01333/>.

Для цитирования: Бадараев Д. Д., Гомбожапов А. Д. Развитие традиционного скотоводства на российско-монгольском трансграничье в постсоциалистический период (на примере Бурятии и Монголии) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 62–69. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/62-69>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/62-69>

The development of traditional cattle breeding in the Russian-Mongolian transborder area in the post-Socialist period (on the example of Buryatia and Mongolia)

Damdin B. Badaraev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, damdin80@mail.ru

Alexandr D. Gombozhapov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, agombozh@gmail.com

Abstract. The article presents a general overview of the development of traditional cattle breeding in the Russian-Mongolian transborder area in the post-socialist period. The authors note the symmetry of the processes on both sides of the border, characterized by the revival of low-cost pasture livestock farming as a response to the challenges of the transition period. Identical processes are observed between Mongolia and remote areas of Buryatia (Russia), where there has been a return to the traditional pasture-based type of animal husbandry. The modern practice of nomadism in Mongolia has a general tendency towards a lower degree of mobility and sedentariness. Semi-nomadic farming is becoming an increasingly common form as a result of the adaptation of livestock farming to market conditions and the environmental and climatic conditions of the arid zone of the Russian-Mongolian transborder.

Key words: cattle breeding, cross-border, nomadic economy, Mongolia, Buryatia

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01333, <https://rscf.ru/project/24-28-01333/>.

For citation: Badaraev D. B., Gombozhapov A. D. The development of traditional cattle breeding in the Russian-Mongolian transborder area in the post-Socialist period (on the example of Buryatia and Mongolia) // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 62–69. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/62-69>

Введение

Российско-монгольское трансграничное взаимодействие, как и любая другая контактная зона, феномен весьма многообразный. Как один из его срезов, в котором нашли отражение совокупность хозяйственных, культурно-исторических и этнических связей приграничных регионов, можно обозначить традиционное пастбищное скотоводство. В настоящее время оно остается важной частью экономики Монголии, являясь основой хозяйственной деятельности весомой доли её сельского населения. В структуре ВВП страны лидируют горнорудная отрасль и торговля. Сельское хозяйство находится на третьем месте, где превалирует животноводство с упором на пять видов скота – овец, коз, коров, лошадей и верблюдов. Традиционное скотоводство имеет значение и для приграничных к Монголии территорий России, поскольку его развитие

влияет на непосредственные доходы и уровень жизни их жителей. В условиях отсутствия иных альтернатив оно становится ключевым или единственным фактором развития сельских районов. Немаловажную роль играет этнокультурная близость и географическая схожесть трансграничных территорий, а также общие страницы истории сопредельных обществ. Это позволяет выделить уникальное поле взаимодействия в трансграничье в постсоветский период, в котором традиционное скотоводство на сегодняшний день является общей связной линией, составляя единый хозяйственно-культурный опыт населения пограничного региона. Этот опыт аккумулирует всю совокупность устойчиво воспроизводимых связей: трансмиссию хозяйственных практик между скотоводами, культурные интеракции, гуманитарное сотрудничество (проведение общих фестивалей бурятского населения по обе стороны границы, помощь в кризисные периоды) и т.д.

Традиционное скотоводство в сравнительном аспекте стало предметом исследований как отечественных, так и зарубежных учёных. Проблемам трансформации кочевого скотоводства в пространстве трансграничья посвящены работы Н.Н. Крадина [10; 11], В.В. Грайворонского [6; 8], Б.В. Базарова [24], С.Г. Жамбаловой [9], Б. Энхтувшина [20] и др. Компаративные исследования в регионе Внутренней Азии были проведены К. Хамфри и Д. Снизом [25], Б.О. Гомбоевым [5], в Монголии и Трансбайкалье – Ш. Маршина [26]. Социальный контекст модернизационных изменений в среде номадов затрагивался в работах В.А. Ядова [21], Д.Д. Бадараева [1], Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева [13], Х. Гундсамбуу [22], Ц. Цэцэнбилэг [18] и др. В исторической ретроспективе интересные работы Ф.Л. Синицына [17].

Внимание к данной проблематике обусловлено также неоднозначностью в оценках структурных перестроек общественных систем двух стран, осмысление которых, безусловно, обогатит понимание всей поливариативности сложных социальных процессов постсоциалистического периода. Предполагается, что сравнительно-описательное рассмотрение процессов в традиционном скотоводстве на российско-монгольском трансграничье обладает элементами научной новизны. Это обуславливается развитием в рассматриваемый период (с начала 1990-х гг. по настоящее время) самобытной животноводческой отрасли в трансграничном регионе и возникновением неотрадиционных форм хозяйствования и социальных отношений в условиях новых вызовов.

Материалы и методы

Источниками для настоящего исследования послужили статистические материалы, представленные в базе данных Национального статистического управления Монголии, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (Бурятстат), публикации в региональных СМИ, а также полевые материалы авторов статьи, полученные в ходе исследований на территории Центрального аймака Монголии (2024 г.). При интерпретации процессов в среде кочевников-животноводов авторы опирались на теорию модернизации и трансформации общества в переходный период, разработанную отечественными учёными (В.А. Ядовым, Т.А. Заславской, Н.И. Лапиным, Голенковой З.Т. и др.). В концептуальную основу изучения стратификации монгольского общества вошли работы Х. Гундсамбуу [22], где араты-скотоводы представлены в качестве отдельной социальной группы, обладающей специфической характеристикой и высоким адаптационным потенциалом. Трансформационные изменения в Монголии рассматриваются с позиций методологических подходов Ц. Цэцэнбилэг [18] о парадоксальности теорий модернизации применительно к постсоциалистическому монгольскому обществу.

Несмотря на симметричность процессов трансформации, в какой-то мере и модернизации, как в российских регионах, так и в Монголии, их опыт различен. Скотоводческие хозяйства в трансграничье, имевшие схожие типы коллективной организации в период социалистического уклада, прошли путь резкой смены формы собственности. Отказ от централизованной плановой экономики привёл к системному кризису на селе, остро поставив вопрос выживаемости. Одним из путей его решения стал возврат к традиционным формам животноводства.

Тенденции развития традиционного скотоводства в Монголии

В Монголии процесс распада сельскохозяйственных объединений (госхозы и совхозы) принял более радикальный характер [8, с. 48]. При утрате возможностей крупных коллективных хозяйств, откате от достигнутого уровня механизации, отсутствии финансово-кредитного инструментария в переходный период последовал естественный процесс возвращения к традиционным формам хозяйствования и быта.

В Монголии в полной мере воспроизведена модель традиционного скотоводства. Обвальное падение экономики, недостаточный платёжеспособный спрос, распад производственных цепочек и в общем натурализация экономики привели к оттоку населения из городов в сельские районы. Так, В.В. Грайворонский приводит следующую статистику: если в 1989 г. в социальном составе занятого населения Монголии доля кочевников-животноводов (араты) составляла 27,8%, то в 1995 г. она достигла более 45% [8, с. 47]. Это позволило исследователю вполне обосновано обозначить данный процесс как реномадизация [6; 8]. В дальнейшем количество аратов-скотоводов стабилизировалось и на протяжении последнего десятилетия сохраняется на уровне 300 тыс. человек, образующих 150 тыс. домохозяйств, и не превышает 30% от всей численности занятого населения страны [7, с. 148].

Можно и следует говорить о непрочности и неустойчивости такой модели, в основе которой глубокая зависимость хозяйства от природно-климатических условий, несущих высокие риски для ведения скотоводства. Однако картина в целом свидетельствует о прогрессивном развитии на протяжении длительного времени. Наиболее ярко об этом говорит количественный рост общего поголовья скота в Монголии с 30,2 млн в 2000 г. до 71 млн голов скота в 2022 г. в абсолютных значениях [23]. В 2023 г. поголовье скота в стране уменьшилось до 64,7 млн и представлено следующей видовой структурой: лошадей – 4,8 млн, КРС – 5,3 млн, верблюдов – 0,47 млн, овец – 29,4 млн., коз – 24,6 млн [23].

В целом, кочевые хозяйства приспособляются к рыночной конъюнктуре. Получают своё развитие те направления скотоводства, которые показывают наибольшую товарность. От региона к региону это могут быть различные виды скота, на что влияют несколько факторов. Прежде всего, это природно-климатические условия, благоприятные для разведения того или иного вида скота. Во-вторых, влияние оказывает степень удаленности от крупных рынков сбыта животноводческой продукции. Незрелость системы заготовок и переработки, слабая транспортно-логистическая инфраструктура, высокая концентрация населения в столице существенно влияет на товарность кочевых хозяйств и определяет структуру его стада. К примеру, в окрестностях Улан-Батора из-за высокого спроса на молоко и молочную продукцию доля крупного рогатого скота в стаде в сравнении с другими районами довольно высока: в особенности это касается таких районов, как Центральный и Селенгинский.

Специфика развития традиционного скотоводства в Бурятии

В Бурятии в наиболее традиционном виде – отгонно-пастбищном – скотоводство возродилось в удалённых горных районах. В частности, в Окинском районе республики (регион Восточного Саяна) разведение крупного рогатого скота связано с вертикальной системой кочевания [14]. Полукочевой тип хозяйства распространён в Закаменском районе, где ежегодно совершаются две кочевки. Животные круглогодично находятся на подножном корме. Фермерские хозяйства в целях поиска свободных пастбищ поселяются в удалённых урочищах, где строят дома и возводят различные постройки. Расстояние от зимников до летников может измеряться несколькими десятками километров.

На 1 января 2023 г. в хозяйствах всех категорий Республики Бурятия зафиксировано 847,1 тыс. голов животных по всем видам, из них крупный рогатый скот (далее – КРС) – 342,0 тыс., 156,3 – свиней, 284,7 – овец, 52,5 – лошадей, 11,6 тыс. коз [16]. По статистической методологии в Бурятии не учитываются верблюды, ввиду их малого количества, также, как и свиней в Монголии. Численность работников отрасли "сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство" составила 26,0 тыс. человек, т.е. 7,4 % из 352,8 тыс. человек всего занятого населения республики. За годы трансформации в

Бурятии произошло значительное снижение поголовья сельскохозяйственных животных, о чём свидетельствуют данные за 1990 г.: так, было КРС – 559,1 тыс., овец и коз – 1384 тыс., свиней – 262,2 тыс., лошадей – 76,5 тыс. голов [2].

Большое содействие развитию животноводства оказывает Буддийская традиционная сангха России (БТСР). Помимо общеизвестных федеральных и региональных программ поддержки сельскохозяйственной отрасли, в Бурятии с 2009 г. получили широкое общественное признание социальные проекты БТСР, направленные на развитие традиционных хозяйственных практик иномадного животноводства. К ним относятся такие проекты, как "Социальная отара", "Социальное стадо – Буярад ухэр", "Сарлаг" (як), "Цех по переработке овечьей шерсти".

Благотворительная инициатива главы БТСР (хамбо-ламы) получила развитие в виде указанных социальных проектов, о которых можно говорить как о заметном явлении в деле поддержки сельских жителей. Например, суть проекта "Социальная отара" состоит в бесплатной раздаче трёхсот голов мелкого рогатого скота (овец бурятской породы "буубэй") желающим стать участниками данного проекта с единственным условием: по истечении 2-х лет новым участникам проекта необходимо отдавать от полученного приплода по сотне овец. И так – далее, по цепочке. Как подчёркивают организаторы проекта, основной его целью является возрождение бурятских национальных традиций номадного животноводства. За прошедшие годы, начиная с 2009 г., поголовье овец в таких отарах увеличилось до 118 тыс. голов в 2024 г., которые содержат 110 семей республики [4]. Аналогичные цели поставлены в проектах "Социальное стадо – Буярад ухэр", "Сарлаг" (як). С 2022 г. на территории Иволгинского дацана функционирует цех по переработке овечьей шерсти как третий этап проекта "Социальная отара".

Кроме того, идеи по возрождению традиционного животноводства нашли своих сторонников и среди местных учёных-селекционеров. Основным аргументом продвижения данной формы скотоводства стала очевидная нерентабельность индустриального животноводства в Бурятии [19, с. 191]. Учёными проводилась работа по восстановлению генофонда аборигенных пород домашнего скота. Наиболее эффективна эта работа шла в отношении грубошёрстных овец. Также на территории Хубсугульского аймака Монголии были найдены коровы бурятской аборигенной породы, полностью утерянной на территории самой Бурятии. В настоящее время интродуцированное поголовье не позволяет уверенно говорить о скором восстановлении генофонда. Инициативы БТСР и региональных органов власти по обнаружению и доставке бурятских аборигенных пород скота из Монголии не получили должного развития в связи со сложными ограничениями в ветеринарном и санитарно-эпидемиологическом законодательстве сторон. В этом направлении активная работа проводится с аналогичными трансграничными регионами – Республиками Тыва и Алтай, Забайкальским краем.

Однако в целом возврата к традиционному виду скотоводства, как это имело место быть в Монголии, в Бурятии не произошло. Основной формой институализации стали крестьянско-фермерские хозяйства и индивидуальные предприятия.

Опыт трансграничного взаимодействия в сфере традиционного скотоводства

Схожей тенденцией для трансграничного скотоводства является всё больше набирающая практика ограждения и закрепления пастбищных угодий в частную собственность. В Монголии вкупе с другими факторами она приводит к процессу постепенной седентаризации кочевников. Её признаки можно наблюдать в виде устройства на сезонных стоянках бревенчатых или кирпичных домов и других долговременных хозяйственных построек. Это тот естественный путь, который был прерван и ускорен в Бурятии коллективизацией и культурной революцией. В близлежащих к городам районах строительство стационарных жилищ на зимних пастбищах стало типичным явлением. Отход от столь необходимых перекочетов при экстенсивном пастбищном скотоводстве, соответственно возрастающей угрозе потерь скота от бескормицы, компенсируется развитием сенокосения, заготовкой или закупкой кормов. Кроме этого, совершенствуется система страхования скотоводче-

ского хозяйства, активно стимулируемая государством. Хотя надо отметить, что признать весомой долю застрахованного скота в общем поголовье страны не представляется возможным.

В межграничном пространстве представляется возможным обозначить также сквозные линии единства и непрерывности, основу которых составляют этнические группы носителей общих хозяйственных традиций, культуры и исторической памяти. Речь идёт о той части трансграничья, которое населено представителями бурятского этноса. Присутствие по обе стороны границы общностей одного народа, безусловно, выступает важной составляющей содержания трансграничного взаимодействия. Испытывая влияние и будучи восприимчивым к различного рода изменениям и технико-технологическим новациям, предлагаемым со стороны иной культуры, группы бурятского этноса, восприняв и адаптировав их на свой манер, в то же время транслируют эти новшества в другое – монгольское – общество. Происходят миграции идей и технологий через границу.

Как показательный пример можно привести сомоны Мунгунморьт и Эрдэнэ Центрального аймака Монголии. Поселение бурят в этих районах связано с вынужденной миграцией в первой трети XX в. [15; 17; 27].

Все отрасли хозяйства бурятской диаспоры – и скотоводство, и охота, и ремесла имеют некоторые черты различия по сравнению с монгольскими (халхаскими), обусловленные спецификой их традиционного хозяйственно-бытового уклада, прежде всего, опыта более оседлого образа жизни в период проживания в Забайкалье. На жизнедеятельность бурят наложило отпечаток почти трёхвековое хозяйственное и культурное взаимодействие с русским населением. В период массовой эмиграции в северные районы Монголии и Китая в первой четверти XX в. буряты были названы "нацией трёх машин", что подразумевало наличие у большинства приезжих из России сенокосилок, сепараторов и швейных машин, чего практически не было у местных этнических групп.

Нововведения отразились и на некоторых способах ведения основного и традиционного вида хозяйства – скотоводства. Это, прежде всего, изготовление навесов и загонов для скота. Особенностью бурятского скотоводства является также его полукочевой характер, меньшее, по сравнению с "чистыми" кочевниками, количество скота и ограниченный маршрут сезонных кочевок. При более оседлом характере хозяйствования возникла необходимость заготовки кормов на зиму. Потребность заготовки также обуславливалась отличной от монгольских кочевых хозяйств структурой стада. Наличие в стаде большего количества крупного рогатого скота требовало создания дополнительных запасов кормов.

Сенокосение получило широкое распространение и среди халха-монголов, быстро оценивших преимущества заготовки сена. В вышеперечисленных сомонах большинство кочевых домохозяйств владеет сенокосными участками, зачастую расположенных в окрестностях зимних стоянок.

Влияние русской земледельческой традиции подтверждается употреблением значительных количеств понятий и определений в наименовании сельскохозяйственного инвентаря, средств транспорта, использованием в хозяйственной деятельности православного церковного календаря и народных примет (например, "Михула" – день архангела Михаила, "Троица" – день Святой Троицы и т.д.). Имеются предметы сельскохозяйственного инвентаря (серп, плуг, косилки), использовавшиеся бурятами после переселения на территорию Монголии. Различные хозяйственные постройки ("саравч" – сарай, "зэмье" – зимовье), ограждения также несут отпечаток традиций строительства из русской культуры (Полевые материалы А. Д. Гомбожапова. Центральный аймак Монголии (сомон Эрдэнэ). Август – сентябрь 2024 г.).

В этой связи кажется совершенно справедливым мнение М.С. Михалёва о том, что трансграничные народы выступают в роли проводника и смягчающего буфера между русским и ханьским населением России и Китая [12], что в каком-то смысле приложимо и к отношениям русских и халха-монголов, основного населения Монголии.

Трансграничное взаимодействие далеко не исчерпывается перечисленным. Ещё одним его аспектом может служить оказание гуманитарной помощи. Так, в марте 2024 г. по поручению Правительства РФ власти Бурятии

подготовили и направили гуманитарную помощь в Монголию. Из-за зимней бескормицы (так называемый белый или железный дзуд), вызванной обильными снегопадами, произошёл большой падеж скота. Немалое количество кочевых домохозяйств (около 2,4 тыс. семей) оказалось в крайне тяжёлом положении. Было направлено 8,5 тыс. тонн зернофуража (кормовые пшеница и овёс) [3].

Таким образом, можно заключить, что трансграничное скотоводство на российско-монгольском пограничье демонстрирует разный, в каком-то смысле альтернативный опыт адаптации при общности проблем переходного и последующего периода. Во многом эта разность исходит из особенностей развития экстенсивного скотоводства и связанного с ним образа жизни в России и Монголии. Наиболее схожие варианты наблюдаются между Монголией и отдалёнными районами Бурятии, где произошёл возврат к традиционному отгонно-пастбищному типу животноводства. Современная практика кочевничества в Монголии имеет общую тенденцию к меньшей степени мобильности и большей оседлости. И надо сказать, что общей точкой соприкосновения в трансграничье и является та промежуточная форма скотоводства между чистым кочевым и стойловым интенсивным типом хозяйства. Полукочевой тип хозяйства с развитой системой заготовок сена и кормов в настоящее время показывает свою рентабельность и является наиболее адаптированным к рыночному спросу и соответствующим условиям экологии и климата данной аридной зоны трансграничья.

Литература

1. Бадараев Д. Д. Традиционные хозяйственные практики монгоязычных номадов: особенности и перспективы развития скотоводства на сопредельных территориях Монголии и России // Вестник Института социологии. 2016. №18. С. 175–194.
2. Баянова Т. О., Бюраева Ю. Г. Социально-экономические аспекты развития аграрного сектора экономики Республики Бурятия // Глобализация и монгольские мир: сб. мат-лов Междуна-род. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 59–60.
3. Бурятия и Монголия подписали акт о завершении поставки гуманитарной помощи монгольским скотоводам // Представительство МИД России в г. Улан-Удэ. URL: https://buriatia.mid.ru/ru/press-centre/news/buryatiya_i_mongoliya_postavki_gumanitarnoy_pomoshchi_mongolskim_skotovodam/ (дата обращения: 02.10.2024).
4. В Бурятии назвали лучший за последние годы проект в сельском хозяйстве // МК в Бурятии (30.04.2023). URL.: <https://ulan.mk.ru/economics/2023/07/30/v-buryatii-nazvali-luchshiy-zapovednyy-gody-proekt-v-selskom-khozyaystve.html> (дата обращения 10.10.2024).
5. Гомбоев Б. О. Аграрное землепользование Внутренней Азии / отв. ред. А. К. Тулохонов, Ю. П. Михайлов; Рос. акад. наук, Байкальский ин-т природопользования. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 228 с.
6. Грайворонский В. В. Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX — начале XXI вв. Улан-Батор, 2013. 284 с.
7. Грайворонский В. В. Монголия в начале XXI в. (политика, экономика, общество) / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2017. 352 с.
8. Грайворонский В. В. Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995). М.: Восточная литература РАН, 1997. 184 с.
9. Жамбалова С. Г. Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 2(43). С. 142–149.
10. Крадин Н. Н. Процессы трансформаций скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
11. Крадин Н. Н. Трансформация скотоводческого хозяйства у агинских бурят в начале XXI века: сравнительный анализ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3. С. 205–214.
12. Михалёв М. С. Великий восточный лимитроф. Трансграничные народы в государственной политике Китая и России. М.: Восточная литература, 2022. 293 с.
13. Монгольский мир: между Востоком и Западом / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.
14. Рассадин И. В. Животноводство у сойотов и бурят: сравнительно-сопоставительный анализ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 190–195.
15. Ринчинова О. С. Бурятская диаспора в Монголии: этапы формирования и развития: дисс... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 170 с.

16. Сельское и лесное хозяйство рыболовство и рыбоводство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ege2023_17.pdf (дата обращения 10.10.2024).
17. Синицын Ф. Л. Трансграничное кочевье в СССР в 1920-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2019. Т. 18. №3. С. 589–604.
18. Цээнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. Улан-Батор, 2002. 148 с.
19. Чойропов, Ц. Ц. Традиционное (номадное) животноводство коренных народов Забайкалья: история и современность // Мат-лы конф. "Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера : Социология, природопользование, история и этнология, Ханты-Мансийск, 28–29 мая 2014 г". Часть 1. Ханты-Мансийск: ООО "МАКС-ПРИНТ", 2015. С. 183–193.
20. Энхтувшин Б. Некоторые вопросы традиционной культуры кочевников Монголии: современность и перспективы // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ, Иркутск: Оттиск, 2012. С. 23–25.
21. Ядов В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 47–50.
22. Гундсамбуу Х. Монголын нийгмийн давхраажил, хожил, хандлага (XX зуун). Улаанбаатар, [Б/д]. 2002. 660 с.
23. Малын тоо, төрлөөр, улс, бүс, аймаг, нийслэл, сум, дүүрэг, багаар, хороогоор, жилээр // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573054/table-view/DT_NS0_1001_021V1 (дата обращения: 02.10.2024).
24. Bazarov B. Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX - Beginning of XXI Centuries. *Nomadic Studies*. 2005. № 10. P. 11–13.
25. Humphrey C., Sneath D. The end of Nomadism?: Society, state, and the environment in Inner Asia. Duke University Press, 1999. 368 p.
26. Marchina C. Nomadic Pastoralism among the Mongol Herders: multispecies and spatial ethnography in Mongolia and Transbaikalia. Amsterdam University Press, 2021. 178 p.
27. Shaglanova O. A. The "Borderlands Milieu" between Russia and Mongolia: A History of Settlement and Transnational Interactions // *Senri Ethnological Studies*. 2016. Vol. 92. P. 123–141.

References

1. Badaraev D. D. The Traditional Economic Practices of Mongolian-Speaking Nomads: peculiarities and Opportunities for the Development of Livestock Farming in Mongolia's and Russia's Adjacent Territories. // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 175–194. (In Russ.).
2. Bajanova T. O., Biuraeva J. G. Socio-economic Aspects of Development of Agrarian Sector of Economy of the Republic of Buryatia // *Globalizacija i mongol'sky mir [Globalization and Mongolian World]: conference papers*. Ulan-Ude, BSC SB RAS publ., 2010. P. 59–60. (In Russ.).
3. Buryatia and Mongolia signed an act on the completion of the delivery of humanitarian aid to Mongolian herders // Representative Office of the Russian Foreign Ministry in Ulan-Ude. URL: https://buriatia.mid.ru/ru/press-centre/news/buryatiya_i_mongoliya_postavki_gumanitarnoy_pomoshchi_mongolskim_skotovodam/ (accessed 02.10.2024). (In Russ.).
4. The best project in agriculture in recent years was named in Buryatia // *MK in Buryatia* (30.04.2023). URL: <https://ulan.mk.ru/economics/2023/07/30/v-buryatii-nazvali-luchshiy-za-poslednie-gody-proekt-v-selskom-khozyaystve.html> (accessed 10.10.2024). (In Russ.).
5. Gomboev B. O. Pastoral Land-use in Inner Asia / B. O. Gomboev; otv. red. A. K. Tulohonov, Ju.P. Mihajlov; Ros. akad. nauk, Bajkal'skij in-t prirodopol'zovanija. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2006. 228 p. (In Russ.).
6. Grajvoronsky V. V. Changes in the Social Standard of Living in Buryatia (Russia), Mongolia and Inner Mongolia (China) at the End of 20th – Beg. of 21st Cent. Ulaanbaatar: 2013. 284 p. (In Russ.).
7. Grayvoronsky V. V. Mongolia at the Early of XXI century: Politics, Economy, Society. Moscow, 2017. 352 p. (In Russ.).
8. Grajvoronsky V. V. Modern Arats of Mongolia: Social Problems of the Transition Period (1980–1995). Moscow: Publishing House "Vostochnaja literatura" RAN, 1997. 184 p. (In Russ.).
9. Zhambalova S. G. Nomadism in the Contemporary World: Problems of Traditional and Modernization // *Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2012. № 2(43). P. 142–149. (In Russ.).
10. Kradin N. N. The Transformations of Pastoral Economy in Tuva and Zabaikalie Region at the Turn of the XX – XXI Centuries // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. No. 2. P. 8–27. (In Russ.).
11. Kradin N. N. Transformation of the Livestock Farming of the Agin Buryats in the Early XXI Century: A Comparative Analysis 2014. // *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. P. 205–214. (In Russ.).

12. Mihalev M. S. The Great Eastern Limitrophe. Transborder Peoples in the State Policy of China and Russia. M.: Vostochnaja literatura, 2022. 293 p. (In Russ.).
13. The Mongolian World: Between East and West / edited by Yu. V. Popkov, J. Amarsana. Novosibirsk: Avtograf, 2014. 351 p. (In Russ.).
14. Rassadin I. V. Comparative Analysis of the Soyots and Buryats Livestock Breeding // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. P. 190–195. (In Russ.).
15. Rinchinova O. S. Buryat Diaspora in Mongolia: Stages of Formation and Development // Diss... Cand. of History. Ulan-Ude, 2011. (In Russ.). 170 c.
16. Agriculture and Forestry, Fisheries and Fish Farming // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Buryatia. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ege2023_17.pdf (accessed 10.10.2024). (In Russ.).
17. Sinitsyn F. L. Transboundary Nomadism in the USSR in the 1920s // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii. 2019. T. 18. №3. C. 589-604. (In Russ.).
18. Tsetsenbileg Ts. Problems of Modernization of Mongolian Society. Ulaanbaatar, 2002. 148 p. (In Mongol.).
19. Chojropov C. C. Traditional (nomad) livestock farming of the indigenous peoples of Transbaikalia: history and modernity // Proc. of the Conf. "Problemy i perspektivy social'no-jekonomicheskogo i jetnokul'turnogo razvitija korennyh malochislennyh narodov Severa: Sociologija, prirodopol'zovanie, istorija i jetnologija, Hanty-Mansijsk, 28–29, May, 2014". Hanty-Mansijsk: OOO "MAKS-PRINT", 2015. P. 183–193. (In Russ.).
20. Enkhtuvshin B. Some Issues of the Traditional Culture of the Nomads of Mongolia: Modernity and Prospects // The World of Central Asia – 3. Ulan-Ude, Irkutsk: Ottisk, 2012. P. 23–25. (In Russ.).
21. Yadov V. A. Post-Soviet Societies Transformations: What is More Significant – the Historically Traditional or Recent Past? // Sociological studies. 2014. No. 7. P. 47–50. (In Russ.).
22. Gundsambuu H. Social stratification of Modern Mongolia: development, trends (XX century). Ulaanbaatar, 2002. 660 p. (In Mong.).
23. Number of Livestock, by type, by country, region, province, capital, sum, district, by group, by district, by year // United Statistical Database. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573054/table-view/DT_NSO_1001_021V1 (accessed 02.10.2024) (In Mong.).
24. Bazarov B. Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX – beginning of XXI Centuries. Nomadic Studies. 2005. № 10. P. 11–13.
25. Humphrey C., Sneath D. The end of Nomadism?: Society, state, and the environment in Inner Asia. Duke University Press, 1999. 368 p.
26. Marchina C. Nomadic Pastoralism among the Mongol Herders: Multispecies and Spatial Ethnography in Mongolia and Transbaikalia. Amsterdam University Press, 2021. 178 p.
27. Shaglanova O. A. The "Borderlands Milieu" between Russia and Mongolia: A History of Settlement and Transnational Interactions // Senri Ethnological Studies. 2016. Vol. 92. P. 123–141.

Информация об авторах

Дамдин Доржиевич Бадараев, д-р соц. наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: damdin80@mail.ru

Александр Дмитриевич Гомбожапов, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: agombozh@yandex.ru

Information about the authors

Damdin D. Badaraev, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Deputy Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, e-mail: damdin80@mail.ru

Alexandr D. Gombozhapov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, e-mail: agombozh@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.10.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 01.10.2024

Approved 17.11.2024

Accepted 27.11.2024

Научная статья
УДК 94(57)
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/70-81>

Земельные отношения у казачьего сословия Якутской области во второй половине XIX – начале XX вв.

Алексей Сергеевич Чертков
Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, alexchertkov@list.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс наделения якутских казаков различного вида пахотными, выгонными и сенокосными землями, количество посевных площадей и сбора урожая зерновых культур казачьими хозяйствами Якутской области. Приводятся сведения о формах пашенного земледелия, осуществляемых казаками, особенностях сельскохозяйственной обработки земли в зоне рискованного земледелия. Автор систематизирует попытки урегулирования казачьего землепользования, введения правил пользования казаками хлебопахотными землями, предпринятые администрацией области во второй половине XIX в.

Ключевые слова: *служилые люди, якутские казаки, землепользование, казачьи команды, казачье сословие, городские казаки, казачьи земли, казачьи хозяйства*

Для цитирования: Чертков А. С. Земельные отношения у казачьего сословия Якутской области во второй половине XIX – начале XX вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 70–81. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/70-81>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/70-81>

Land relations among the Cossack estate of the Yakut region in the second half of the XIX – early XX centuries

Alexei S. Chertkov
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia, alexchertkov@list.ru

Abstract: The article analyzes the process of allocating Yakut Cossacks of various types of arable, pasture and hay lands, the amount of sowing of agricultural crops and harvesting of grain crops on Cossack farms in the Yakut region. Information is provided about the forms of arable farming carried out by the Cossacks, the features of agricultural cultivation of land in the risky farming zone. The author systematizes attempts to regulate Cossack land use and introduces rules for the use of arable lands by Cossacks, undertaken by the regional administration in the second half of the 19th century.

Key words: *service people, Yakut Cossacks, land use, Cossack teams, Cossack estate, city Cossacks, Cossack lands, Cossack farms*

For citation: Chertkov A. S. Land relations among the Cossack estate of the Yakut region in the second half of the XIX – early XX centuries // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 70–81. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/70-81>

Введение

Анализ земельных отношений является одной из базовых проблем изучения уровня социально-экономического развития сословий дореволюционной общества, в том числе и в среде якутского казачества, являвшейся одной из постоянных групп населения Якутской области, начиная с 1630-х гг. – прихода отрядов служилых людей в Ленский край, и заканчивая официальным расформированием Якутского казачьего полка в 1917 г.

Предметом исследования являются земельные отношения у казачьего сословия Якутской области во второй половине XIX – начале XX вв. Цель статьи заключается в выявлении условий, влияющих на степень вовлеченности казаков Якутской области в занятие земледелием, а также на количество посева и урожая различных сельскохозяйственных культур в казачьих хозяйствах. Задачами настоящей статьи являются: выявление особенностей наделения казачьего сословия Якутской области земельными наделами, наличие административного регулирования вопросов стимулирования служилых людей к занятию сельскохозяйственным трудом в целях сокращения издержек поставок хлебного жалования из других сибирских городов и сохранения традиционной системы казачьего землепользования.

Научные подходы статьи опираются на достижения советской, российской исторической науки по аграрному вопросу в части изучения порядка и

условий функционирования сословного землепользования. Проблемно-хронологический, ретроспективный и статистический методы исследования позволили создать целостную картину землепользования у казаков изучаемого периода.

Вопросы наделения служилого сословия землей, характера земельных отношений в Якутской области, формирования скотоводческо-сенокосной специализации казачьих хозяйств в XVII – середине XIX вв. были рассмотрены в трудах якутских ученых Г.П. Башарина [1], Ф.Г. Сафронова [19], В.Н. Иванова [6], М.М. Фёдорова [22]. История якутского казачьего сословия второй половины XIX – начала XX вв. впервые была представлена в комплексном исследовании А.С. Черткова [23], в котором были изучены вопросы социально-экономического положения казачества, в частности, социальная дифференциация в казачьей среде. Смежные процессы казачьего землепользования в указанный период проходили и в служилых формированиях на землях сибирских, забайкальских и дальневосточных войск, которые исследованы в работах А.Я. Ворониной [4], Т.В. Махнибороды [12], О.И. Сергеева [20], Н.И. Никитина [14], А.Р. Ивонина [7] и др.

Источниковой базой данного исследования явились как опубликованные материалы, так и неиспользованные ранее историками архивные документы из хранилищ Санкт-Петербурга, Иркутска и Якутска. В контексте предпринимаемых администрацией Восточной Сибири во второй половине XIX в. попыток реформирования Якутского казачьего полка, направленные для изучения ситуации чиновники Н.Г. Матюнин [11] и А.И. Манькин-Невструев [10], опубликовали отчёты об организационном устройстве полка и особенностях отнесения службы местного казачества. В статистико-экономическом очерке "Казачье население Якутской области", 1909 г. [9] приводятся собранные в 1907–1908 гг. в результате обследования казачьих хозяйств подворные карточки. По замыслу Якутского губернатора И.И. Крафта, проведённое обследование должно было служить основанием для "дальнейшего устройства быта казаков", т.е. о расформировании полка [21]. Источники, опубликованные в советский период [8; 21], содержат фрагментарные сведения о якутских казаках и могут быть использованы в качестве дополнительного материала при анализе социально-экономического состояния местного казачьего сословия.

Научная новизна исследования заключается во введении в оборот документальных источников, извлечённых автором из архивных хранилищ и последующей их обработкой, составляющей статистическую основу полученных данных.

Наделение казаков Якутского округа земельными наделами

Принято считать, что с конца 40-х годов XVII в. у якутских казаков постепенно складывается скотоводческо-сенокосное хозяйство [6, с. 357–365], которое способствовало в дальнейшем углублению социального неравенства и обострению сословных противоречий в якутском обществе. Вопросы землепользования казаков, прибывших на р. Лену из других сибирских городов на временную службу, в исследованиях не зафиксировано. Одно из первых упоминаний о наделении здесь служилых людей сенокосными угодьями при воеводе М. Лодыженском относится к 1654 г. [6, с. 359]. Первые же сведения о более заметном наделении служилых казаков земельными угодьями зафиксированы в 1810 г., когда Якутской казачьей команде было отведено казённых оброчных земель по одним источникам – 358 дес. 290 саж. [2, с. 260], по другим – 780 дес. (НА РС(Я). Ф. 348. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–11; Д. 21. Л. 12–14)¹. Казачьи команды, расположенные в других окружных городах, пользовались неудобными землями, которыми они завладели захватным путём.

К началу XVIII в. численность русского населения в Якутской области по данным В.В. Воробьева составляла 4,2 тыс. человек (0,2 тыс. крестьян, 1,3–1,5 тыс. казаков, 0,1 тыс. посадских людей) или 10–15 % удельного веса народонаселения края, тогда как коренных жителей было 39,9 тыс. человек [3, с. 37].

¹ НА РС(Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия)

Табл. 1. Численность казаков ЯГПКП, находящихся на службе во второй половине XIX – начале XX вв., чел.

Table 1. The number of Cossacks of the YaGPKP in service in the second half of the XIX – early XX centuries, people

Годы	Якутская команда	Олёкминская команда	Вилюйская команда	Верхоянская команда	Колымская команда
1857	401	43	57	55	75
1860	338	44	62	23	89
1870	385	50	74	17	109
1880	254	74	86	39	173
1885	219	66	93	43	135
1901	229	48	96	28	126
1905	239	41	80	34	82
1909	233	38	109	38	12

Источник: составлено автором на основе (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 142. Л. 36; Д. 161. Л.23; Д. 311. Л. 12–133; Ф. 25. Оп. 2. Д. 120. Л. 56–57; НА РС(Я). Ф. 343. Оп. 1. Д. 510. Л. 1–2; Д. 566. Л. 5–6)².

Source: compiled by the author based on (GAIO. F. 24. Op. 9. D. 142. L. 36; D. 161. L. 23; D. 311. L. 12–133; F. 25. Op. 2. D. 120. L. 56–57; ON RS(YA). F. 343. Op. 1. D. 510. L. 1–2; D. 566. L. 5–6).

В первой половине XVIII – середине XIX вв. якутские казаки занимали значительное место в сословной структуре населения северо-восточных городов. Однако со временем их количество по мере выделения в самостоятельные административно-территориальные образования территории Охотско-Камчатского края стало сокращаться. П.П. Петров приводит данные о том, что городское население Якутской области с 1862 по 1911 гг. возросло почти в два раза. Однако удельный вес в нём казачьего населения края сократился с 22% в 1862 г. до 13,2% в 1911 г. [15, с. 11–12]. В 1857 г. казачье население Якутской области составляло 1203 душ мужского пола, 1171 женского пола, всего – 2374 чел., а в 1906 г. оно сократилось на 953 чел. и насчитывало 1421 чел. обоего пола (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 50. Л. 461; НА РС(Я). Ф. 343. Оп. 1. Д. 36. Л. 2–3; Д. 69. Л. 3–4; Д. 566. Л. 5–6)³.

Результаты реконструкции временных рядов значений пяти переменных, описывающих численность казаков Якутского городского пешего казачьего полка (далее – ЯГПКП) во второй половине XIX – начале XX вв. без учёта Гижигинской и Охотской команд, которые выделались в самостоятельные формирования, синхронизированы в таблице 1. Сведения для неё собраны на основе отчётов атаманов полка, направляемых Якутскому областному начальнику, которые в свою очередь основывались на данных, представляемых управляющими казачьими сотнями, расположенными в городах [23, с. 28].

Основное производство хлеба в округе приходилось на крестьянские хозяйства. Ввиду позднего отвода земли станки Олёкминского округа первые наделы получили в 1804–1817 гг., Якутского округа – в 1817 г. Первые опыты возделывания в этих округах в 1804 – 1805 гг. не задалась [19, с. 155], однако затем казакам удалось приспособиться к местным условиям и получать урожаи зерновых.

Устав о сибирских городских казаках 1822 г. стал основным законодательным документом, упорядочившим в дальнейшем казачье землепользование. Уставом был установлен размер земельного надела на одного служилого

² ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

³ РГИА – Российский государственный исторический архив.

Табл. 2. Обеспеченность земельными наделами казаков ЯГПКП по командам в 1858 г., десятины
 Table 2. Provision of land allotments to the Cossacks of the YaGPKP by teams in 1858, dessiatines

Название команд	Пашня		Покосы		Под лесом		Неудобной		Всего	
	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
Якутская	102	1399	3056	703	306	1588	1085	509	4550	1799
Олёкминская	81	1949	234	1827	117	1126	53	1471	486	1573
Виллюйская	–	–	14	88	46	618	30	1535	90	2241
Верхоянская	–	–	225	943	244	854	575	2264	1045	1661
Колымская	–	–	498	2272	70	2328	276	743	846	543
Итого	184	948	4029	1033	785	1714	2021	1722	7020	617

Источник: составлено автором на основе [23, с. 168].

Source: compiled by the author based on [23, p. 168].

казака: "Вблизи мест, назначенных для постоянного жительства казачьих полков и отдельных от них команд, отвести оным из пустопорожих, а где невозможно, из оброчных казенных земель для хлебопашества и скотоводства, по 15 десятины на человека" [16, с. 539–540].

Основные правила распределения казакам земельных угодий сводились к следующему: 1) земли, издавна отведённые казакам вместо выдачи провианта натурой, оставались при них в размере 15 десятины; 2) участки, расчищенные многолетним трудом самих казаков, оставались в их пользовании, даже если они превышали норму в 15 десятины; 3) в тех местах, где было недостаточно удобной для хлебопашества и скотоводства земли, казакам отводились места для рыбной и звериной ловли; 4) участки, ранее пожалованные детям боярским и сибирским дворянам, сохранялись за ними сверх нормы в 15 десятины; 5) казаки имели право продавать отведённые им земли; 6) в местах постоянного квартирования и на отведённых землях казаки имели право возводить дома и хозяйственные постройки.

Наделы казакам выделялись из "пустопорожных", а где было возможно и из оброчных казённых земель, которых в первой четверти XIX в. в области на всех желающих заниматься земледелием не хватало. Это приводило к трениям с местными жителями, так как наделение казаков землей проводилось, в том числе и за счёт наделов неясачного населения.

В первой половине XIX в. из значившихся в реестре в Якутской области 1960 дес. 993 саж. пахотной земли в пользовании казаков находилось 102 дес. 1399 саж., что составляло 5,2% общего количества "мягкой пашни". В то же время на долю русских крестьян приходилось 15,2% плодородной земли, якутов – 77,6% [13]. Определённых казачьим хозяйствам земельных участков было недостаточно, к тому же они были неравномерно распределены.

Размеры казачьего землепользования в 1858 г. показывают, что всего якутские казаки имели в пользовании 7020 дес. 617 саж., из которых 2021 дес. 1722 саж. были непригодными для занятия сельскохозяйственным трудом. Результаты реконструкции обеспеченности земельными наделами якутских казачьих команд в значении пяти переменных синхронизированы в таблице 2. Наибольшие площади казачьих земель занимали покосы – 4029 дес. 1033 саж., большая часть которых приходилась на Якутскую команду – 3056 дес. 703 саж. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 257. Л. 1–25; НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 201. Л. 56; Оп. 2. Д. 120. Л. 6; Ф. 343. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–86.).

При оценке размеров посева и урожая в казачьих хозяйствах следует учитывать то обстоятельство, что определить их точно не всегда удастся, так как, судя по архивным источникам, собранным автором, данные о них собирались по казачьим командам полка опросным путём у самих землепользо-

вателей, а те, в свою очередь, были заинтересованы в занижении настоящих размеров участков и полученного урожая [23, с. 53–64].

Следующим рубежом в развитии земледелия на р. Лене стали 40-е годы XIX в.: тогда хлебопашество освоили не только в обжитых крестьянских деревнях, но и в возникших хозяйствах на приленских станках Якутского и Олёкминского округов. Посевы в расчёте на собственное потребление казаки стали производить ежегодно. Зажиточные сословия – кушцы, чиновники получали урожаи зерновых в тысячи пудов.

Основной формой пашенного земледелия в казачьих хозяйствах являлось двуполье, сочетаемое в некоторых местах с перелогом как наиболее пригодным способом сельскохозяйственной обработки земли, вызванным экономическими соображениями, почвенно-климатическими, сложными погодными условиями.

В конце XIX – начале XX вв. посев зерновых культур у городских казаков превышал размеры посева остальных городских сословий Якутской области. Так, в 1905 г. горожане Якутска выселили 124 пуд. ржи, 576 пуд. ярицы, 146 пуд. пшеницы, 104 пуд. овса, 148 пуд. ячменя, всего 1098 пуд. Снято соответственно 1280, 3096, 517, 464 и 4616 пуд., всего 9973 пуд. (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 57. Л. 64–332; Оп. 2. Д. 29. Л. 16; Ф. 343. Оп. 1. Д. 14. Л. 14). В том же 1905 г. посев у казаков составил 30 пуд. ржи, 766 пуд. ярицы, 1655 пуд. пшеницы, 319 пуд. овса и 3407 пуд. ячменя – всего 13177 пуд., получено было всего 33913 пуд. [23, с. 169].

Всего во второй половине XIX в. Якутской команде было отведено удобной и неудобной земли 4550 дес. 1799 саж. на 230 служащих казаков муж. пола; Олёкминской – 486 дес. 1573 саж. на 29 душ муж. пола; Вилюйской – 90 дес. 2241 саж. на 22 души муж. пола; Верхоянской – 1045 дес. 1661 саж. на 30 душ муж. пола; Колымской – 846 дес. 543 саж. на 41 душу муж. пола [23, с. 54]. Выделенные казакам земли составляли около 1/3 от всей земли неясачного населения области, на которое приходилось 30 тыс. дес. земли [23, с. 55]. При этом следует учитывать, что увеличение казачьего землепользования происходит лишь за счёт расширения размеров сенокосных угодий. Этих земель в пользовании вилюйских казаков в 1870 г. насчитывалось уже 573 дес. 1329 саж.; у Олёкминской команды в 1894 г. было 408 дес. 90 саж. (НА РС(Я). Ф. 435. Оп. 1. Д. 21. Л. 3; Ф. 343. Оп. 1. Д. 167. Л. 117). Прирост сенокосных угодий происходит и за счёт получившей распространение у казаков аренды казенно-оброчных статей (ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 1279. Л. 2).

В конце XIX в. ЯПГКП владел усадебной, пахотной, сенокосной, выгонной и пастбищной землей в количестве 9678 дес. 783 саж. На две команды, расположенные в г. Якутске (373 душ. м. п.), из этого числа приходилось 4524 дес. 1982 саж. удобных земель. Если следовать расчётам атамана полка, то командам в г. Якутске не хватало 1070 дес. 418 саж., положенным казакам согласно определенному Уставом 1822 г. 15-десятичному наделу на служилого казака (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 617. Л. 64). В других казачьих командах области обеспеченность наделами также оставляла желать лучшего. Так, например, в 1885 г. в Вилюйской казачьей команде, состоявшей из 39 хозяйств, ни одно не имело положенного 15-десятичного надела; средний душевой надел здесь составлял 8,6 дес. земли (НА РС(Я). Ф. 23. Оп. 1. Д. 1133. Л. 24–53).

Для того, чтобы прокормить себя, казаки издавна вынуждены были заниматься земледелием, скотоводством, огородничеством и различными промыслами. Ввиду сложных климатических условий земледелие развивалось преимущественно в Олёкминском и Якутском кругах (рискованного земледелия) и частично по среднему течению Вилюя.

Со второй половины XIX в. учащаются просьбы рядовых казаков о выделении им пахотных земель. В 1864 г. казак Якутской команды С. Алексеев, "чувствуя в этом крайнюю необходимость", так аргументировал в прошении губернатору области свою просьбу: "Мы специально ни к чему несвычны кроме хлебопашества. Оно нам свойственно со всей нашей жизнью. Это ремесло знакомо нам чуть ли не с колыбели" (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 300. Л. 3, 46).

Увеличение числа занимающихся земледелием не замедлило сказаться на величине посева в казачьих хозяйствах. Если в 1863 г. всего в ЯПГКП было посеяно 194 пуд. 40 фун. зерна и 10 пуд. 25 фун. картофеля, то в 1864 г. – со-

ответственно 227 пуд. 70 фун. и 9 пуд. 37 фун., при этом получено урожая: 533 пуд. 20 фун. хлеба и 14 пуд. 20 фун. картофеля (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 2. Д. 29. Л. 10, 236).

В конце XIX в. в казачьих хозяйствах наблюдается рост хлебопашества. Только одни олёкминские казаки засевали в тот период зерна столько, сколько это делали раньше все команды полка, занимавшиеся земледелием. В 1886 г. казаками Олёкминской команды было посеяно 206 пуд. зерна, 99 пуд. картофеля и 49 гряд разных огородных культур; снято урожая – 6637 пуд. зерна: пшеницы – 996 пуд., ярицы – 4550 пуд., ячменя – 880 пуд., овса – 211 пуд.; картофеля – 250 пуд. (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 2. Д. 120. Л. 5).

Занятие огородничеством являлось серьёзным подспорьем для экономики казачьих хозяйств. Якутские служилые люди и казаки выращивали овощи, начиная со второй половины XVII в., однако массово стали заниматься этим во второй половине XIX в., когда огороды стали обязательной принадлежностью каждого второго двора. Согласно однодневной переписи Якутской области 1885 г., огороды имелись у 48,1% казачьих домохозяев Олёкминской команды, далее на Север – у верхоянских казаков их было меньше – 23% (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 344. Л. 341, 462–531). В 1890 г. казаки центральных команд снимали с огородных участков довольно хорошие урожаи картофеля, капусты, огурцов, лука, моркови, свеклы, репы, разводили коноплю (НА РС(Я). Ф. 404. Оп. 1. Д. 464. Л. 1). Весьма остро стоял вопрос снабжения казачьих хозяйств семенами для посева огородных культур, из-за отсутствия которых, например, в самом отдалённом от центра области Колымском округе прекратились опыты возделывания овощей, начатые было в конце XIX в.

В 1905 г. Якутская казачья команда собрала урожай хлеба в 33913 пуд., картофеля – 9780 пуд.; Олёкминская команда получила зерна 316 пуд. и картофеля – 600 пуд.; Виллойская команда – 120 пуд. зерна и 34 пуд. картофеля (НА РС(Я). Ф. 343. Оп. 1. Д. 566. Л. 3–4). Всего же всеми командами ЯГПКП было собрано зерна 37549 пуд., картофеля – 10414 пуд. (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 57. Л. 64–332; Д. 374. Л. 5–7; Оп. 2. Д. 29. Л. 16–32; Ф. 343. Оп. 1. Д. 14. Л. 14; Оп. 1. Д. 341а. Л. 96–97; Д. 566. Л. 3–4; Ф. 23. Оп. 1. Д. 163. Л. 123–124).

Казачьи хозяйства области преимущественно засевали свои наделы ячменем, ярицей, пшеницей и овсом. Осимую рожь сеяли ежегодно, но в небольших количествах. Выращивали лён, кукурузу и табак, однако подобные опыты возделывания таких культур из-за короткого лета зачастую заканчивались неудачей.

До конца 70-х годов XIX в. казаки отводили под посевы пшеницы значительную площадь своих пахотных земель. В 1879 г. казаки, состоящие на службе в городах Якутске и Олёкминске, отдавали под пшеницу 820 дес. земли, под овес – 54 дес., под рожь – 14 дес., под прочий яровой хлеб – 1060 дес. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 353. Л. 68–71). В дальнейшем основными сельскохозяйственными культурами у якутских казаков ввиду их относительной рентабельности по сравнению с другими становятся рожь и картофель. Если в 1898 г. казаки засевали рожью 59,5 дес. земли, то к 1917 г. площадь посева этой культуры увеличилась почти в два раза и составила 100,7 дес.

Результаты реконструкции временных рядов значений пяти переменных, демонстрирующих размеры посевной площади сословий Якутской области по отдельным культурам в 1917 г., синхронизированы в таблице 3. В 1917 г. на 100 дес. посева яровая рожь у казачьих хозяйств занимала 86,91%, картофель – 1,52% площадей. Служилое население области занимало под рожь больше земли, чем другие сословия (у крестьян – 51,48%, скопцов – 65,37%), при этом меньшее значение придавалось посеву ячменя – 2,84% и пшеницы – 7,51% [21, с. 37].

Согласно статистическим данным переписи Якутской области, осуществлённой в 1917 г., в пользовании казаков Якутской, Олёкминской и Виллойской команд, т.е. в наиболее благоприятных для земледелия округах, находилось 9016 дес. 1779 саж. удобных и неудобных земель, что составляло 1,22% всех имеющихся в области площадей, определенных для сельскохозяйственных работ (НА РС(Я). Ф. 54. Оп. 1. Д. 264. Л. 9). Наибольшими размерами удобной для возделывания культур земли – 1097 дес. пользовались олёкминские казаки, находившиеся "в числе крупных держателей земли данного

Табл. 3. Размеры посевной площади сословий Якутской области по отдельным культурам в 1917 г. из расчёта на 100 десятин посева, %

Table 3. The size of the sown area of the estates of the Yakut region for individual crops in 1917 based on 100 dessiatines of sowing, %

Группы населения	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
Крестьяне-старожилы	13,10	15,48	22,93	9,87	2,40
Скопцы	18,40	65,37	10,03	4,11	1,98
Якуты кочевые	2,65	20,37	75,50	0,68	0,72
Тунгусы кочевые	3,01	43,37	50,27	0,37	1,46
Якуты оседлые	5,20	23,55	45,23	25,80	0,19
Казачи	7,51	86,91	2,84	1,22	1,52
Прочие	15,52	28,99	46,12	6,31	2,80

Источник: [21, с. 37].

Source: [21, p. 37].

округа". В целом же, в 1917 г. размеры казачьих земель, находившихся в их пользовании, сократились на 663 дес. [23, с. 170–171].

В итоговой публикации по результатам сельскохозяйственной переписи Якутской области 1917 г. её организатором М.П. Соколовым был сделан, на наш взгляд, неверный вывод о том, что количество занятой казаками земли под посевы "рисуют у них развитие крупного промышленного земледелия", что по мнению исследователя "говорит о помещичьем типе хозяйства" [21, с. 36].

На самом же деле перепись проводилась на территории всего трёх округов области – Якутском, Олёкминском и Вилюйском, организаторы были стеснены в средствах, переписчиков для детального ознакомления с условиями жизни населения края не хватало, к тому же в материалах подворной переписи было учтено только 21 казачье хозяйство, относящиеся к "казакам-заимочникам" Якутской команды, составлявших наиболее зажиточные в хозяйственном отношении двory. Эти данные, автоматически экстраполируемые для демонстрации размеров казачьего землепользования в подвергшихся переписи округах, и привели автора к ошибочным выводам.

Зажиточные казаки из числа полковых начальников "насилением, хитростью или тайком" присваивали значительную часть отведённой полку войсковой земли. В 1852 г. атаман Якутского полка И. Бродников, "стеснив водворившихся казаков с наделов, занял отведенные им с давних лет места" (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 57. Л. 115).

Офицерско-чиновничье землепользование усугубляло тяжёлое экономическое положение рядового казачества. Усилению произвола офицерской верхушки, нарастанию социальной неоднородности среди населения Восточной Сибири способствовало введение в 1863 г. права частной поземельной собственности "за усердную службу служащим и отставным военным и гражданским чинам". Лицам, состоящим в обер-офицерских, высших гражданских чинах и должностях, разрешалось иметь до нескольких сотен десятин земли (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 205. Л. 1).

В конце 60-х годов XIX в. Государственный Совет принял ряд решений, регламентирующих казачье землепользование. "Положением о поземельном устройстве в казачьих войсках" от 21 апреля 1869 г. казачьим землям было положено следующее назначение: "а) на отвод станицам; б) на надел генералов, штаб и обер-офицеров и чиновников войскового сословия и в) на разные войсковые надобности" [17, с. 353–354]. Станичные (юртовые) земли – "казачья дача" образовывались путем отвода по 30 десятин на каждую душу мужского пола казачьего сословия, в том числе генералам, штаб и обер-офицерам и чи-

новникам; по 300 десятинам полагалось станицам, имевшим приходские церкви. Данное "Положение" распространялось на крупные казачьи поселения, в нем, в частности, регламентировался порядок землепользования Донского войска, калмыков, состоящих на казачьей службе.

В отношении казаков Восточной Сибири примечанием 2 к статье 7 указано: "В казачьих войсках Восточной Сибири земли, расчищенные трудами казаков от лесов или осушенные из-под болот, остаются в их владении, независимо от отведенного им надела" [17, с. 354].

Войсковая земля по установленным правилам должна была находиться в пользовании всего казачьего общества и служить улучшению его хозяйственного состояния, в том числе и за счёт сдачи земель в аренду с последующим получением дохода от взимаемого с арендаторов процента в полковую казну, урегулированию диспропорций в наделении большего числа казачьих семейств пахотными участками. На деле же рядовые казаки якутских команд были отстранены от участия в управлении войсковыми землями, а порой по выходу в отставку их и вовсе лишали наделов.

Таким образом, тенденция упорядочения казачьих земель в государстве на практике означала усиление офицерско-чиновничьего землепользования, в право полковой верхушки присваивать приглянувшиеся начальникам земли рядовых казаков, что можно характеризовать захватным правом владения наделами. Примеров вольного обращения атаманов и управляющих казачьи команди с общими землями было множество. Так, в 1885 г. атаман якутского полка, злоупотребляя властью, сначала "выпросил у казаков" 70 дес. земли, затем самовольно распахал еще 12 дес. и к тому же при посредничестве преданных ему офицерских чинов сдавал скопцам под посев 500 дес. полковой земли [24].

Попытки системного регулирования казачьего землепользования

Необходимость изменения правового режима казачьего землепользования диктовалось развитием капиталистических отношений в экономике Российской империи. Частично такие нововведения принимались правительством в отношении крупных казачьих формирований на Дону, Кубани, Терекке. Высочайше утверждённым 23 апреля 1870 г. "Положением об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классовых чиновников Донского, Кубанского, Терского казачьих войск" устанавливалось право частной, потомственной собственности на землю для офицеров и чиновников Донского казачьего войска, легализовалось право на закрепление за ними ранее самовольно захваченных войсковых участков земли. Тем самым часть войсковых земель Донского войска была обращена в частную собственность, другая (юртовые или общинные земли) – оставлена "как коллективному юридическому лицу" во владении казаков [18, с. 102].

Таких радикальных решений в отношении якутских казаков не принималось. Только в 1911 г. для Якутского казачьего полка были определены "Дополнения к правилам пользования хлебопахотными землями". Суть новых правил сводилась к следующему: 1) служащим и отставным казакам предоставлялось право пользоваться землями пожизненно; в случае смерти или перевода служилых в отдаленные команды их наделы поступали в распоряжение полка; 2) владельцы наделов имели право отдавать землю в аренду на срок не более, чем на два года, т.е. на один посев; 3) перемена места надела должна быть произведена лишь в случаях подмытия их водой или "по совершенной неурожайности", что нужно было доказать "многотлетними трудами" (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 621. Л. 16).

Несмотря на обширность территории Якутской области и низкую плотность населения, пригодных для занятия земледелием участков для растущих потребностей в обеспечении данным видом продовольствия, постоянно не хватало. В начале XX в. размеры посевных площадей в области составляли всего 33747 дес. [5, с. 74–75].

Нехватка пахотных земель, непропорциональное их распределение между сословиями, желающими заниматься сельскохозяйственным трудом, явились причинами освоения казаками и другими работниками малопродуктивных участков – осушения болотистых мест, расчистки площадей методом выкорчевывания, распашки возвышенных мест и др. Ведущая роль в столь

трудоёмких процессах по подготовке новых участков к использованию принадлежала якутскому населению и русским крестьянам. Так, в 1873 г. на долю якутских крестьян приходилось 414 дес. осушенных и 238 $\frac{1}{4}$ дес. расчищенных земель; силами русских крестьян было осушено из-под озёр для сенокосных угодий 9 дес., расчищено 152 дес. земли (ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 1376. Л. 2). В 1876 г. якутские казаки Г. Попов и Н. Мальшев осушили болотистые озера, площади которых входили в состав выданных полку казачьих земель, которые, однако, не приносили "никакой пользы казачеству", за что им были выданы свидетельства на сорокалетнее пользование обращенных в оборот земельных участков. В 1878 г. казаки "окультуривали возвышенные участки на острове Бюгюях близ Якутска" (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 230. Л. 123; Д. 262. Л. 16, 20).

Земледелием занимались преимущественно семейные казаки, имевшие дополнительные рабочие руки, способные подменить служащих отцов семейства во время их командировок по служебным надобностям, которые из-за больших расстояний между улусами могли продолжаться по несколько месяцев. Бессемейные казаки полагались на положенное им по принадлежности к сословию хлебное жалование, другие же, "не имея достаточно времени из-за тяжелой службы" и частных командировок по сопровождению ссыльных и различных грузов, предпочитали сдавать свои наделы в аренду зажиточным казакам, имевшим наёмных работников или представителям других сословий. Постепенно зажиточные хозяева, казачьи начальники присваивали или выкупали у одиноких казаков их земельные участки [23, с. 60, 62].

Созданная Главным управлением Восточной Сибири 5 марта 1858 г. Временная межевая комиссия должна была "привести в известность земли, принадлежащие инородцам и наделить землями казаков" (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 1270. Л. 1–17). С поставленной задачей комиссия не справилась ввиду "больших трудностей, встретившихся в процессе измерения землемеров". Миссия образованной следом за ней областной комиссии по упорядочению землепользования у якутских казаков также окончилась неудачей, поскольку её деятельность была фактически парализована большим количеством земельных споров о принадлежности участков к различным собственникам. Спустя какое-то время комиссии удалось приступить к межеванию казачьих земель, однако этим воспользовались высшие чины полка, входившие в её состав и решавшие поземельные споры в свою пользу, что вызвало справедливое негодование со стороны рядовых казаков (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 2. Д. 70. Л. 21).

Проведению землеустроительных работ осложняла неравномерность распределения плодородных земель, большую часть которых захватила полковая и чиновничья верхушка казачества, вследствие чего повсеместно возникли юридические споры о передаче в пользование таких наделов.

Основная масса рядового состава полка была наделена землями непригодными для хлебопашества и требовала пересмотра сложившегося положения. Так, в 1861 г. Вилюйской казачьей команде было отведено 420 дес. удобной для заведения пашни земли и 155 дес. 1329 саж. неудобной. При разделе общих земель каждому казаку досталось по 5–7 дес. удобной земли, но и при этом рядовым чинам были отведены участки состоявшие "под водой, лесами, уносимые водами Вилюя" (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 2. Д. 75. Л. 51).

Следующая попытка межевания казачьих земель была предпринята в 1876 г. Тогда "подробную съёмку земель, состоящих в пользовании казаков", осуществили на землях первой и второй сотни, располагавшихся в г. Якутске. Известно, что из 180 служилых казаков землю тогда имело только 38 домохозяев, к тому же из этого числа 22 надела были признаны непригодными для хлебопашества, так как относились к солончаковым почвам. Однако по документам, подписанным атаманом полка, на одного служилого казака г. Якутска приходилось по 5 дес. 827 саж. пахотной земли, 6 дес. 758 саж. – выгонной, 7 дес. 1787 саж. покосной и 3 дес. 1356 саж. – лесной (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 230. Л. 2–9).

Результатом межевания казачьих земель, осуществленных в 1876–1879 гг., стало не только "приведение в известность" общих казачьих наделов, но и определение "доли уравниения" в наделах, относящихся к удобной для пашни участков, которая составила по 8 дес. 1906 саж. (ГАИО. Ф. 41. Оп. 1.

Д. 51. Л. 5). Тем не менее, справедливого межевания плодородных земель с учётом нижних казачьих чинов проведено не было.

Выводы

Приведённые данные о размерах казачьего землепользования в области свидетельствуют о том, что наиболее плодородными войсковыми землями Якутского казачьего полка пользовались казачьи атаманы и начальники, на долю беднейшей части рядовых казаков приходилась незначительное количество удобных для обработки наделов.

В отсутствии продуманной политики стимулирования занятий сельскохозяйственным трудом со стороны администрации области, которая могла бы способствовать сокращению зависимости казачьего населения от привозного хлебного жалования из сибирских городов, местные казаки не могли содержать свои наделы в должном состоянии и обрабатывать их согласно агротехническим требованиям. По примеру переселённых в северные округа скопцов, а также учитывая сложность с ведением сельхозработ в зоне рискованного земледелия, казачьи хозяйства области также можно было бы снабдить денежными ссудами на приобретение необходимых запасов семян и орудий труда.

Предпринятые администрацией области во второй половине XIX в. попытки системного урегулирования казачьего землепользования не увенчались успехом. Причинами неудач следует считать наличие ряда взаимоисключающих факторов: с одной стороны, стремление властей сохранить казачество как сословие и особый вид иррегулярного войска с возложением на казаков полицейских функций, с другой стороны, введение частной собственности на землю противоречило незыблемости традиционной системы казачьего землепользования, включающей полковые земли общего пользования.

Литература

1. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. М.: Арт-Флекс, 2003. Т. 2. Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII – первой трети XIX в. 519 с.
2. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (XVII в. – 1917 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 438 с.
3. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. 259 с.
4. Воронина А. Я. К вопросу о землеустройстве Забайкальского казачьего войска // Социально-экономическое развитие Сибири XIX–XX вв. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1976. С. 46–55.
5. Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. (Социально-экономический очерк). Новосибирск: Наука, 1970. 234 с.
6. Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1966. 423 с.
7. Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX вв. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. 226 с.
8. Итоги земельной переписи в Якутии. М.: Издание Статистического Управления ЯССР, 1924. 25 с.
9. Казачье население Якутской области. Статистико-экономический очерк. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1909. 104 с.
10. Маныкин-Невструев А. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки. М.: Университетская типография (М. Катков), 1883. 78 с.
11. Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского пешего казачьего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871 год. СПб.: Якутский обл. стат. комитет, 1871. С. 39–177.
12. Махниборода Т. В. Дальневосточное казачество в период с 1900 по 1917 г. (социально-экономическое положение): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 16 с.
13. Миницкий М. И. Описание Якутской области // Журнал Министерства Внутренних дел. СПб., 1830. Кн. VI. Ч. III. 206 с.
14. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 255 с.
15. Петров П. П. Города северо-востока Азии (1861–1917 гг.): автореф.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 18 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 38. [№ 28858–29724]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1354 с.

17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1869. Т. 64. [№ 46610-47357]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1873. 962 с.
18. Савченко М. С. Правовое регулирование земельных отношений Донского казачества (до-революционный период) // Общество и право. 2005. № 3(9). С. 99–103.
19. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.
20. Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983. 127 с.
21. Соколов М. П. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск: Якутское статистическое управление, 1925. Вып.1, 2. 265 с.
22. Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 208 с.
23. Чертков А. С. Якутское казачество во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Контакт РЛ, 1996. 184 с.
24. Улусник. Якутские казаки // Восточное обозрение. 1885. №14. С. 9-11.

References

1. Basharin G. P. History of agricultural relations in Yakutia. Moscow: Art-Fleks, 2003. Т. 2. The agrarian crisis and the agrarian movement at the end of the 18th - first third of the 19th century. 519 p. (In Russ.).
2. Basharin G. P. History of agricultural relations in Yakutia. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 438 p. (In Russ.).
3. Vorob'ev V. V. Formation of the population of Eastern Siberia. Novosibirsk: Science, 1975. 259 p. (In Russ.).
4. Voronina A.Ya. On the issue of land management of the Transbaikal Cossack army. Socio-economic development of Siberia in the 19th–20th centuries. Irkutsk: Irkutsk state ped. in-t, 1976. P. 46–55. (In Russ.).
5. Gogolev Z. V. Yakutia at the turn of the 19th – 20th centuries (Socio-economic essay). Novosibirsk: Science, 1970. 234 p. (In Russ.).
6. Ivanov V. N. Socio-economic relations among the Yakuts. XVII century. Yakutsk: Yakut. book to publish, 1966. 423 p. (In Russ.).
7. Ivonin A. R. Urban Cossacks of Western Siberia in the 18th – first quarter of the 19th centuries. Barnaul: Publishing house of the Altai State University, 1996. 226 p. (In Russ.).
8. Results of the land census in Yakutia. Moscow: Publication of the Statistical Office of the Yakut SSR, 1924. 25 p. (In Russ.).
9. Cossack population of the Yakut region. Statistical and economic essay. Sankt-Peterburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs, 1909. 104 p. (In Russ.).
10. Manykin-Nevstruev A. Conquerors of Eastern Siberia, Yakut Cossacks. Moscow: University Printing House (M. Katkov), 1883. 78 p. (In Russ.).
11. Matyunin M. About the conquest of the Yakut region by the Cossacks and the condition of the Yakut Cossack foot regiment. Memorial book of the Yakut region for 1871. Sankt-Peterburg: Yakut region stat. committee, 1877. P. 39–177. (In Russ.).
12. Makhniboroda T. V. Far Eastern Cossacks in the period from 1900 to 1917 (socio-economic situation): abstract of dissertation candidate of historical sciences. Moscow, 1978. 16 p. (In Russ.).
13. Minitskii M. I. Magazine of the Ministry of Internal Affairs. Saint Petersburg, 1830. Book VI. Part III. 206 p. (In Russ.).
14. Nikitin N. I. Service people in Western Siberia in the 17th century. Novosibirsk: Science, 1988. 255 p. (In Russ.).
15. Petrov P. P. Cities of northeast Asia (1861-1917): abstract of dissertation candidate of historical sciences. Novosibirsk, 1986. 18 p. (In Russ.).
16. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. 1649-1825. Vol. 38. [No. 28858-29724]. St. Petersburg: Type. 2nd Department of the Proper. His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 1354 p. (In Russ.).
17. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. 1869. Vol. 64. [No. 46610-47357]. St. Petersburg: Type. 2nd Department of the Proper. His Imperial Majesty's Chancellery, 1873. 962 p. (In Russ.).
18. Savchenko M. S. Legal regulation of land relations of the Don Cossacks (pre-revolutionary period). Society and Law. 2005. № 3(9). P. 99–103. (In Russ.).
19. Safronov F. G. Russians in North-East Asia in the 17th – mid-19th centuries. Moscow: Science, 1978, 258 p. (In Russ.).
20. Sergeev O. I. Cossacks in the Russian Far East in the 17th–19th centuries. Moscow: Science, 1983. 127 p. (In Russ.).
21. Sokolov M. P. Yakutia according to the 1917 census. Irkutsk: Yakut Statistical Office, 1925. Vol. 1, 2. 265 p. (In Russ.).

22. Fedorov M. M. Legal status of the peoples of Eastern Siberia (17th –early 19th centuries). Yakutsk: Yakut. book to publish, 1978. 208 p. (In Russ.).
23. Chertkov A. Yakut Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries. M.: Kontrakt RL, 1996. 184 p. (In Russ.).
24. Ulusnik. Yakut Cossacks. // Eastern Outlook. 1885. №14. P. 9–11. (In Russ.).

Информация об авторе

Алексей Сергеевич Чертков, канд. ист. наук, доцент Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия, e-mail: alexchertkov@list.ru

Information about the author

Alexei S. Chertkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia, e-mail: alexchertkov@list.ru

Поступила в редакцию 12.08.2024

Received 12.08.2024

Одобрена после рецензирования 18.11.2024

Approved 18.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Accepted 27.11.2024

"Царский" кинематограф – репрезентация власти и "семейные хроники"

Василий Леонидович Кузьмин
независимый исследователь, Владивосток, Россия, kvl-14@yandex.ru
Александра Геннадьевна Филипова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, alexandra.filipova77@gmail.com

Аннотация. Статья рассматривает кинематограф как средство репрезентации российской монархии. Авторы уделяют внимания двум сторонам взаимоотношения Николая II с кинематографом: съёмкам монарха, составившим значительную часть отечественного документального кино, и киносеансам, устраиваемым для него. Рассматривается история возникновения "царской хроники", её тематика, личности операторов и место, которое она занимала в жизни царского двора и российском кинопрокате. Авторы освещают роль кинопросмотров в царской семье, отношение Николая II к кинематографу как зрителя и как государственного деятеля.

Ключевые слова: кинематограф, Николай II, Петергоф, репрезентация, "царская хроника"

Для цитирования: Кузьмин В. Л., Филипова А. Г. "Царский" кинематограф – репрезентация власти и "семейные хроники" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 82–87. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/82-87>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/82-87>

"Tsar's" Cinema – Representation of Authority and "Home Video"

Vasilii L. Kuz'min
Independent Researcher, Vladivostok, Russia, kvl-14@yandex.ru
Alexandra G. Filipova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, alexandra.filipova77@gmail.com

Abstract. The article examines cinema as a means of representing the Russian monarchy. The authors pay attention to two sides of the relationship between Nicholas II and cinema: the filming of the monarch, which made up a significant part of Russian documentary cinema, and the film shows organized for him. The history of the emergence of the "royal chronicle", its themes, the personalities of the operators and the place it occupied in the life of the royal court and Russian film distribution are examined. The authors highlight the role of film screenings in the royal family, the attitude of Nicholas II to cinema as a viewer and as a statesman.

Key words: cinema, Nicholas II, Peterhof, representation, "royal chronicle"

For citation: Kuz'min V. L., Filipova A. G. "Tsar's" Cinema – Representation of Authority and "Home Video" // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 82–87. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/82-87>

Целью работы является изучение возможностей так называемого "царского" кинематографа как средства репрезентации российской монархии. Для этого авторы поставили своими задачами проанализировать роль кинематографа в семье последнего российского монарха Николая II (как часто проходили просмотры, репертуар фильмов, собственные съёмки), отношение самого царя к новому виду искусства как зрителя и государственного деятеля, а также как объекта съёмочного процесса. В связи с этим основным источником служили дневники Николая II, его переписка с Александрой Фёдоровной, а также публикации в прессе, воспоминания современников и материалы архивов [6–10; 14; 15]. История "царского" кинематографа затрагивалась в ряде фундаментальных работ по истории дореволюционного кинематографа [4; 5], а роль кинематографа в быте царской семьи незначительно освещалась в научно-популярных трудах об образе жизни российской императорской фамилии [11]. И лишь отдельные работы затрагивали вопросы репрезентации образа царя в российском документальном кинематографе [12]. Авторы статьи предприняли попытку более комплексно проанализировать роль кинематографа в судьбе последнего российского монарха, в том числе определить причины, по которым он не стал средством укрепления престижа царской власти.

Одной из самых значимых технических новинок, появившихся в конце XIX в., стал кинематограф. После первого публичного кинопоказа, устроенного братьями Люмьер 28 декабря 1895 г. в "Индийском салоне" "Гранд кафе" на бульваре Капуцинок, он моментально облетел весь мир. Скорости распространения нового изобретения, которому суждено было стать новой формой искусства, способствовала его "немота" – почти все первые фильмы не сопро-

вождались титрами, а в более поздних и продолжительных лентах они были немногочисленны. В силу этого не удивительно, что и в России знакомство с кинематографом началось спустя год после его официального рождения.

Первый публичный сеанс в России состоялся 4 мая 1896 г. в Санкт-Петербурге на открытии летнего сезона в увеселительном заведении "Аквариум" [5, с. 12–13]. В этот же день директор Синематографа Люмьеров обратился в Министерство императорского двора с прошением о разрешении заснять на плёнку коронационные торжества по случаю восшествия на престол императора Николая II. Прощение было удовлетворено, и 14 мая 1896 г. французский кинооператор Камилл Серф, присланный братьями Люмьерами из Парижа, осуществил первую хроникальную съёмку в России, сняв коронацию Николая II. Позитивная копия съёмки была преподнесена в дар царю, что положило начало т. н. "царской хроники".

Сюжеты "царской хроники" снимались с 1896 по 1917 гг. различными кинооператорами без расчёта на массовый прокат. Лишь с 1908 г., когда кинотеатры достаточно распространились в России, правительство Николая II решило использовать отдельные сюжеты для демонстрации на киносеансах. Первыми операторами "царской хроники" были иностранцы. Так, уже через год после съёмок Камилла Серфа, Люмьер направил в Россию другого своего оператора – Александра Промю, который также участвовал в съёмке коронационных торжеств, а теперь снимал приём французского президента Феликса Фора Николаем II. Кроме Промю, в этих съёмках участвовал поляк Болеслав Матушевский, который благодаря нескольким удачно сделанным фотографиям императора, удостоился должности придворного фотографа и стал первым придворным кинооператором [4, с. 25]. В 1897–1898 гг. он осуществил 16 киносъёмок царской семьи, в том числе произвёл первые съёмки в Крыму, засняв императорское семейство на отдыхе в Ливадии [1, с. 8].

После отбытия Б.А. Матушевского в Париж, обязанности придворного кинооператора стал исполнять другой выходец из Польши – Александр Карлович Ягельский, ставший в 1899 г. поставщиком Двора Его Величества [1, с. 8]. А.К. Ягельский родился в Варшаве, в 1888 г. начал работать в фотоателье брата Игнатия (Игнасия) в Москве. Но в конторе братьев были обнаружены "снимки мятежа", за что им запретили проживать в Москве. Ягельские были вынуждены покинуть столицу и уехали в Петербург, где Игнатий открыл новое ателье, а Александр устроился в фирму "К.Е. фон Ган и Ко" в Царском Селе. Фирмой с 1887 г. владела жена помощника старшего инженера-механика Казимира-Людвига Евгения Якобсон, урожденная Ган. К этому времени она в Канцелярии Императорской Академии художеств получила исключительное право собственности на исполненное в её фотографии фотографического изображение Николая II. В 1891 г. А.К. Ягельский становится совладельцем этого ателье. В августе 1897 г. вместо Якобсон совладелицей А.К. Ягельского стала вдова титулярного советника Ванда И. Заельская. Ими было получено свидетельство на исключительные права на свои фотографии с изображениями императора и его семьи. В 1911 г. А.К. Ягельскому высочайшим указом ему было присвоено звание "Фотограф Двора Его Величества" [2; 11, с. 267–268].

В 1900 г. А.К. Ягельский приобрёл самое современное на тот момент кинооборудование, включавшее киносъёмочный аппарат, проявочную машину с сушильными барабанами и простейшую копировальную машину, после чего стал проводить монопольную съёмку царской семьи и различных событий царского двора. Отснятого материала оказалось настолько много, что уже в 1902 г. А.К. Ягельский поставил перед Министерством императорского двора вопрос о создании при нём музея "Историко-Кинематографического" с коллекцией всех отснятых им кинолент. Однако вопрос решён не был, хотя Александр Карлович поднимал его и позже в 1908 и в 1911 гг., поэтому фильмоархив, включавший почти 10-часовую коллекцию царских кинохроник, хранился в фирме "К.Е. фон Ган и Ко" [1, с. 8; 2].

Вплоть до 1907 г. вся "царская кинохроника" сосредотачивалась в руках А.К. Ягельского, но в 1907 г. в России зарождается система кинопроката (возникают конторы, занимающиеся организацией продажи фильмов – прокатом), а с 1908 г. активно расширяется отечественная киносеть. В условиях растущей популярности кинематографа, в 1907 г. с разрешения Министерства

двора "К.Е. фон Ган и Ко" начала передавать отдельные сюжеты "царской хроники" прокатчикам для демонстрации, оставаясь вплоть до Февральской революции 1917 г. их главным, но уже не единственным поставщиком на русский кинорынок. В этот период разрешение на съёмки царя получили и другие кинематографисты: А.О. Дранков, В.К. Булла, А.А. Ханжонков. Часть из них, как и А.К. Ягельский, пришли в эту сферу также из фотографии и имели звание "поставщиков двора".

Сохранившиеся кинодокументы "царской хроники" в фондах РГАКФД составляют 39 тыс. метров. Это 363 сюжета, отражающие разные стороны жизни и деятельности царского двора. 98 из них посвящено общественной деятельности царской семьи – участию в открытии парадов, памятников, религиозных шествиях и праздниках. Часть сюжетов освещает "военную" сферу жизни семьи Романовых – участие в военных парадах, смотрах полков, флота и военно-учебных заведений в мирное время, присутствие на манёврах, а 17 короткометражных фильмов было связано непосредственно с Первой мировой войной (всего сохранилось 49 кинодокументов, посвящённых Первой мировой войне). Ряд сюжетов (35) был посвящён прибытию глав иностранных государств в Россию, другие, напротив, освещали визиты Николая II за рубеж, а 24 кинодокумента освещают поездки императора по России [13, с. 148–150].

Часть сюжетов "царской хроники" снималась в резиденциях императорской фамилии – Царском Селе, Гатчине и Петергофе. В частности, в каталоге документальных фильмов Вишневого упоминается 16 лент, снятых в Петергофе – главной летней резиденции Николая II. В основном, это были картины, отражавшие "военную сферу" деятельности царской семьи: присутствие императора на манёврах гвардейских полков, смотрах главной гимнастическо-фехтовальной школы и автомобильной роты, при выполнении гимнастических упражнений офицерами кавалерийской школы и джигитовке казаков лейб-гвардии Эриванского полка [3, с. 15–16, 100, 131, 132, 147, 170]. Из общественных мероприятий было запечатлено на плёнку высочайшее присутствие при освящении храма в Новом Петергофе [3, с. 29]. Не осталось в стороне и прибытие в Петергоф глав иностранных государств: в 1909 г. А.К. Ягельский снял "Пребывание датской королевской семьи в Петергофе и Красном Селе" [3, с. 27]. Им же были сняты почти все вышеназванные мероприятия в Петергофе в высочайшем присутствии (исключение – "Высочайший смотр главной гимнастическо-фехтовальной школы в Новом Петергофе", которое снимал оператор А.О. Дранкова Н.Ф. Козловский). Кинематограф Петергофа не ограничивался одними только хроникальными фильмами. Будучи одним из красивейших мест России, эта императорская резиденция была и объектом видовых съёмок. В каталоге В.Е. Вишневого названы пять видовых лент, снятых в Петергофе (из них две – А.О. Дранкова, две – В.К. Буллы) [3, с. 52, 112, 123, 203–204].

Кроме официальной хроники, "царский" кинематограф включал ленты из частной жизни российского монарха и его семьи. Эти фильмы (сохранилось 22 кинодокумента) не были предназначены для показа в кинотеатрах: их смотрел сам Николай II в семейном кругу и ближайшем окружении. Снимал и демонстрировал их монарху всё тот же А.К. Ягельский. Просмотры кинематографа, как и участие в съёмках, достаточно быстро стали частью повседневной жизни царского двора.

Первое знакомство с кинематографом Николая II в качестве зрителя состоялось в Петергофе. На благотворительном концерте, состоявшемся 7 июля 1896 г. в Новом Петергофе в здании придворного театра, императорская чета впервые посмотрела "движущиеся фотографии". Это были кадры коронационных торжеств, снятых в Москве [6, с. 298]. В ряде работ утверждается, что киносеанс 7 июля 1896 г. состоялся в Большом петергофском дворце [11, с. 273]. Однако, дневник Николая II, камер-фурьерский журнал и пресса свидетельствуют, что данный просмотр проходил в здании летнего императорского театра в Новом Петергофе [6, с. 287–288, 298; 7, т. 1, с. 284]. Позднее, 13 июля в Петровском зале Большого петергофского дворца состоялся второй кинопросмотр в высочайшем присутствии, организованный Камиллом Серфом [6, с. 289].

В монографии Гращенкова И.И. и Фомина В.И. "История российской кинематографии (1896–1940 гг.)" утверждается, что "с 1897 по 1916 гг. в высо-

чайшем присутствии прошло 92 сеанса" [5, с. 67–68]. По подсчётам авторов, всего с 1896 по февраль 1917 гг. Николай II смотрел кинематограф 126 раз (в дневниках Николая II кинематограф упоминается 128 раз, из них дважды император пишет, что его снимали кинематографом, все остальные записи касаются кинопросмотров) [7–9]. Постепенно в императорских резиденциях оборудуются специальные помещения для просмотров фильмов. В Царском Селе под кинематограф была оснащена комната Александровского дворца, предназначенная для уроков музыки, а также выделено отдельное помещение в подвале дворца под специальный трансформатор. Кроме этого, царская семья смотрела кинематограф в Гатчине, а также в Ливадии, где в 1910–1911 гг. под руководством молодого архитектора царского имени Г.П. Гущина был сооружён театр с просторным зрительным залом со сценой, одновременно выполнявший функции кинотеатра. Часто кинопросмотры устраивались на императорской яхте "Штандарт" [11, с. 274–275].

Множество императорских киносеансов было проведено А.К. Ягельским, которого Николай II в своих дневниках называл просто Ганом. Он обеспечивал царские сеансы как технически, так и подбирая картины для просмотров. Демонстрировались документальные ленты, из которых значительную часть составляли фильмы из жизни царской семьи, снятые самим А.К. Ягельским. Как отмечалось выше, многие из этих лент были зарисовками из частной жизни семьи Николая II, которые не покидали пределов двора. Лишь небольшая часть картин, связанных с официальными мероприятиями, поступала в широкий прокат.

Кроме съёмок, в которых участвовали сами члены императорской фамилии, семья Николая II смотрела и другие документальные ленты, а также игровые картины. Начальник Канцелярии министра Императорского двора генерал А.А. Мосолов, определявший с 1911 г. репертуар кинопросмотров, писал, что программой определяла императрица Александра Фёдоровна. Вначале смотрели хронику, затем ленты, снятые А.К. Ягельским, после чего шёл научный или видовой фильм, а в конце – комедия для детей [11, с. 278].

Николай II и его близкие любили кино. Просмотр фильмов стал одним из любимых семейных занятий. Некоторые члены царской семьи освоили киноаппарат и успешно им пользовались. Одним из первых, кто научился пользоваться кинематографом, был великий князь Михаил Александрович. Николай II в своём дневнике 24 декабря 1897 г. писал о состоявшемся в Гатчине кинопросмотре: "Миша действовал своим новым кинематографом очень удачно" [7, с. 381]. Другим членом императорской фамилии, освоившим кинематограф, был цесаревич Алексей. В 1916 г. представителями французской фирмы "Братья Пате" ему был преподнесён в дар кинематографический аппарат "Кок", "работающий холодным светом и несгораемыми лентами" и представляющий возможность смотреть картины "в домашней обстановке" (РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 81. Л. 1). Этот небольшой киноаппарат был собран дворцовым электриком и подготовлен к просмотру. Алексей Николаевич с удовольствием исполнял обязанности киномеханика, взявший их на себя после отречения. 2 июля 1917 г. Николай II писал в дневнике: "После еды Алексей показывал свой кинематограф очень удачно" [10, с. 576].

Несмотря на то, что Николай II поддерживал официальную документалистику как инструмент репрезентации власти и популяризации своей внешней и внутренней политики, регулярно снимаясь в сюжетах "царской хроники", съёмки он не финансировал и все расходы целиком ложились на производителей лент. Лишь в 1913 г. Николай II смог в полной мере оценить пропагандистские возможности и игрового кинематографа: к празднованию 300-летнего юбилея династии Романовых были сняты фильмы "Воцарение дома Романовых" студией А.А. Ханжонкова и "Трёхсотлетие царствования дома Романовых" торговым домом А.О. Дранкова.

С началом Первой мировой войны Николая II чаще стали снимать в хроникальных сюжетах, да и количество просмотров фильмов императором значительно увеличилось. Регулярными стали просмотры зарубежной и отечественной военной хроники: в 1916 г. во время пребывания в Ставке у Императора даже появился постоянный день для просмотров – вторник. Но и в этом случае, он относился к кинематографу как к развлечению: если на вторник выпадал православный праздник или пост, просмотр переносился

на среду. Николай II даже поставил на обсуждение вопрос о необходимости огосударствления кинематографа в 1916 г., что привело к появлению двух проектов. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов считал необходимым установление постоянного жёсткого надзора за производством отечественных фильмов, ввозом зарубежных лент и репертуаром кинотеатров, т.е. фактически был за огосударствление кинематографа. В противовес ему министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев предлагал ограничиться поддержкой некоммерческого кинематографа государственным финансированием и мягким налогообложением. Также он считал необходимым создать особый комитет по делам кинематографии при своём министерстве и сохранить частный сектор [5, с. 70]. К окончательному решению прийти не успели: началась революция, и свою политику в этой области вырабатывало уже новое российское государство.

Кинематограф в России не смог в полной мере стать средством репрезентации царской власти. Объективной причиной этого был системный кризис самодержавия в России в начале XX века, когда демонстрация пропагандистских лент зачастую имела обратный результат. Так, фильм "Трёхсотлетие царствования дома Романовых" не имел успеха в Москве и Петербурге, хотя смог окупиться в провинции [5, с. 96]. А хроникальный фильм, в котором Николай II возлагает на себя Георгиевский крест, пришлось снять с проката, т.к. он, по словам В.М. Пуришкевича, сопровождался выкриками из темноты: "Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием" [14, с. 416–417]. Другой объективной причиной были возможности самого кинематографа: отсутствовали звук и цветопередача. В особенности из-за этого проигрывали съёмки в царских резиденциях, которые не могли передать всего величия того же Петергофа. К этому следует добавить неискущённость операторов: камера статична, хотя съёмка в движении уже существовала, "царскую хронику" снимали примерно с одного ракурса, не задумываясь об эстетической стороне. В итоге было хорошо видно, что Николай II был ниже ростом большинства своих солдат, а вид царевича Алексея вызывал вопросы о его здоровье – на плёнке наследника часто носили на руках его дядьки [12]. Подобные кадры, скорее, могли способствовать десакрализации власти. Не помогала превращению кинематографа в средство репрезентации и позиция Николая II, высказывавшегося о нём как о пустом, ненужном и вредном развлечении [5, с. 66]. Что касается семейных съёмок, то их результаты российский монарх редко предоставлял для демонстрации в кинотеатрах – они предназначались для семейного просмотра. В силу всех этих причин "царский кинематограф" не смог стать средством репрезентации царской власти.

Литература

1. Баталин В. Н., Малышева Г. Е. История Российского государственного архива кинофотодокументов (1926–1966 гг.). СПб.: Лики России, 2011. 248 с.
2. Беляков В. К. Александр Ягельский: Из истории коллекции парадных и официальных портретов последнего русского царя Николая II и членов его семьи // Вестник архивиста. URL: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/3491-aleksandr-iagelskii-iz-istorii-kollekcii-paradnyh-i-oficialnyh-portretov-poslednego-rysskogo-caria-.html> (дата обращения: 05.05.2024).
3. Вишневецкий В. Е. Документальные фильмы дореволюционной России, 1907–1916. М.: Музей кино, 1996. 287 с.
4. Гинсбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М.: Аграф, 2007. 496 с.
5. Гращенкова И. И., Фомин В. И. История российской кинематографии (1896–1940 гг.). М.: Канон+ РООИ "Реабилитация", 2016. 768 с.
6. Гуцин В. А., Абасалиев Р. А. Петергоф в газетной хронике: в 2-х тт. Т. I. СПб.: Нестор-История., 2012. 479 с.
7. Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. Т. 1. 1894–1904. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 1101 с.
8. Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. Т. 2. 1905–1918: в 2 ч. Ч. 1. 1905–1913. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 824 с.
9. Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. Т. 2. 1905–1918: в 2 ч. Ч. 2. 1914–1918. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 784 с.
10. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. В 2 т. Т. 1. 1 января–31 июля 1917 / отв. ред. В. М. Хрусталев; сост. В. М. Хрусталев. М.: ПРОЗАИК, 2012. 624 с.

11. Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – нач. XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Издательство Центрполиграф, 2011. 556 с.
12. Лиманова С. А. "Царская кинохроника" и экранный образ Николая II: идеологическая трансформация // #МузейЦСДФ. URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/158-царская-кинохроника-и-экранный-образ-николая-ii-идеологическая-трансформация> (дата обращения: 13.09.2024).
13. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
14. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. 851 с.

References

1. Batalin V. N., Malysheva G. E. History of the Russian State Archive of Film and Photo Documents (1926 - 1966). St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2011. 248 p. (In Russ.).
2. Belyakov V. K. Alexander Yagelsky: From the history of the collection of ceremonial and official portraits of the last Russian Tsar Nicholas II and his family. // Archivist's Bulletin. URL: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/3491-aleksandr-yagelskii-iz-istorii-kollekcii-paradnyh-i-oficialnyh-portretov-poslednego-rysskogo-caria-.html> (accessed 05.05.2024). (In Russ.).
3. Vishnevskii V. E. Documentary films of pre-revolutionary Russia, 1907–1916. Moscow: Muzej kino, 1996. 287 p. (In Russ.).
4. Ginsburg S. S. Cinema of pre-revolutionary Russia. Moscow: Agraf Publ., 2007. 496 p. (In Russ.).
5. Grashchenkova I. I., Fomin V. I. History of Russian Cinematography (1896–1940). Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitacija" Publ., 2016. 768 p. (In Russ.).
6. Gushchin V. A., Abasaliev R. A. Peterhof in a newspaper chronicle. Publication in two volumes. Vol. I. St. Petersburg: Nestor-Istoria., 2012. 479 p. (In Russ.).
7. Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918). In 2 vols. Vol. 1. 1894–1904. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN) Publ., 2011. 1101 p.; (In Russ.).
8. Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918). In 2 vols. Vol. 2. 1905–1918: in 2 parts. Part 1. 1905–1913. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN) Publ., 2011. 824 p. (In Russ.).
9. Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918). In 2 vols. Vol. 2. 1905–1918: in 2 parts. Part 2. 1914–1918. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN) Publ., 2011. 784 p. (In Russ.).
10. Diaries of Nicholas II and Empress Alexandra Feodorovna. In 2 vols. Vol. 1. January 1–July 31, 1917 / rep. ed. V. M. Khrustalev; comp. V. M. Khrustalev. M.: PROZAIK, 2012. 624 p.
11. Zimin I. V. The adult world of imperial residences. The second quarter of the XIX – the beginning of the XX centuries. Everyday life of the Russian imperial court. M.: Centrpoligraf Press., 2011. 556 p. (In Russ.).
12. Limanova S. A. "Tsarist newsreel" and the screen image of Nicholas II: ideological transformation // #MuseumTSDf. URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/158-царская-кинохроника-и-экранный-образ-николая-ii-идеологическая-трансформация> (accessed 13.09.2024). (In Russ.).
13. Magidov V. M. Cinema and photo documents in the context of historical knowledge. Moscow.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t Press, 2005. 394 p. (In Russ.).
14. Shul'gin V. V. Years. Days. 1920. Moscow: Novosti, 1990. 851 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Василий Леонидович Кузьмин, канд. ист. наук, независимый исследователь, Владивосток, Россия, e-mail: kvl-14@yandex.ru

Александра Геннадьевна Филипова, д-р соц. наук, заведующий Лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alexandra.filipova77@gmail.com

Information about the authors

Vasilii L. Kuz'min, Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Vladivostok, Russia, e-mail: kvl-14@yandex.ru

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sociology, Head of the Laboratory of Complex Studies of Childhood, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Herzen University, St. Petersburg, Russia, e-mail: Alexandra.filipova77@gmail.com

Как русские эмигранты путешествовали по Китаю: первые путеводители

Амир Александрович Хисамутдинов

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, khisamut@yahoo.com

Аннотация. Целью статьи является анализ первых туристических путеводителей, которые подготовили в Китае русские эмигранты в первой половине XX в. Уникальную информацию о российской диаспоре содержат издания: "Путеводитель по Шанхаю" Г.Г. Суннерберга (1919), "Торгово-промышленно-деловой справочник и указатель Тяньцзинь" П.Г. Тидемана (1922), "Русский путеводитель по Пекину и его окрестностям" И.И. Серебренникова (1923), "Путеводитель по Дальнему Востоку" К.А. Полюхова-Морозенко (1925), справочник "Порт Циндао" (1935), справочник-путеводитель по курорту "Жемчужина Монголии: Халхин-Халун-Аршан" И. Чарова (1928), "Путеводитель по городу Харбину Бюро по делам российских эмигрантов (1938), "Памятка Забытые могилы" Попечительного совета по охране и приведению в порядок Порт-Артуровского и других военных кладбищ (1938). По понятным причинам эмигранты, выехав в другие страны или на родину, не старались сохранять эти путеводители. Многолетние исследования автора в зарубежных библиотеках и архивах позволили выявить оригиналы ценных изданий.

Ключевые слова: *русские путеводители, русские в Китае, русский туризм в Китае, русская печать, русская эмиграция*

Для цитирования: Хисамутдинов А. А. Как русские эмигранты путешествовали по Китаю: первые путеводители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 88–94. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/88-94>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/88-94>

How Russian emigrants traveled to China: the first guidebooks

Amir A. Khisamutdinov,

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, khisamut@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the first tourist guides prepared in China by Russian emigrants in the first half of the XX century: "Guide to Shanghai" by G.G. Sunnerberg (1919), "Trade, Industrial and Business Directory and Index of Tianjin" by P.G. Tideman (1922), "Russian Guide to Beijing and Its Environs" by I.I. Serebrennikov (1923), "Guide to the Far East" by K.A. Polyukhov-Morozenko (1925), reference book "Port of Qingdao" (1935), reference book and guide to the resort "Pearl of Mongolia: Khalkhin-Khalun-Arshan" – I. Charov (1928), "Guide to the city of Harbin – Bureau for Russian Emigrants" (1938), "Memo Forgotten Graves" – Trusteeship Council for the Protection and Restoration of Port Arthur and Other Military Cemeteries (1938). The publication uses editions found in foreign libraries.

Key words: *Russian guidebooks, Russians in China, Russian tourism in China, Russian press, Russian emigration*

For citation: Khisamutdinov A. A. How Russian emigrants traveled to China: the first guidebooks // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 88–94. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/88-94>

Введение

Гражданская война на российском Дальнем Востоке привела к тому, что в Китае оказались сотни тысяч россиян, которые не имели никакого представления об этой стране. Уже в первые годы эмиграции энтузиасты стали печатать различные путеводители – справочники по китайским городам, в которых позднее появились большие русские общины. Эти издания позволяют лучше понять адаптацию русских беженцев к реалиям Китая. К сожалению, пока не выявлено никаких публикаций по данной теме.

Некоторые сведения о путеводителях, отпечатанных в Харбине, имеются в библиографическом справочнике, составленном профессором Университета Торонто Ольгой Михайловной Бакич [9].

К сожалению, россияне, покидая Китай, не были озабочены сохранением печатной продукции, в том числе и путеводителей. Этой проблемой занимался русский библиограф Гавайского университета Патриция Полански, которая много лет собирает литературу, изданную русскими эмигрантами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Есть в её коллекции путеводители, изданные в Китае [2].

Основным методом выявления эмигрантских путеводителей стал историко-системный подход с проведением соответствующей классификации, когда поиск путеводителей осуществлялся по всем российским и зарубежным собраниям.

Первый путеводитель

Задолго до массового появления беженцев была напечатана первая туристическая открытка, на которой изображена бабочка с достопримечательностями в Китае. Такие открытки обнаружены с видами городов: Маньчжурии, Дальнего, Цицикара и Харбина.

Ещё мало кто предвидел, что в Китай хлынет огромный поток беженцев, как дипломат Г.Г. Сюннерберг уже подготовил "Путеводитель по Шанхаю". Георгий Георгиевич считался одним из лучших его знатоков¹.

Напечатать путеводитель ему предложил вице-директор шанхайского отделения Русско-Азиатского банка С.Т. Ястржембский, который хотел открыть в Шанхае русскую типографию, где могли бы работать беженцы, а на полученную прибыль оказать им помощь. Издание поддержали Российский генеральный консул и Военный агент в Шанхае, предоставив Георгию Георгиевичу нужные сведения.

Г.Г. Сюннерберг писал: "Автор отлично сознает, что первое издание этого путеводителя содержит немало недочётов и особенно досадно за вкравшиеся в него опечатки, которые объясняются неопытностью лиц, заведовавших корректурой в начале работы. Тем не менее, надо понимать, что путеводитель, благодаря полноте своих данных о Шанхае и его торговой и промышленной жизни явится ценным подспорьем большому количеству русских, прибывающих в торговую столицу Дальнего Востока и всё более и более интересующихся её жизнью" [6, с. 2].

Издатель предоставил подробную информацию по Шанхаю, описав все городские районы. При этом Сюннерберг разработал туристические маршруты по Центральному району, Французской концессии и Китайскому городу, дал рекомендации по загородным прогулкам в окрестностях Шанхая. Ценную информацию содержал Русский отдел (Русское общественное собрание в Шанхае, Кружок общественной помощи в Шанхае, Русский просветительский кружок и Русская школа в Шанхае, русские бойскауты и гёрл-гайд (девичий отряд – прим. автора), Русский литературно-артистический кружок, Русская торговая палата и почтовая контора, Православная церковь, Добровольный флот в Шанхае, пристань КВЖД, Влияние на жизнь русской колонии в Шанхае большевистского мятежа в России [6, с.163–187].

К путеводителю прилагался подробный план Шанхая. Издание поддержали своими рекламами более 60 предприятий Китая.

Путеводитель Г.Г. Сюннерберга стал очень популярным среди эмигрантов. Известный издатель Владимир Дмитриевич Жиганов опубликовал в своём популярном альбоме "Русские в Шанхае" предисловие Г.Г. Сюннерберга.

Путеводители по Пекину, Тяньцзиню, Харбину и др.

Хотя русская община в Пекине была незначительной, здесь имелась типография Русской духовной миссии, которой заведовал Иван Иннокентьевич Серебренников². С супругой Александрой Николаевной он эмигрировал в

¹ Сюннерберг, Георгий Георгиевич (1880–1957, Беркли, США). Финн. Капитан российской императорской гвардии. После окончания Пажееского корпуса (1902) служил в Лейб-гвардии Семеновском полку. Окончил Николаевскую академию генерального штаба (1910). С 1912 г. занимал должность агента министерства торговли и промышленности в Российском генеральном консульстве в Шанхае. Консул Финляндии (1922–1925), затем – представитель крупной шведской компании "Moberg & Co". Написал краткий исторический очерк о Шанхае в альбоме В.Д. Жиганова. Переехал в США (1947), жил в Беркли. Дочь Наталья Дан – актриса в Голливуде; вторая дочь – журналистка в американской газете "Ивнинг пост".

² Серебренников, Иван Иннокентьевич (1882, Знаменское Верхотенского уезда Иркутской губ. – 1953, Тяньцзинь, Китай). Окончив с серебряной медалью гимназию, поступил в Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Арестован за участие в студенческой сходке и по приказанию военного министра отчислен из академии (1902). Отбыл шестимесячное одиночное заключение в "Крестах" (1906). Тогда же женился на А.Н. Петровой. Деятель Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, правитель дел (с 1915). Сибирский областник-автономист. Секретарь Иркутской городской думы (с 1913). Министр Сибирского правительства и правительства А.В. Колчака. Эмигрировал в Китай (1920). Из Харбина Серебренниковы переехали в Пекин, а оттуда в Тяньцзинь. Один из учредителей Русской национальной

1920 г. в Китай. В столице Китая они занялись его изучением. В своём дневнике А.Н. Серебренникова записала 16 января 1921 г.: "Ездили на рикшах в Южный Город – это самая оживленная торговая часть Пекина. Сначала проезжали улицами Посольского квартала, неизменно таящими в себе для меня очарование "заграницы"; потом окунулись в кипучую, шумную жизнь китайских улиц Южного Города. Это были уже не впечатления, а сумбур впечатлений: пестрота, яркие краски, цветные фонари, качающиеся у входов в лавки, нестерпимо сильный, ослепляющий свет электрических и ацетиленовых ламп в магазинах, на улицах, возле лотков с товарами уличных продавцов. Непрерывные выкрики, шум и гул тысячной китайской толпы... Ничего похожего никогда, нигде не приходилось нам ни видеть, ни слышать! Я чувствовала себя оглушенной, одурелой, но в то же время была очень довольна: новизна впечатлений радовала меня. 17 января. Продолжаем наше знакомство с Пекином. Гуляли сегодня за стеной, окружающей его со всех сторон, потом поднялись на самую стену. Седой древностью веет здесь от всего кругом" (НЦА. **Собрание Серебренниковых. Коробка 1. Б. с.**)³.

Увлеченный достопримечательностями столицы Китая, И.И. Серебренников решил подготовить путеводитель. В предисловии он писал: "Русские туристы, заглядывающие в Пекин, нередко испытывают затруднения при ознакомлении с этим городом, не зная английского и китайского языков. Настоящий маленький путеводитель ставит своей целью прийти им в этом отношении на помощь⁴. В нём русский турист найдёт все необходимые и главнейшие справки о Пекине и его окрестностях. Желая разыскать интересующее его место, он может показать шофёру или рикше английское или китайское название" [5, с. 3].

Иван Иннокентьевич отметил в своём путеводителе все основные достопримечательности, дав им характеристику⁵: "Татарский или Маньчжурский город" – Нэй-чэн [内城], "Императорский город" – Вай-чэн [外城], "Запретный город" – Цзы-цзин-чэн [紫荆城], "Дипломатический квартал" – Дун-цзяо-минь-сян [东交民巷], "Ламайский храм" – Юн-хэ-гун [雍和宫], "Храм Конфуция" – Кун Мяо [孔庙], "Храм Императоров (Пантеон)" – Ди-ван-мяо [帝王庙], "Храм Счастья" – Лун-фу-сы [隆福寺], Храм Белой башни – Бай-та-сы [白塔寺], "Храм Бога ветра" – Сюань-жэнь-мяо [宣仁庙], "Храм Бога грома" – Лэй-Шэнь-мяо [雷神庙], "Храм Гуань Ди" [关帝庙], "Храм Бога огня" – Хо-шэнь-мяо [火神庙], Угольный холм – Цзин-шань [景山], "Дворцовые озера" – Саньхай [三海], Башня Колокола – Чжун-лоу [钟楼], Башня барабана – Гу-лоу [鼓楼], Обсерватория – Гуаньсян-тай [观象台], Центральный парк – Чжун-ян-гун-юань [中央公园] и др.

По количеству русского населения Тяньцзинь был третьим после Харбина и Шанхая. С 1915 г. здесь служил Российским генеральным консулом Пётр Генрихович Тидеман⁶, на плечи которого легла обязанность обустроить большое число беженцев.

общины и редактором её "Вестника". Основал книжный магазин и частную библиотеку. Автор многих книг и статей о гражданской войне, краеведении и Китае. Личный архив находится в Гуверовском институте (США).

³ НЦА – Hoover Institution of Library and Archives – Архив и Библиотека Гуверовского института (США).

⁴ Текст представлен в редакции первоисточника.

⁵ Транслитерация в издании И.И. Серебренникова.

⁶ Тидеман, Пётр Генрихович (1872, Казань – 1941, Монреаль, Канада). После окончания Санкт-Петербургского университета причислен к Азиатскому департаменту (с 17 июня 1895). Студент миссии в Пекине (с 9 декабря 1895). Награждён орденом Двойного дракона 3-й степени 3 разряда (17 июня 1895). Драгоман при чиновнике по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области (с 26 октября 1899). Российский вице-консул в Чифу (с 11 мая 1902). Чиновник VI класса в Мукдене (с 3 апр. 1904). Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе (с 22 дек. 1906). Консул в Гонконге (с 1 июля 1908). Российский генеральный консул в Гонконге (1908–1910) и в Тяньцзине (1915–1920). Муниципальный консул

Дипломат отлично понимал важность информации для русских эмигрантов и в 1922 г. он подготовил "Торгово-промышленно-деловой справочник и указатель Тяньцзинь". В предисловии автор отметил: "Что касается численности русских в Тяньцзине, то точных данных не имеется, и мнения по сему вопросу сильно расходятся. В 1914 году местная русская колония насчитывала немного более ста душ, за время войны она почти не увеличилась, но революция и последовавшие за ней гражданская война в России имели последствием значительный приток русских в Тяньцзинь, и в конце 1920 года многие, вполне искренне и убежденно высказывали мнение, что русских в Тяньцзине не менее 3000. Такое убеждение сложилось под впечатлением того, что, как на улицах иностранных концессий, так и в лавках и магазинах, постоянно встречаются русские, и повсюду слышится русская речь; усиленный спрос на квартиры и значительное повышение квартирной платы в Тяньцзине так же способствовали созданию преувеличенного представления о численности нахлынувшего сюда потока русских. Интересно, однако, отметить, что в Шанхае, в то же время и на основании подобных же данных, количество русских определялось цифрой около 5000, между тем как по официальной переписи, произведенной в начале 1921 года, их оказалось всего около 1500. Принимая во внимание, что число русских в Шанхае, безусловно, больше, чем в Тяньцзине, едва ли будет ошибочным приблизительную численность русского населения Тяньцзиня в настоящее время определяем в 1000 душ" [7, с. 2].

Несмотря на то, что путеводитель в основном давал информацию по городу, но в нём были разделы, посвящённые достопримечательностям. Издание поддержали рекламой многие русские предприниматели в Тяньцзине, которые получили свою прибыль от русских посетителей.

Идея напечатать путеводитель оправдала себя, так как через Тяньцзинь проезжало большое число русских из Харбина.

В Харбине также озаботились изданием своего путеводителя. Этим проектом занялось Бюро по делам российских эмигрантов, которое напечатало такую книгу в 1938 г.

Русские издатели в Китае печатали общие путеводители, рассчитанные на широкие слои эмиграции. При этом основной целью было познакомить россиян с местами, где они могли найти себе временное пристанище. Например, в 1925 г. Константин Андроникович Полохов-Морозенко⁷ напечатал "Путеводитель по Дальнему Востоку", в котором имелся исторический и торговый обзор региона, к книге прилагался словарь наиболее употребляемых туристических слов на английском, японском, и китайском языках.

О стилистике языка и информации можно судить по этому отрывку: "Тяньцзинь. Большой порт. Население далеко превышает миллион душ, но точной статистики, как и вообще в Китае ещё нет. Тяньцзинь является торговым распределителем северного Китая, так как это главный выход к морю для целого ряда провинций Чжили, Шаньси, Шэньси, Ганьсу, Хэнань и др., с общей населенностью свыше 120 миллионов человек. Циндао. Бывший в аренде у германцев, а ныне у японцев, большой порт. Имеет тяготение к Шанхаю. Шанхай, что означает "взморье", или "у моря", по словам историков, существовал ещё за 249 лет до Р. Х. 2000 лет ещё тому назад, как передает китайская история, Шанхай славился как центр хлопчатобумажного производства. В Шанхае в настоящее время насчитывается до 600.000 китайцев и 30.000 иностранцев, в том числе свыше 10.000 русских. Ханькоу. Прекрасное географическое положение Ханькоу делает порт одним из главных пунктов на Дальнем Востоке, в особенности по экспорту чая. Иностранцев в городе немного и в том числе главный контингент – русские, которых, однако, насчитывается не свыше 350–400 человек" [3, с. 19–20].

В книге было немало иллюстраций памятников и достопримечательностей, красивых зданий, в том числе Консульство СССР в Харбине, знаменитая Китайская улица в Харбине, которую ныне называют китайским Арбатом,

Русской концессии Тяньцзиня (1921–1934). Служащий муниципального консульства Британской концессии в Ханькоу (1934–1937). Переехал к сыну в Монреаль (1937).

⁷ Полохов-Морозенко, Константин Андроникович (1888, Батуми – после 1945). Жил в Шанхае с 1920, а также в Харбине. Занимался рекламой и часто ездил по китайским городам. Редактор бесплатного издания "Commercial Illustrated Review".

Железнодорожное собрание КВЖД, Мавзолей генерала Ма, памятник генералу Сюй и др.

Путеводитель напечатали на хорошей бумаге, в твёрдой обложке с красивым теснением и множеством рекламы русских, китайских и иностранных предприятий.

В Китае также печатали путеводители по популярным местам отдыха. Таким был интересный справочник-путеводитель по монгольскому курорту "Халхин-Халун-Аршан", который подготовил поэт, журналист и литератор Иннокентий Чаров (Савицкий)⁸. В предисловии он писал: "Книга "Жемчужина Монголии" – путеводитель-справочник, заключающий в себе все необходимые полезные сведения о курорте, все практические указания – советы и литературный обзор. Эта книга даёт возможность составить себе курс-порядок лечения ваннами и водою. Удешевить поездку на курорт, жизнь на нём, лечение и получить ясное представление о месторасположении. Климате, природе и о степени культивирования курорта" [8, с. 17].

Путеводитель был хорошо проиллюстрирован, также в нём были помещены рекомендации врачей и отклики больных и отдыхающих.

Издание поддержало влиятельное Общество изучения Маньчжурского края в Харбине. Также в нём было помещено немало рекламы. Так, например, Монгольское акционерное общество по эксплуатации курорта Халхин-Халун-Арша, заказавшее этот путеводитель автору, разместило свою рекламу на последней обложке.

Издавна город Циндао (порт в зал. Цзяочжоувань, Жёлтое море, провинция Шаньдун) имел репутацию как одного из лучших городов, где можно отдыхать. Его часто называли дальневосточной Ривьерой. К 1935 г. здесь проживало около 600 русских эмигрантов. Для привлечения русских туристов было решено издать путеводитель. В предисловии отмечалось: "Выпускаемая настоящая справочник, издательство имело в виду познакомить приезжающего со всеми особенностями города, сообщить необходимые на первое время сведения, и, путем включения отдельных карт: города, курорта и Лаошана, помочь ориентироваться и быстро освоиться с Циндао и окрестностями" [4, с. 3].

В книге была помещена краткая история Циндао, первые впечатления о городе, самые примечательные здания и рекомендации по пешим и автомобильным прогулкам. В книге содержалось более 60 рекламных объявлений, в основном, русских предпринимателей.

Русская эмиграция была озабочена сохранением русских памятников. С этой целью было решено напечатать иллюстрированной путеводитель "Забытые могилы". В предисловии к ней архиепископ Виктор⁹ писал: "Когда читаешь эту небольшую, скромно озаглавленную брошюру, – испытываешь странное чувство. Будто из туманов прошлого начинают вырисовываться лица, мундиры с погонами, слышатся голоса команды, заукоинное пение. И чем больше вчитываешься в просто написанные события, цифры и надгробные

⁸ Чаров (наст. фам. Савицкий, Александр Михайлович), Иннокентий (?–1937, Харбин). Офицер, участник 1-й мировой войны, инвалид. Печатался с 1910. Стихотворение "На смерть Толстого" опубликовано в сибирской газете "Русское слово". Участник кружка писателей-сибиряков при "Обществе литературы, музыки и пения". В Харбине печатал стихотворения и рассказы в местных изданиях. Редактировал иллюстрированный журнал "Родная Нива". За рассказ "Беженский Харбин" на литературном конкурсе газеты "Рупор" получил 1-ю премию. Написал роман "Пробуждение женщины".

⁹ Виктор (в миру Святин, Леонид Викторович) (1893, Верхнеуральск Оренбургской губ. – 1961). Окончил Оренбургскую духовную семинарию с отличием, учился в Казанской духовной академии. В 1916 г. призван в армию. После окончания Тифлисского военного училища отправлен на Кавказский фронт, командир роты. Участник гражданской войны (армия генералов Белова, Бакича и атамана Дутова). Монах (20 июня 1921). Учился в Восточном институте во Владивостоке (1921–1922). Настоятель церкви в Тяньцзине (1922–1932). Архимандрит (1929); Епископ Шанхайский (с 21 окт. 1932). Начальник 20-й Российской православной миссии в Китае (постановление Архиепископского собора от 14 июля 1932). Провел торжественное празднование 250-летия Российской духовной миссии в Китае (1935), издал сборник. Архиепископ (с 1936). Арестован китайскими властями (19 октября 1946). Управделами миссии, передав имущество посольству СССР в Пекине (1956). Управляющий Краснодарской и Кубанской епархий. Митрополит (с 1961).

надписи, тем глубже волнение охватывает душу. Очарованным дочитываешь последнюю страницу. Видно, автор глубоко прочувствовал то, о чём он пишет, и с истым художеством сумел передать – свои переживания страницам книги. В ней нет ни одного слова, бьющего на эффект; автор знает, что над могилами родных героев надо хранить тишину, что подходить к ним надо, снявши головной убор и благоговейно творя молитву" [1, с. 2].

Особую ценность представляют тщательно составленные приложения: 1. Кладбище в Порт-Артуре; 2. Кладбище в Мукдене; 3. Кладбище в Дайрене; 4. Кладбище на станции Гунжулин; 5. Кладбище на станции Годзядань; 6. Кладбище на станции Каюянь; 7. Кладбище в г. Каюяне; 8. Кладбище на станции Тъелин; 9. Кладбище на станции Шахе; 10. Кладбище в г. Ляоянь; 11. Кладбище на станции Дашичао; 12. Кладбище на станции Телиссу (Вафангоу); 13. Кладбище на станции Кинчжоу; 14. Кладбище на Путиловской сопке; 15. Кладбище в Бенсиху; 16. Кладбище на Янзелинском перевале; 17. Кладбище в Тюренчене.

Заключение

Издание путеводителей является интересным культурным феноменом русской эмиграции в Китае. С одной стороны, это была информация о городах, где стали формироваться русские общины. С другой стороны, русские знакомились с туристическими достопримечательностями Китая. В некоторых случаях эти памятные места сегодня разрушены.

Старинные эмигрантские путеводители позволяют понять туристические интересы эмигрантов (где лучше всего остановиться на жильё) и другие бытовые детали повседневной жизни эмиграции.

Литература

1. Забытые могилы: памятка, изд. правлением Попеч. совета по охране и приведению в порядок Порт-Артуровского и других военных кладбищ в Маньчжу-Ди-Го и Квантунской области, состоящих в ведении Рос. дух. миссии в Китае, на усиление средств совета / предисл. еп. Виктора. Харбин: Изд-во М. В. Зайцева, 1938. 51 с.
2. Полански П. Русская печать в Азиатско-тихоокеанском регионе = Russian Publications in the Asia-Pacific Region: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. М.: Пашков дом, 2015. Ч. 1. 213 с. Ч. 2. 156 с.
3. Полухов-Морозенко К. А. Путеводитель по Дальнему Востоку. Харбин: Эсперанс, [1925?]. 78 с.
4. Порт Циндао: справ. с планами и картами окрестностей. Циндао: FADA, Foreign Advertising Agency, [1935]. 99 с.
5. Серебренников И. И. Русский путеводитель по Пекину и его окрестностям = Russian Guide to Peking and Neighbourhood. Пекин: Тип. Рус. дух. миссии, 1923. 67 с.
6. Сюннерберг Г. Г. Путеводитель по Шанхаю. Шанхай: Рус. книгоизд-во и тип. Ком. обществ. помощи в Шанхае, 1919. 318 с.
7. Тидеман П. Г. Тяньцзинь: Торгово-промышленно-деловой справочник и указатель. Пекин: Тип. Рус. духов. миссии, 1922. 93 с.
8. Чаров (Савицкий) И. Жемчужина Монголии: справ.-путеводитель по курорту "Халхин-Халун-Аршан". Харбин: "Harbin Observer", 1928. 96 с.
9. Bakich O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: Materials for a definitive bibliography. New York; Paris: Norman Ross Publishing Inc. 2002. 584 p.

References

1. Forgotten graves: a memo, published by the Board of Trustees of the Council for the Protection and Order of Port Arthur and Other Military Cemeteries in Manchuria-Di-Guo and the Kwantung Region, under the jurisdiction of the Russian Ecclesiastical Mission in China, to strengthen the council's funds / preface by Bishop Victor. Harbin: M. V. Zaitsev Publishing House, 1938. 51 p. (In Russ.).
2. Polansky P. Russian Publications in the Asia-Pacific Region: Catalog of the Collection of the Hamilton Library of the University of Hawaii. Moscow: Pashkov House, 2015. Part 1. 213 p. Part 2. 156 p. (In Russ.).
3. Polyukhov-Morozenko K. A. Guide to the Far East. Harbin: Esperance, [1925?]. 78 p. (In Russ.).
4. Port of Tsingtao: reference to plans and maps of the environment. Tsingtao: FADA, Foreign Advertising Agency, [1935]. 99 p. (In Russ.).

5. Serebrennikov I. I. Russian Guide to Peking and Its Environs = Russian Guide to Peking and Neighbourhood. Peking: Type. Russian Spiritual Mission, 1923. 67 p. (In Russ.).
6. Sunnerberg G. G. Guide to Shanghai. Shanghai: Russian Publishing House and Type. Committee of Society Aid in Shanghai, 1919. 318 p. (In Russ.).
7. Tideman P. G. Tianjin: Trade, Industrial and Business Directory and Index. Peking: Type. Russian Spiritual Mission, 1922. 93 p. (In Russ.).
8. Charov (Savitsky) I. The Pearl of Mongolia: A Guide to the Resort "Khalkhin-Khalun-Arshan". Harbin: "Harbin Observer", 1928. 96 p. (In Russ.).
9. Bakich O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: Materials for a Definitive Bibliography. New York; Paris: Norman Ross Publishing Inc. 2002. 584 p. 584 p.

Информация об авторе

Амир Александрович Хисамутдинов, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: khisamut@yahoo.com

Information about the author

Amir A. Khisamutdinov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Archaeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: khisamut@yahoo.com

Поступила в редакцию 22.08.2024

Received 22.08.2024

Одобрена после рецензирования 19.11.2024

Approved 19.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Accepted 27.11.2024

Научная статья
УДК 327.82
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>

Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 г. Часть 1

Мария Вячеславовна Садловская
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 008710@pnu.edu.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 012551@pnu.edu.ru
Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 000048@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ внутренней миграции в постсоветской России с фокусом внимания на Дальнем Востоке. Авторы сопоставляют статистические данные межрегиональной миграции между субъектами ДФО и европейской частью России за период с 1991 г. по настоящее время. Работа позволяет сформировать целостную картину, способную не только отразить динамику формальных показателей, но и дать ключи к их пониманию. В результате исследования выделяются миграционные сценарии, определяется интенсивность миграционного обмена между регионами в разные периоды, а также их специфические особенности. Вопреки сложившемуся в научном дискурсе нарративу о постсоветском "побеге" населения с Востока на Запад в работе выдвигается гипотеза о существовании иных (встречных) сценариев, обусловленных социальными особенностями региона и сложившимся феноменом "проточного общества".

Ключевые слова: миграция, межрегиональная миграция, внутренняя миграция, трансмиграция, Дальний Восток, регион, динамика, статистика, входящие и исходящие потоки

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00554 "Внутри региональных миграций в России: путь с Востока на Запад".

Благодарность. Авторы благодарят Федеральную службу государственной статистики за своевременное и полное предоставление данных по серии запросов от авторов исследования.

Для цитирования: Садловская М. В., Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 г. Часть 1 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 95–108. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>

The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 1

Maria V. Sadlovskaya
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 008710@pnu.edu.ru
Andrey V. Kovalevskii
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 012551@pnu.edu.ru
Leonid E. Bliakher
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 000048@pnu.edu.ru

Abstract. The article presents an analysis of internal migration in the Russian Federation, with a particular focus on the Far Eastern Federal District. The authors present a comparative analysis of statistical data on interregional migration between the subjects of the Far Eastern Federal District and the European part of Russia for the period from 1991 to the present. The work enables the formation of a comprehensive picture that can not only reflect the dynamics of formal indicators, but also provide insights into their interpretation. The study identifies stable migration scenarios, determines the intensity of migration exchange between regions in different periods, as well as their specific features. In contrast with the post-Soviet narrative of the population "escaping" from the East to the West, the paper hypothesizes the existence of other scenarios due to the social peculiarities of the region and the existing phenomenon of "flow society".

Key words: migration, transmigration, Far East, region, dynamics, statistics, incoming and outgoing flows

The study was supported by grant No. 24-28-00554 from the Russian Science Foundation "Inside regional migrations in Russia: the path from East to West".

Acknowledgements. Gratitude to Federal State Statistics Service for timely and complete provision of data on a series of requests from the authors of the study.

For citation: Sadlovskaya M. V., Kovalevskii A. V., Bliakher L. E. The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 1 // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 95–108. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>

Введение

Проблема миграции, несмотря на все увеличивающееся число факторов, препятствующих свободному перетoku населения, остается одним из ключевых вопросов современного обществоведения [20]. Со времен появления первых теоретических работ в области изучения миграции [23] объяснительные модели, описывающие миграцию, становятся все более сложными и разнообразными. К классическим соображениям "притяжения и выталкивания" добавляются разнообразные факторы, связанные с культурной близостью, наличием устойчивых сетей, связывающих два социума и многие другие [23].

Вместе с тем, как в любой активно развивающейся сфере исследований, в изучении миграции появляются "научные привратники": темы, априорные исследовательские установки, концепции, детерминирующие подход к анализу материала [22]. В этом плане крайне показательна и, вместе с тем, специфична ситуация в одном из наиболее "периферийных" регионов мира – Дальнем Востоке России [12].

Дальний Восток России формировался почти весь период своего развития и в составе империи, и в составе СССР как регион мигрантов. Организованные потоки переселенцев еще с последних десятилетий XIX века (своекоштное и казенокоштное переселение на судах "Доброфлота" [8, с. 231–239]) вплоть до последних лет существования СССР [5, с. 15] определяли социальный состав региона. При этом, ещё более постоянным, хотя и менее организованным был отток прибывшего населения.

Такую ситуацию, когда приток и отток относительно компенсируют друг друга, мы обозначили термином "проточная общность" (по аналогии с биологическим термином "проточная популяция"). Если в биологии эта ситуация препятствует образованию стабильного генетического ядра, то в социальном мире она не позволяет сформироваться "местной культуре" и местному сообществу [3]. Культурно, да и социально местный житель (переселенец) остаётся связанным более с точкой исхода, нежели с местным территориальным сообществом. Наличие такой связи с внешним сообществом снижало издержки возвратной миграции. Это зачастую превращало переселение на Дальний Восток в вариант "вахты", когда, отработав в регионе, человек возвращался "домой". Он не проживал, не укоренялся, но "протекал" в регионе, "утекая" из него при возникновении малейших проблем, или просто, спустя оговоренный срок [9, с. 60–77]. Этот отток и компенсировался мощнейшим материальным и идеологическим стимулированием со стороны государства, в разные периоды включавшем в себя разные, но всегда значительные материальные стимулы (от "ста десятин" до "двойных окладов") [3], вызывающем появление новых входящих потоков.

В постсоветский период, особенно в последнее десятилетие XX в., традиционные механизмы привлечения населения исчезают. Отток перестает компенсироваться новыми входящими потоками. Он становится заметным и фиксируемым, превращается сначала в местную [11], а затем и в федеральную проблему. Этот сюжет описан уже во множестве научных публикаций [12]. В самом деле, сокращение населения (отток) Дальнего Востока в начале 90-х гг. было более, чем значительным [17]. Возникает концепция "западного дрейфа" [15], в рамках которого население региона просто утекало в западные регионы страны. Эта ситуация была осмысленна как катастрофическая, угроза национальной безопасности. Правда, первоначально в качестве угрозы осмыслялся не столько сам отток населения, сколько "ползучая экспансия" со стороны южных и восточных соседей [2]. Однако в последние десятилетия "жёлтая опасность" была отодвинута на исследовательскую периферию, а на авансцену вышел сам факт "обезлюдения" региона [13].

Собственно, поэтому мы и решили сосредоточить своё внимание именно на "внутренней миграции". Здесь складывается система "привратников", описывающих картину, в смысловом пространстве которой ведутся исследования. Имеется малонаселенный регион, из которого массово утекает население. Отсюда и задачи, диктуемые "привратником": зафиксировать факт оттока, разработать меры по "удержанию" и "привлечению" населения [6]. Это и задавало априорный взгляд на проблему внутренней миграции в регионе.

Вместе с тем, численно отток сегодня отнюдь не дает катастрофических значений [10, 14]. Мы попытаемся понять, насколько картина, задаваемая

"привратником", созданная в условиях массового оттока первой половины 90-х гг. соответствует объективным данным, почему она сохраняется, продолжая детерминировать представления о внутрироссийской миграции населения Дальнего Востока.

Исследование выполнено на основе сопоставления статистических данных о внутренней миграции в Российской Федерации и межрегиональном миграционном обмене. Основным эмпирическим материалом выступили статистические данные Федеральной службы государственной статистики о движении населения за период с 1991 по 2022 гг. Анализ их динамики и структуры проводился в разрезе миграционных процессов: в целом по Дальнему Востоку и с разбивкой по регионам; между регионами Дальнего Востока России; с Дальнего Востока в регионы России и из регионов России на Дальний Восток. Это позволило выявить основные миграционные тренды и попытаться объяснить их причины.

Для составления сводных таблиц и графиков (табл. 14–18) за 30 лет мы использовали статистический анализ в совокупности с применением МСВА (метод средневзвешенного арифметического), что позволяет учесть проблемы изменения в подходах расчета статистических данных, погрешности и неточности – а это особенно важно для анализа на таком временном отрезке для сводной совокупности данных всех регионов ДФО. Применение дополнительных формул к сводным данным по численности "прибывших" и "убывших", предоставленных Федеральной службой государственной статистики было необходимо из-за нескольких значительных изменений в методике учёта этих показателей, которые случились за 30 лет.

Так, например, для выявления долевого распределения мигрантов, прибывших в Магаданскую область в 1991–2022 гг. из других регионов России нам пришлось сначала взять количественные данные из первоисточника за каждый год. Затем вычислить удельный вес (в %) каждого региона, а затем выстроить формулу расчёта таким образом, чтобы при изменении методики учёта мы не теряли общую динамику распределения (как, например, после 2011 г. [16]), когда численные показатели, "прибывших" / "убывших" изменились в несколько раз (в сторону их увеличения). Другими словами, когда методика расчёта в 2010 г. показывает количество выбывших в 4776 человек, а методика расчета 2011 г. даёт цифру в 7494 человек, мы сохранили объективность общей картины за 30 лет.

Для таблиц 1–13 использовались динамические ряды на основе данных первоисточника – Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) о движении населения, что позволило нам визуализировать динамику и проследить изменения как в общем, так и применительно к каждому из регионов.

При этом следует учитывать тот факт, что административные границы территорий многократно изменялись. В данной работе мы ориентируемся на административные границы, сложившиеся к настоящему времени.

Общие показатели миграции населения на Дальнем Востоке

Для миграционных процессов на Дальнем Востоке России в прошедшие тридцать лет характерно значительное преобладание количества уезжающих над приезжающими. Хотя цифры разнятся – в 1991 г. с ДВ уехало 423657 человек, приехало 376020 человек, а в 2022 г. уехало 275055 и приехало 250623 человек – общая тенденция остается неизменной (табл. 1).

С каждым годом на Дальний Восток приезжает всё меньше людей, однако точно такая же тенденция сохраняется и для уехавших, их тоже становится всё меньше и меньше. Локальные всплески активности, конечно, случаются. Однако, глобальный нисходящий тренд пока не сломлен. В целом потоки прибывающих и убывающих существуют в одной логике – в те годы, когда наблюдался рост числа покинувших регион, больше было и прибывших. Стоит отметить, что тенденция к сокращению оттока прослеживается более или менее явно (в сравнении с началом 90-х отток в регионе сократился более, чем в три раза).

Объяснения заслуживает резкое изменение (практически удвоение) цифр с 2011 г. В этом году произошло изменение методики учёта – стали рассматривать как долговременных мигрантов, зарегистрированных не только

по месту жительства, но и по месту пребывания сроком 9 месяцев и дольше [16].

Однако, сам концепт "Дальний Восток России" имеет более административную, нежели социальную или географическую природу. Задаваемое этим концептом пространство не является гомогенным и в отношении внутривосточной и региональной миграции. Входящие в ДФО субъекты федерации демонстрируют несколько отличную динамику миграции. Обозначим отличия и сходные моменты.

Более или менее сходная картина миграции отмечается в двух национальных территориях региона: Республике Бурятия и Республике Саха (Якутия).

В течение всех 90-х гг. размер и исходящего, и входящего потоков в Бурятии постепенно уменьшался, и к 2001 г. число выбывших с территории региона составило 22309 человек, а число прибывших 17357 человек. За следующее десятилетие миграционные процессы в республике пережили колебания от минимума в 2002 г. (21416 уехавших, 16962 приехавших) до максимума в 2007 г. (28119 уехавших, 25084 приехавших). Пика за весь период наблюдений миграционная активность в регионе достигла к 2016 г., когда количество выехавших достигло 46285 человек, а въехавших – 42579 (табл. 2). Затем количество перемещений несколько снизилось, но в целом осталось сопоставимым. Таким образом, всё последнее десятилетие мы видим довольно высокий уровень миграций в регионе.

Последнее, в целом, понятно. Бурятия – одна из немногих территорий России, где не завершён второй демографический переход, характеризующийся высокой рождаемостью, причем, главным образом, среди сельского населения [4]. Соответственно, формируется давление, предопределяющее и миграцию из села в город (пригород), и за пределы республики.

Республику Саха (Якутия) в 1991 г. покинули 49146 человек, а прибыли 38782 человек. На протяжении всего последующего десятилетия количество уезжающих превышало количество приезжающих в 1,5–2 раза. К 2001 г. эти показатели составили 31322 и 24367 человек соответственно. В первой половине 2000-х гг. ситуация несколько сгладилась, хотя, конечно, исходящий поток мигрантов по-прежнему преобладал над входящим. Но с 2008 г. разрыв между этими показателями снова увеличился до критических значений, в 2010 г. из республики уехали 21330 человек, приехали – 13723. В 2010-е гг. цифры колебались в пределах 35445–44650 уезжавших и 24952–39519 прибывших человек в год (табл. 3).

Здесь причина оттока была несколько иной. В 60-е – 70-е годы XX в. под знаменем освоения Севера шло активное заселение южной части республики. Возникали многочисленные рабочие посёлки горняков и леспромхозы. Сворачивание или, по крайней мере, сокращение этой деятельности, переход на "вахтовую" модель с привлечением в том числе иностранных мигрантов [7, с. 86–87] привели к относительному дефициту рабочих мест для постоянного населения, что и породило социальное и экономическое напряжение, выступившее фактором выталкивания.

Забайкальский край в целом укладывается в общие миграционные тенденции Дальнего Востока. С 1991 по 2000 гг. число уехавших из региона снизилось с 53130 до 32330 человек в год, число приехавших с 45246 до 25736 человек в год. В первое десятилетие XX в. нисходящий тренд сохранился, и количество отбывших / прибывших сократилось с 30153 / 23972 человек в 2001 г. до 24057 / 18462 в 2010 г. В первой половине 2010-х (помним об изменении порядка цифр из-за смены методологии) наблюдался небольшой рост миграционной активности в крае – с 34605 выехавших и 24523 заехавших в 2011 г. до 36765 и 28875 соответственно в 2015 г. К концу исследуемого отрезка показатели вновь снизились и в 2022 г. составили 27924 уезжавших, 22613 человек прибывших (табл. 4).

Однако причины оттока здесь несколько отличны от предшествующих территорий. Сворачивание военной инфраструктуры, с которой было связана деятельность значительной части населения, ликвидация ЗаБВО, привели к сокращению рабочих мест. Как поэтично обозначил территорию в приватной беседе иркутский исследователь В.И. Дятлов, "Читинская область – офицер-

ская вдова". Более подробно о структуре миграции на территории Забайкальского края см. [1].

Наиболее активным был отток из Магаданской области, Камчатки и Сахалина – наиболее периферийных частей региона. Последнее определялось и спецификой их заселения, ориентированным на временное пребывание населением (законтрактрованными рабочими, военнослужащими) [19].

Магаданская область отличается сильной миграционной убылью населения. Причем такая ситуация наблюдалась в регионе не только в переходные 1990-е гг., но и на протяжении всех 2000-х, вплоть до середины 2010-х. Количество покидающих регион превышало прибывающих в 1,5, 2, бывало, что и в 3 раза. Для сведения: в 1994 г. из области уехало 36466 человек, приехало 8498 человек, в 2004 г. уехало 7966 человек, приехало – 4611, в 2014 г. уехало – 7760, приехало – 5073. О каком-то позитивном тренде можно говорить с 2016-2018 гг., когда росло не только число покинувших регион, но и число вновь прибывших. В 2016 г. мы наблюдаем численность убывших на уровне 8152 человек, въехавших – 6394 человек. К 2022 г. это уже 6250 и 5403 человек соответственно (табл. 5).

На протяжении 1990-х и 2000-х гг. Камчатский край терял население. В 1992 г. из региона уехало 20195 человек, приехало 10790 человек. В 2002 г. выехавших и въехавших было 7911 и 4976 человек соответственно. В 2012 г. покинуло край 11480 человек, прибыло 7513 человек. Т. е. на протяжении этих двадцати лет исходящий поток мигрантов постоянно превышал входящий в 1,5, а то и в 2 раза, также, как и в ситуации с Якутией. Ситуация начала выправляться только к середине 2010-х, а в 2020-х мы видим и вовсе сопоставимые потоки на въезд и выезд. Например, в 2022 г. с территории выбыло 10106 человек, а прибыло 9623 человек (табл. 6).

С 1993 г. в Сахалинской области наблюдалось превышение исходящего миграционного потока над входящим в 1,5–2 раза. Такая ситуация сохранялась в регионе вплоть до 2010-х. Но количество перемещающихся, как на въезд, так и на выезд с течением времени снижалось. В 1993 г. область оставили 22489 человек, прибыли 14874 человек. В 2002 г. эти показатели составили 12723 и 8981 человек соответственно. В 2010 г. уехали 9721 человек, приехали – 6466. С 2011 г. встречные миграционные потоки становятся более сопоставимы количественно, и мы видим некоторый рост активности, характерный для всех регионов ДВ в этот период, который, впрочем, нивелируется к концу десятилетия. В 2011 г. регион покинули 16972 человек, въехали 14490 человек. В 2016 г. выбыли 20980 человек, прибыли 19462 человека. В 2022 г. данные показывают 13840 уехавших и 11995 приехавших (табл. 7).

Стоит отметить сходство миграционных процессов в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. В этих трёх географически и климатически близких региона распад социально-экономической структуры, связанной с ВПК, вызывает резкий спад, постепенно затухающий к настоящему времени. Государственные проекты, реализуемые здесь, вызывают приток населения [18].

Приморский край – ещё один регион ДВ, активно включённый в миграционные процессы, при этом с приблизительно равными исходящим и входящим потоками переселенцев. В 1991 г. выбыло 87457 человек, прибыло – 81435 человек. Вплоть до 2011 г. цифры постепенно снижались, в 2010 г. составив 30687 человек, покинувших край, и 23201 человек приехавших. Последующее десятилетие было довольно неоднородным. С 2011 по 2013 гг. (по 2014 г. для въезжающих) численность мигрантов росла, с 2014 (2015) по 2016 гг. снижалась, в 2017–2018 гг. вновь наблюдается рост, 2019–2020 гг. – снижение. Но в конечном итоге показатели изменились с 69661 уехавших и 63491 заехавших в 2012 г. до 61205 и 56642 в 2022 г. соответственно (табл. 8).

Миграционные процессы Хабаровского края глобально схожи с регионам-соседом. С начала 1990-х до конца 2000-х гг. число как уезжающих, так и приезжающих уменьшалось. Порядок цифр: в 1991 г. выбыло 66640 человек, прибыло 64281 человек, в 2010 г. уехало 23538, приехало 20568 человек. Весь период мы наблюдаем численно сопоставимые потоки миграции, а в 2003 г. количество въехавших на территорию края людей (26784) даже превысило количество выехавших (26088). Первая половина 2010-х гг. характеризуется возросшей миграционной активностью – пик её пришелся на 2013 г. с 53889

прибывших и 51250 выбывших. А к концу десятилетия показатели снова пошли на спад. В 2022 г. из региона уехало 40911 человек, а приехало 37778 человек (табл. 9).

Миграция населения в Амурской области существует в той же цикличности, что у Приморского и Хабаровского краёв. С 1991 по 2010 гг. число уехавших снизилось с 53410 до 18828 человек в год, число приехавших с 51453 до 15181 человек в год. В последующий период динамика миграции изменялась для выбывших от 28672 человек в 2011 г., через подъём к 31756 человек в 2013 г., с последующим спадом до 25174 в 2022 г.; для прибывших с 22426 человек в 2011 г., локальный пик пришелся на 2018 г. в количестве 26939 человек, в 2022 г. произошло снижение к 23035 чел (табл. 10).

Еврейская автономная область – уникальный регион в миграционном смысле. На протяжении всех 1990–2000-х гг. в АО наблюдалось значительное преобладание числа въезжающих над выезжающими, или как минимум их равенство. Например, в 1993 г. оттуда уехало 4760 человек, а приехало 7041 человек. В 2001 г. регион покинуло 4874 человек, прибыло – 4931 человек. В 2009 г. цифры составили 3069 и 2948 человек соответственно. Т.е. в то время, как со всего Дальнего Востока больше людей уезжает, чем приезжает (тем более в не самые спокойные времена), в ЕАО входящий миграционный поток превышает исходящий. Но уже в 2010-х гг. ситуация в субъекте становится типичной для ДВ – уезжающих становится больше. В 2011 г. выехали 6150 человек, приехали 4415 человек. В 2022 г. данные говорят о 4825 выбывших и 3620 прибывших (табл. 11).

Чукотский автономный округ – территория парадоксов. В 1993–1994 гг. там наблюдалось преобладание прибывающих мигрантов над выбывающими. С 1995 г. всё кардинально поменялось в сторону значительной убыли населения – в 2–3 раза ежегодно. Относительное затишье в 2005–2006 гг., затем новая волна отъездов. Ситуация немного сгладилась только к 2010-м гг. и в целом стала укладываться в общую картину миграций на ДВ РФ. В 2012 г. из АО уехало 4147 человек, приехало – 3797 человек. В 2017 г. регион покинуло 4943 человек, въехало – 4281 человек. В 2021 г. выбыло – 4576, прибыло – 4558 человек. Но в 2011, 2018 и 2022 гг. вновь наблюдалось превышения числа въезжающих на выезжающими (табл. 12).

Таким образом, общей чертой большей части территорий Дальнего Востока России (в границах ДФО) является сокращающийся, но сохраняющийся отток населения. По разным причинам, о которых мы упоминали выше, здесь в 90-е годы сложился недостаток рабочих мест, сокращение объёма льгот, деградация социальной инфраструктуры, выступающие факторами выталкивания. Вместе с тем, сохранение связей с точкой исхода (большая часть населения прибыла в регион в 60-е-80-е годы) облегчала миграцию. Этот фактор, возникший после распада СССР, к настоящему времени постепенно сходит на нет. Однако отток из региона сохраняется, хотя и существенно сокращается в сравнении с 90-ми годами. Остаются и миграции внутри Дальнего Востока. Обозначим их направления.

(продолжение следует).

Литература

1. Ананьина Д. А., Кондакова Н. С. Миграционные тренды в Забайкалье: ретроспективный анализ // Народонаселение. 2024. № 2 (27). С. 165–178.
2. Бляхер Л. Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. С. 102–118.
3. Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Москва: Европа, 2014. 208 с.
4. Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В. Демографический переход бурят Республики Бурятия в 1959–2010 гг. // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 183–197.
5. Зайончковская Ж. А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 1–15.
6. Ивахнюк И. В. В чем причина неэффективности российской миграционной политики? - Ответ искать в истории // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. № 2 (2). С. 113–120.

Табл. 1. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях на Дальнем Востоке в 1991–2022 гг.
Table 1. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Far East, 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	423657	376020	- 47637	2007	182992	152090	- 30902
1992	389782	313789	- 75993	2008	181148	147725	- 33423
1993	337195	254492	- 82703	2009	155224	126697	- 28527
1994	381194	263501	- 117693	2010	168872	129395	- 39477
1995	381709	273918	- 107791	2011	271046	223821	- 47225
1996	322672	244461	- 78211	2012	316410	266845	- 49565
1997	298581	220768	- 77813	2013	330441	277558	- 52883
1998	288858	211733	- 77125	2014	323181	277760	- 45421
1999	271657	203841	- 67816	2015	327973	284594	- 43379
2000	238574	191278	- 47296	2016	321427	285632	- 35795
2001	215850	173559	- 42291	2017	324258	289141	- 35117
2002	206878	168449	- 38429	2018	328358	291663	- 36695
2003	202489	169550	- 32939	2019	306718	280656	- 26062
2004	184168	153948	- 30220	2020	267846	246823	- 21023
2005	176589	146823	- 29766	2021	285904	258669	- 27235
2006	180180	148632	- 31548	2022	275055	250623	- 24432

Источник: составлено авторами на основе сводных данных, предоставленных ФГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 2. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Республики Бурятия в 1991–2022 гг.
Table 2. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Republic of Buryatia in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	38356	36730	- 1626	2007	28119	25084	- 3035
1992	35528	32317	- 3211	2008	26033	23116	- 2917
1993	28259	25391	- 2868	2009	22810	20962	- 1848
1994	28812	28512	- 300	2010	23317	19873	- 3444
1995	29961	28352	- 1609	2011	34649	29886	- 4763
1996	28037	24711	- 3326	2012	39577	34784	- 4793
1997	26296	20893	- 5403	2013	40964	36942	- 4022
1998	25530	20267	- 5263	2014	41630	39551	- 2079
1999	24550	19889	- 4661	2015	45131	42458	- 2673
2000	23645	19495	- 4150	2016	46285	42579	- 3706
2001	22309	17357	- 4952	2017	43256	40119	- 3137
2002	21416	16962	- 4454	2018	44922	40760	- 4162
2003	21462	17844	- 3618	2019	43546	42374	- 1172
2004	22916	19267	- 3649	2020	38657	37776	- 881
2005	23016	18758	- 4258	2021	42382	39831	- 2551
2006	26854	23220	- 3634	2022	39345	37348	- 1997

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 3. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Республики Саха (Якутия) в 1991–2022 гг.
Table 3. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Republic of Sakha (Yakutia) in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	49146	38782	- 10364	2007	30283	24189	- 6094
1992	45008	32819	- 12189	2008	28153	19914	- 8239
1993	40927	26384	- 14543	2009	21637	14032	- 7605
1994	51846	23675	- 28171	2010	21330	13723	- 7607
1995	44421	24807	- 19614	2011	35445	24952	- 10493
1996	36984	23439	- 13545	2012	40940	31655	- 9285
1997	36992	20590	- 16402	2013	41786	32167	- 9619
1998	39627	21509	- 18118	2014	37747	30755	- 6992
1999	39030	24812	- 14218	2015	41232	35430	- 5802
2000	33505	26273	- 7232	2016	40149	35339	- 4810
2001	31322	24367	- 6955	2017	44650	39519	- 5131
2002	26933	21101	- 5832	2018	44404	39226	- 5178
2003	25382	20887	- 4495	2019	40311	36098	- 4213
2004	23979	19671	- 4308	2020	35810	33178	- 2632
2005	23634	18410	- 5224	2021	42801	39495	- 3306
2006	25822	20364	- 5458	2022	40773	37745	- 3028

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 4. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Забайкальского края в 1991–2022 гг.
Table 4. Dynamics of the number of incoming and outgoing population in interregional migration in Zabaikalsky region in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	53130	45246	- 7884	2007	22221	17930	- 4291
1992	47274	40521	- 6753	2008	23117	18821	- 4296
1993	38659	32421	- 6238	2009	22723	19015	- 3708
1994	42396	33604	- 8792	2010	24057	18462	- 5595
1995	44181	34821	- 9360	2011	34605	24523	- 10082
1996	39644	31022	- 8622	2012	35237	26514	- 8723
1997	35617	26793	- 8824	2013	35526	25969	- 9557
1998	34895	26311	- 8584	2014	35795	28127	- 7668
1999	33837	27653	- 6184	2015	36765	28875	- 7890
2000	32330	25736	- 6594	2016	34067	27246	- 6821
2001	30153	23972	- 6181	2017	35112	27498	- 7614
2002	28835	22314	- 6521	2018	36173	28745	- 7428
2003	26049	21036	- 5013	2019	34091	28315	- 5776
2004	23345	18852	- 4493	2020	28466	24385	- 4081
2005	21173	17930	- 3243	2021	29421	23763	- 5658
2006	22988	18615	- 4373	2022	27924	22613	- 5311

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 5. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Магаданской области в 1991–2022 гг.
Table 5. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in Magadan Oblast in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	31400	18296	- 13104	2007	5944	3490	- 2454
1992	39270	14578	- 24692	2008	5741	3128	- 2613
1993	31614	8059	- 23555	2009	4662	2855	- 1807
1994	36466	8498	- 27968	2010	4776	2785	- 1991
1995	29559	9125	- 20434	2011	7497	5283	- 2214
1996	20486	8683	- 11803	2012	8379	5927	- 2452
1997	14243	7888	- 6355	2013	8164	5786	- 2378
1998	13950	7876	- 6074	2014	7760	5073	- 2687
1999	13870	7565	- 6305	2015	7325	4678	- 2647
2000	11848	6643	- 5205	2016	8152	6394	- 1758
2001	9755	5905	- 3850	2017	8401	6807	- 1594
2002	9280	5961	- 3319	2018	8707	6629	- 2078
2003	8551	5257	- 3294	2019	7757	6240	- 1517
2004	7966	4611	- 3355	2020	6496	5552	- 944
2005	7432	4670	- 2762	2021	6649	5649	- 1000
2006	6713	3975	- 2738	2022	6250	5403	- 847

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 6. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Камчатского края в 1991–2022 гг.
Table 6. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in Kamchatka Krai in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	17980	14084	- 3896	2007	7090	5185	- 1905
1992	20195	10790	- 9405	2008	7594	4989	- 2605
1993	20956	7285	- 13671	2009	6448	4515	- 1933
1994	23432	8219	- 15213	2010	6919	4985	- 1934
1995	22165	9823	- 12342	2011	9756	5737	- 4019
1996	16928	8562	- 8366	2012	11480	7513	- 3967
1997	15147	7902	- 7245	2013	13230	9755	- 3475
1998	13381	6756	- 6625	2014	12681	9428	- 3253
1999	11966	5628	- 6338	2015	12390	9661	- 2729
2000	9438	5088	- 4350	2016	11764	9136	- 2628
2001	8057	4917	- 3140	2017	11456	8823	- 2633
2002	7911	4976	- 2935	2018	12211	9452	- 2759
2003	8188	5467	- 2721	2019	11345	10481	- 864
2004	6617	4355	- 2262	2020	10398	9898	- 500
2005	6472	4111	- 2361	2021	10638	10155	- 483
2006	6659	4547	- 2112	2022	10106	9623	- 483

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 7. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Сахалинской области в 1991–2022 гг.
Table 7. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in Sakhalin Oblast in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	26138	25713	- 425	2007	9681	7372	- 2309
1992	22632	20821	- 1811	2008	11843	8112	- 3731
1993	22489	14874	- 7615	2009	9257	6414	- 2843
1994	28142	13957	- 14185	2010	9721	6466	- 3255
1995	35386	16459	- 18927	2011	16972	14490	- 2482
1996	26638	15445	- 11193	2012	20979	18239	- 2740
1997	24409	13082	- 11327	2013	21160	17719	- 3441
1998	23013	13259	- 9754	2014	21643	18268	- 3375
1999	19507	12383	- 7124	2015	21374	18741	- 2633
2000	16346	11826	- 4520	2016	20980	19462	- 1518
2001	12845	9268	- 3577	2017	20790	20748	- 42
2002	12723	8981	- 3742	2018	20769	19383	- 1386
2003	12247	8288	- 3959	2019	17439	14818	- 2621
2004	10499	7318	- 3181	2020	15661	14931	- 730
2005	9868	6881	- 2987	2021	14852	11564	- 3288
2006	10187	7061	- 3126	2022	13840	11995	- 1845

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 8. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Приморского края в 1991–2022 гг.
Table 8. Dynamics of the number of incoming and outgoing population in interregional migration in Primorsky Krai in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	87457	81435	- 6022	2007	30398	25249	- 5149
1992	73248	69467	- 3781	2008	29982	26628	- 3354
1993	63830	57417	- 6413	2009	26446	22706	- 3740
1994	70340	61741	- 8599	2010	30687	23201	- 7486
1995	74553	63791	- 10762	2011	57203	51799	- 5404
1996	65544	57697	- 7847	2012	69661	63491	- 6170
1997	60625	52322	- 8303	2013	72498	63689	- 8809
1998	56738	48956	- 7782	2014	71637	65459	- 6178
1999	50835	42161	- 8674	2015	70520	65323	- 5197
2000	41496	35353	- 6143	2016	69371	64919	- 4452
2001	37326	30009	- 7317	2017	71041	66095	- 4946
2002	37517	31944	- 5573	2018	72937	68152	- 4785
2003	36881	31167	- 5714	2019	69323	66496	- 2827
2004	33104	27968	- 5136	2020	60244	57464	- 2780
2005	28951	24002	- 4949	2021	63851	59652	- 4199
2006	30425	25475	- 4950	2022	61205	56642	- 4563

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 9. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Хабаровского края в 1991–2022 гг.
Table 9. Dynamics of the number of incoming and outgoing population in interregional migration in Khabarovsk Krai in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	66640	64281	- 2359	2007	23665	22053	- 1612
1992	58748	50658	- 8090	2008	23330	21997	- 1333
1993	45114	36057	- 9057	2009	19785	18613	- 1172
1994	48263	38233	- 10030	2010	23538	20568	- 2970
1995	49389	37921	- 11468	2011	37158	37096	- 62
1996	41854	33380	- 8474	2012	49974	45213	- 4761
1997	38793	33999	- 4794	2013	53889	51250	- 2639
1998	36830	31442	- 5388	2014	52827	46968	- 5859
1999	34427	28674	- 5753	2015	51479	44638	- 6841
2000	29770	27905	- 1865	2016	50042	45589	- 4453
2001	27323	25841	- 1482	2017	48781	44628	- 4153
2002	25370	24317	- 1053	2018	47950	43780	- 4170
2003	26088	26784	+ 696	2019	45413	42148	- 3265
2004	23393	23315	- 78	2020	38386	33064	- 5322
2005	22582	22279	- 303	2021	42289	40051	- 2238
2006	22812	21392	- 1420	2022	40911	37778	- 3133

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 10. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Амурской области в 1991–2022 гг.
Table 10. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Amur Oblast in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	53410	51453	- 1957	2007	20332	16611	- 3721
1992	47879	41818	- 6061	2008	19825	16378	- 3447
1993	38857	35831	- 3026	2009	16651	13932	- 2719
1994	43320	36848	- 6472	2010	18828	15181	- 3647
1995	42601	38882	- 3719	2011	28672	22426	- 6246
1996	37119	32224	- 4895	2012	29571	24833	- 4738
1997	34642	29185	- 5457	2013	31756	25621	- 6135
1998	33494	27625	- 5869	2014	30587	25604	- 4983
1999	32914	27794	- 5120	2015	30304	26132	- 4172
2000	30227	26309	- 3918	2016	29650	26270	- 3380
2001	28802	25367	- 3435	2017	29853	26601	- 3252
2002	28886	25607	- 3279	2018	30105	26939	- 3166
2003	29854	27064	- 2790	2019	27122	24626	- 2496
2004	26354	23731	- 2623	2020	24617	23064	- 1553
2005	27032	24864	- 2168	2021	23555	20455	- 3100
2006	22042	18871	- 3171	2022	25174	23035	- 2139

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 11. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Еврейской автономной области в 1991–2022 гг.
Table 11. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Jewish Autonomous Region in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1993	4760	7041	+ 2281	2007	3758	3894	+ 136
1994	5386	7112	+ 1726	2008	3876	3907	+ 31
1995	5290	6709	+ 1419	2009	3069	2948	- 121
1996	5268	6720	+ 1452	2010	3993	3342	- 651
1997	5896	5937	+ 41	2011	6150	4415	- 1735
1998	5683	5653	- 30	2012	6465	4879	- 1586
1999	5582	5666	+ 84	2013	6462	4266	- 2196
2000	5317	5107	210	2014	5913	3980	- 1933
2001	4874	4931	+ 57	2015	6511	4423	- 2088
2002	4473	4442	- 31	2016	6174	4499	- 1675
2003	4482	4318	- 164	2017	5975	4022	- 1953
2004	3777	3568	- 209	2018	5091	3322	- 1769
2005	4766	3659	- 1107	2019	5045	3944	- 1101
2006	4127	3855	- 272	2020	4136	3428	- 708
2005	176589	146823	+ 29766	2021	4890	3496	- 1394
2006	180180	148632	+ 31548	2022	4825	3620	- 1205

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 12. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Чукотского автономного округа в 1991–2022 гг.
Table 12. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration of the Chukotka Autonomous Okrug in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1993	1730	3732	+ 2002	2007	1501	1033	- 468
1994	2791	3102	+ 311	2008	1654	735	- 919
1995	4203	3228	- 975	2009	1736	705	- 1031
1996	4170	2578	- 1592	2010	1706	809	- 897
1997	5921	2177	- 3744	2011	2939	3214	+ 275
1998	5717	2079	- 3638	2012	4147	3797	- 350
1999	5139	1616	- 3523	2013	5006	4394	- 612
2000	4652	1543	- 3109	2014	4961	4547	- 414
2001	3084	1625	- 1459	2015	4942	4235	- 707
2002	3534	1844	- 1690	2016	4793	4199	- 594
2003	3305	1438	- 1867	2017	4943	4281	- 662
2004	2218	1292	- 926	2018	5089	5275	+ 186
2005	1663	1259	- 404	2019	5326	5116	- 210
2006	1551	1257	- 294	2020	4975	4083	- 892
2005	23016	18758	- 4258	2021	4576	4558	- 18
2006	26854	23220	- 3634	2022	4702	4821	+ 119

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

7. Игнатъева В. Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 86–95.
8. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / Ред. А. И. Крушанов. М.: Наука, 1991. 469 с.
9. Ковалевский А. В. "Невидимые" пространства и социальные группы городов востока России: на примере города Хабаровска (социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук / С. А. Ковалевский. Хабаровск. 2023. 190 с.
10. Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3 (54). С. 120–127.
11. Кордонский С. Г., Дехант Д. К. Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти // Микроэкономика. 2014. № 6. С. 52–58.
12. Ларин В. Л. Новая геополитика для Восточной Евразии / Тихоокеанская Россия снова на периферии // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. URL <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-geopolitika-dlya-vostochnoj-evrazii/> (дата обращения: 04.09.2024).
13. Мартынов В. С. Внутренние миграции как "слепое пятно" российской экономической политики // Современная Россия и мир: альтернативы развития 2014. URL <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2584> (дата обращения: 04.09.2024).
14. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. 2023. № 3 (10). С. 21–42.
15. Мкртчян Н. В. "Западный дрейф" внутрироссийской миграции // Журнальный зал. 2023. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2023/11/zapadnyj-drej-f-vnutrirossijskoj-migratsii.html> (дата обращения: 04.09.2024).
16. Мкртчян Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порождённые изменением методики учёта в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. № 1 (7). С. 83–99.
17. Мотрич Е. Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. № 3 (18). С. 6–14.
18. Рыбаковский Л. Л. и др. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность. Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 1999. 170 с.
19. Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России // Народонаселение. 2020. № 4 (23). С. 153–160.
20. Glick Schiller N., Wimmer A. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and The Social Sciences // Global Networks. 2002. № 2. P. 301–334.
21. Ortner S. B. Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History. 1984. № 26. P. 126–166. URL <http://www.jstor.org/stable/178524> (дата обращения: 04.09.2024).
22. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 48. P. 167–235.
23. Zipf G. K. Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, (Mass.): Addison-Wesley, 1949. 573 p.

References

1. Ananyina D. A., Kondakova N. S. Migration Trends in Transbaikalia: Retrospective Analysis // Population. 2024. No. 2 (27). P. 165–178. (In Russ.).
2. Blyakher L. E. The Russian Far East: In Search of Political Identification // Political Science. 2005. No. 3. P. 102–118. (In Russ.).
3. Blyakher L. E. The Art of Uncontrolled Life. Moscow: Europa, 2014. 208 p. (In Russ.).
4. Dashinamzhirov O. B., Lygdenova V. V. Demographic Transition of the Buryats of the Republic of Buryatia in 1959–2010 // Ethnographic Review. 2019. No. 3. P. 183–197. (In Russ.).
5. Zayonchkovskaya Zh. A. Population Migration in the USSR and Russia in the 20th Century: Evolution Through Cataclysms // Forecasting Problems. 2000. No. 4. P. 1–15. (In Russ.).
6. Ivakhnyuk I. V. What Is the Cause of the Ineffectiveness of Russian Migration Policy? - The Answer Is to Be Sought in History // Migration and Socio-Economic Development. 2017. No. 2 (2). P. 113–120. (In Russ.).
7. Ignatyeva V. B. Labor Migrants in Yakutia: Integration versus Exclusion? Results of Sociological Research and Expectations of the Host Society // Northeast Humanitarian Bulletin. 2017. No. 4 (21). P. 86–95. (In Russ.).
8. History of the Far East of the USSR in the Era of Feudalism and Capitalism (17th Century – February 1917) / Ed. A. I. Krushanova. M.: Nauka, 1991. 469 p. (In Russ.).
9. Kovalevsky A. V. "Invisible" Spaces and Social Groups in the Cities of Eastern Russia: The Case of Khabarovsk (Sociological Analysis): Dissertation ... Candidate of Sociological Sciences / S. A. Kovalevsky. Khabarovsk. 2023. 190 p. (In Russ.).

10. Kovalevsky A. V., Blyakher L. E. Far Eastern Migration: Features of Interpretation Using the Khabarovsk Region as a Case Study // *Ojkumena. Regional Researches*. 2020. No. 3 (54). P. 120–127. (In Russ.).
11. Kordonsky S. G., Dechant D. K. Neutralizing Threats as a Form of Government Activity // *Micro-economics*. 2014. No. 6. P. 52–58. (In Russ.).
12. Larin V. L. New Geopolitics for Eastern Eurasia / Pacific Russia Back on the Periphery // *Russia in Global Affairs*. 2018. No. 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-geopolitika-dlya-vostochnoj-evrazii/> (accessed: 04.09.2024).
13. Martyanyov V. S. Internal Migrations as a "Blind Spot" of Russian Economic Policy // *Modern Russia and the World: Alternatives for Development*. 2014. URL: <http://ashpi.asu.ru/icc/?p=2584> (accessed: 04.09.2024). (In Russ.).
14. Mkrtychyan N. V. Internal Migration in Russia in the 2010s – Macregional Features // *Demographic Review*. 2023. No. 3 (10). P. 21–42. (In Russ.).
15. Mkrtychyan N. V. "Western Drift" of Internal Russian Migration // *Journal Hall*. 2023. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2023/11/zapadnyj-drejf-vnutrirossijskoj-migratsii.html> (accessed: 04.09.2024). (In Russ.).
16. Mkrtychyan N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Arising from the Change in Accounting Methodology in 2011 // *Demographic Review*. 2020. No. 1 (7). P. 83–99. (In Russ.).
17. Motrich E. L. The Role of Migration in the Dynamics of Population Numbers and Composition in the Far Eastern Federal District // *Regional Problems*. 2015. No. 3 (18). P. 6–14. (In Russ.).
18. Rybakovsky L. L. et al. Migration Situation in the Far East: History and Modernity. Moscow: RIC ISPI RAS, 1999. 170 p.
19. Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Demographic Problems of Geostrategic Territories of the Russian Far East // *Population*. 2020. No. 4 (23). P. 153–160. (In Russ.).
20. Glick Schiller N., Wimmer A. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and The Social Sciences // *Global Networks*. 2002. № 2. P. 301–334.
21. Ortner S. B. Theory in Anthropology since the Sixties // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. №26. P. 126–166. URL <http://www.jstor.org/stable/178524> (accessed 04.09.2024).
22. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. № 48. P. 167–235.
23. Zipf G. K. Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, (Mass.): Addison–Wesley, 1949. 573 p.

Информация об авторах

Мария Вячеславовна Садловская, канд. соц. наук, доцент Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 008710@pnu.edu.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, канд. соц. наук, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований социального капитала Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Information about the authors

Maria V. Sadlovskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 008710@pnu.edu.ru

Andrey V. Kovalevskii, Candidate of Sociology, Head of the Laboratory of Interdisciplinary Studies of Social Capital, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Поступила в редакцию 05.08.2023

Одобрена после рецензирования 15.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 05.08.2023

Approved 15.11.2024

Accepted 27.11.2024

Этнические ценности и их влияние на стратегии этносоциального поведения метисов (на материалах Республики Хакасия)

Елена Евгеньевна Тиникова
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия, vinokurova77@mail.ru

Аннотация: В представленной статье основное внимание уделено тому, чтобы выявить, какое влияние оказывают этнические ценности на стратегии этносоциального поведения метисов Хакасии в условиях современного общественного развития. Работа выполнена на основе комплексного подхода с опорой на статистические данные, вторичный социологический анализ. Также использованы опросные методы (анкетный опрос, неформализованное интервью). В ходе исследования были выявлены основные социально-демографические характеристики метисов Хакасии, определены их основные этнические ценности с учётом маркеров этнической идентичности, описаны основные стратегии этносоциального поведения. Это, в какой-то мере, позволяет расширить представления о месте и роли метисов в межнациональном пространстве Хакасии, что в перспективе может способствовать выработке оптимальной региональной концепции развития этносоциальных процессов, а также комплекса мероприятий по сохранению хакасского языка и культуры.

Ключевые слова: этнические ценности, этническая идентичность, этносоциальные процессы, поведенческие стратегии, метисы, Республика Хакасия

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-10040, <https://rscf.ru/project/23-28-10040/>

Для цитирования: Тиникова Е. Е., Винокурова А. В. Этнические ценности и их влияние на стратегии этносоциального поведения метисов (на материалах Республики Хакасия) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 109–120. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/109-120>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/109-120>

Ethnic values and their influence on mestizos' ethnosocial behavioral strategies (Republic of Khakassia case)

Elena E. Tinikova
Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, vinokurova77@mail.ru

Abstract: The purpose of the article is to identify the influence of ethnic values on the strategies of ethnosocial behavior of mestizos of Khakassia in the context of contemporary social development. The study is based on an integrated approach relying on statistical data, secondary sociological analysis. Survey methods (questionnaire, informal interview) were also used. In the course of the study, the main socio-demographic characteristics of the mestizos of Khakassia were identified, their main ethnic values were determined taking into account the markers of ethnic identity, and the main strategies of ethnosocial behavior were described. The research we have undertaken allows us to expand our understanding of the place and role of mestizos in the interethnic space of Khakassia, which in the long term may contribute to the development of an optimal regional concept for the development of ethnosocial processes, as well as a set of measures to preserve the Khakass language and culture.

Key words: ethnic values, ethnic identity, ethnosocial processes, behavioral strategies, mestizos, Republic of Khakassia

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-10040, <https://rscf.ru/project/23-28-10040/>

For citation: Tinikova E. E., Vinokurova A. V. Ethnic values and their influence on mestizos' ethnosocial behavioral strategies (Republic of Khakassia case) // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 109–120. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/109-120>

Введение

В современных российских реалиях национально-смешанная семья представляет собой привычное явление. В условиях добрососедства народов России при активной заинтересованности со стороны государства, что особенно ярко проявлялось в советский период, в формировании единой нации количество межэтнических браков росло. Соответственно, становилась всё более

заметна та роль, которую они играли в развитии различных социальных процессов, в частности, выступали главными акторами социализации метисов – детей, рожденных в подобных браках.

Это в полной мере относится и к Республике Хакасия (РХ). Здесь необходимо обратить внимание на то, что Всероссийская перепись населения 2020 г. зафиксировала значительные изменения в национальном составе населения Хакасии. За межпереписной десятилетний период (с 2010 по 2020 гг.) численность хакасов, проживающих в республике, снизилась на 13,4% (с 63,6 тыс. чел. до 55,1 тыс. чел.) [10]. Опасения вызывает не просто снижение численности хакасов в регионе, а невысокая доля в общей массе населения. Метисация в этом случае может выступать как фактор возможной ассимиляции коренного населения Хакасии.

При этом сведения, характеризующие ситуацию относительно числа национально-смешанных семей, очень сильно различаются, варьируются. По оценкам В.Г. Костюка и Г.С. Гончаровой 19,2% всех семей Хакасии в 1989 г. были этнически смешанными, в 2010 г. этот показатель снизился до 14,8% [12, с. 108]. По расчётам В.П. Кривоногова доля смешанных семей значительно выше. В 2007 г. в сёлах по данным похозяйственных книг их число составило 26,3%, в городах в 2008–2009 гг. по 5-процентной выборке – 28,3% [13, с. 11]. Опубликованные результаты переписи населения 2020 г. позволяют судить лишь о таком косвенном показателе распространённости смешанных браков как количество частных домохозяйств, в которых все члены указали разную национальную принадлежность. Доля таковых в республике составила 7,6% от общего числа частных домохозяйств. В сельской местности их количество выше, чем в городе: 11,7% против 5,7% [21]. В национально-смешанных семьях проблемы сохранения общественных, в том числе и этнических ценностей, являются более значимыми и ощущаются острее, чем в моноэтнических семьях.

Различные аспекты изучения процессов инкультурации в межэтнических семьях представлены в работах российских авторов на материалах различных национальных субъектов РФ. В частности, в исследованиях, проведённых в Республике Башкортостан, отмечается, что для подростков из национально-смешанных семей по большей части характерна позитивная этническая идентичность, заключающаяся в стремлении сохранять и поддерживать традиции как материнского, так и отцовского этноса, также респонденты продемонстрировали желание познавать другие культуры [9]. У представителей молодёжных метисных сообществ Республики Бурятия наблюдаются как ситуативные стратегии в плане определения своей этнической идентичности, так и выбор конкретной национальной принадлежности (например, либо русский, либо бурят) и переход к гражданской идентичности (россиянин) [7].

В Хакасии в течение нескольких лет под руководством К. И. Султанбаевой осуществлялось исследование, касающееся влияния систем семейного воспитания современных диаспор на социальное благополучие и образование детей Хакасии и соседних регионов, которое в том числе затрагивало проблемы воспитания в современной хакасской семье. По мнению авторов, главное – естественное приобщение детей к основам родной культуры с использованием широкого спектра народных средств: родного языка, фольклора, музыки, общения, традиций, уклада жизни, труда и религии [6].

Вместе с тем проблема усвоения хакасских этнических ценностей в национально-смешанных семьях и степень их влияния на поведенческие стратегии людей, рождённых в этих семьях, изучена недостаточно. Восполнить недостаток сведений в этой области призвана настоящая статья, основной целевой установкой которой является попытка дать характеристику этническим ценностям с позиции их влияния на выбор стратегий этносоциального поведения метисов. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих основных задач: охарактеризовать социально-демографический портрет метисов Хакасии; выявить наиболее значимые для них этнические ценности и маркеры этнической идентичности; определить основные стратегии этносоциального поведения метисов.

Материалы и методы

В качестве теоретической основы нашего исследования был взят концепт "этнические ценности", достаточно хорошо описанный как в классических, так и в современных научных трудах зарубежных и российских авторов через призму антропологического, социологического, культурологического подходов [2; 3; 4; 8; 22; 23]. В целом, здесь прослеживается взаимосвязь между человеком как носителем определённой системы этнических ценностей; этнической общностью, представляющей совокупность этносоциальных групп; и культурой этноса, которая позволяет фиксировать предметный и символический мир (традиции, обычаи и пр.), показывает, как осуществляется преемственность и трансформация этнических ценностей.

Исходя из этого, под этническими ценностями в самом общем смысле мы будем понимать "совокупность элементов этнокультурного бытования, тех культурных традиций этноса, которые выделяются самим этносом в качестве наиболее специфичных, маркирующих его историческое и культурное своеобразие черт" [20, с. 392].

Такая "оптика" позволит нам соединить концептуальную глубину и эмпирическую детализацию. Исследование было выполнено с применением количественно-качественной методологии с опорой на опросные методы.

Во-первых, была проведена серия неформализованных интервью с метисами первого и второго поколения, проживающими в городских и сельских населённых пунктах Хакасии. Полевые работы проводились осенью 2023 г., всего было проведено 26 интервью с метисами (n=26). Основные характеристики информантов можно представить следующим образом (табл. 1).

Информанты из числа метисов рекрутировались несколькими методами, через личные связи и знакомства авторов, а также методом "холодного" контакта в различных локациях (в торговых центрах, кафе и других общественных пространствах). Далее был использован метод "снежного кома", когда уже сами информанты становились своеобразными проводниками в "метисном" поле. Основным критерием отбора информантов являлось их национально-смешанное происхождение. Анализ данных проводился в логике "обоснованной теории" [18] через призму языковой, социокультурной, религиозной составляющих, круга общения, матримониального поведения и брачных стратегий, родительско-детских отношений и т.п.

Во-вторых, был проведён анкетный опрос метисов первого и второго поколения, проживающих в городских и сельских поселениях Республики Хакасия. Участие в анкетировании приняли 263 респондента, соответственно, общий объём выборочной совокупности составил 263 чел. (n=263), что в основном удовлетворяет требованиям репрезентативности. В нашем случае при уровне надёжности 85% и статистической погрешности 5% минимально необходимый размер выборочной совокупности должен составлять не менее 208 респондентов (n=208). Рекрут респондентов осуществлялся методом "доступных случаев". Анкета включала в себя 46 вопросов, условно разделённых на следующие блоки: "паспортчика" (базовые социально-демографические характеристики респондентов); конструирование и восприятие собственной этнической идентичности; знание хакасского языка, традиций и обычаев, хакасской культуры в целом; повседневные практики, связанные с их реализацией; оценка межэтнических отношений, включая вопросы неформального, дружеского общения, брачного выбора и матримониального поведения, родительско-детских взаимоотношений. Обобщение и анализ анкетных данных выполнены с использованием ПО SPSS.

Помимо данных анкетирования и интервьюирования эмпирическую базу исследования составили статистические сведения, представленные в открытом доступе на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

Результаты исследования

Социально-демографические характеристики метисов. Предваряя изложение полученных нами в ходе проведения исследования результатов, считаем целесообразным остановиться на описании основных демографических и социально-статусных характеристиках метисов Хакасии. Участие в опросе приняли 263 чел. Из них метисами первого поколения являются 63,7%;

Табл. 1. Основные характеристики участников интервью
Table 1. Basic characteristics of informants

Код	Пол	Возраст, лет	Примечания
И1	М	н/д	Мать хакаска; отец русский
И2	Ж	34	Мать хакаска; отец русский
И3	Ж	43	Мать хакаска; отец русский
И4	М	35	Мать хакаска; отец наполовину хакас, наполовину русский
И5	Ж	40	Мать метиска (бабушка хакаска, дедушка русский); отец русский
И6	М	25	Мать хакаска; отец армянин
И7	Ж	36	Мама русская; отец хакас
И8	Ж	31	–
И9	Ж	41	Мать метиска; отец хакас
И10	Ж	35	Мать хакаска; отец русский
И11	М	34	Мать хакаска; отец шорец
И12	М	42	Мать корейка; отец хакас
И13	Ж	26	–
И14	Ж	32	Мать хакаска; отец азербайджанец
И15	М	50	–
И16	Ж	33	Мать русская; отец хакас
И17	Ж	31	Мать хакаска; отец шорец
И18	Ж	32	Мать хакаска; отец русский
И19	М	54	Мать русская; отец хакас
И20	М	70	Мать хакаска; отец русский
И21	М	43	Мать украинка; отец хакас
И22	Ж	60	Мать хакаска; отец русский
И23	Ж	н/д	Мать хакаска; отец русский
И24	Ж	38	Мать метиска (наполовину хакаска, наполовину русская); отец хакас
И25	М	40	Мать хакаска; отец бурят
И26	М	40	Мать хакаска; отец шорец

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

метисами второго поколения – 32,8%; также 3,5% опрошенных затруднились с ответом. Большинство респондентов (76,9%) являются потомками от смешанных браков между русскими и хакасами, около одной пятой опрошенных (19,6%) указали на то, что один из их родителей хакас, а второй – представитель другой национальности, в качестве таковых были указаны буряты, тувинцы, немцы, шорцы, евреи, казахи, татары, узбеки, армяне и др. Что касается семейного статуса, то 43,4% состоят в браке; 32,7% – не состоят в браке; 23,9% отметили иной статус (проживают вместе, но брак не зарегистрирован; в разводе; вдовы и т. п.). Также 40,6% указали на то, что у них нет детей; 22,1% имеют одного ребёнка; 28,5% – двоих; 4,4% – троих; 4,4% – больше трёх (рис. 1).

Далее перейдём к описанию основных составляющих, характеризующих этнические ценности метисов, проживающих в Республике Хакасия.

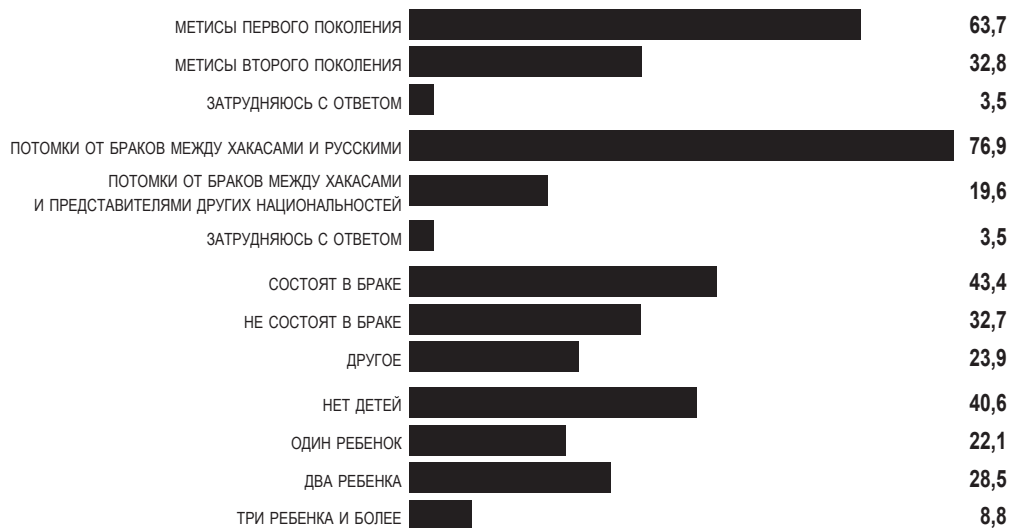

Рис. 1. Основные социально-демографические характеристики метисов Хакасии, %
Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Basic socio-demographic characteristics of the mestizos of Khakassia, %
Source: compiled by the authors.

Этнические ценности метисов и маркеры этнической идентичности. Как мы уже отметили выше, под этническими ценностями в нашем исследовании понимается "совокупность элементов этнокультурного бытования, тех культурных традиций этноса, которые выделяются самим этносом в качестве наиболее специфичных, маркирующих его историческое и культурное своеобразие черт" [20, с. 392]. Для определения подобных черт респондентам был задан вопрос о том, что роднит их с людьми их национальности. Доминирующими признаками, маркирующими их национальную принадлежность, респондентами обозначены родная земля, природа; культура и традиции, включая обычаи и обряды; язык (рис. 2).

Обращает на себя внимание тот факт, что для метисов религия не оценивается в качестве значимого маркера этнической идентичности, данный вариант ответа выбрали всего лишь 4,4% опрошенных. Традиционные виды хозяйственной деятельности, на это указали 1,7% респондентов, обозначив их при выборе варианта ответа "другое", в современных условиях также теряют свою привлекательность и заменяются ценностью материального благополучия. Тем не менее, в этническом срезе до сих пор существуют различия в побуждающих мотивах занятия традиционными видами хозяйственной деятельности. Например, хакасы и шорцы чаще русских отмечают в качестве таковых ценность даров природы, земли, а также привычный уклад жизни, от которого они пока не готовы отказаться [19]. Хотя в целом значимость традиционных хозяйственных практик для современных метисов практически сведена на нет.

Зато особую ценностную окраску для метисов приобретает внешний облик, более четверти респондентов (26,5%) отметили его в качестве маркера своей этнической идентичности. Мы солидарны с тем, что в условиях бинарного происхождения внешний облик служит дополнительным символом приобщения к определённому этносу и культуре, а также может выступать в качестве маркера "своих" и "чужих" [14].

Проведённые в ходе исследования интервью с метисами позволили нам выявить наличие связи между местом их рождения и становлением и/или осознанием ценности родной земли, её территории и природы. Так, люди, рождённые и выросшие в местах компактного расселения хакасов или в многонациональном городе Абакане, практически не упоминают о ценности родной земли как таковой, любовь к родному краю у них выражается через быт, традиции, повседневность или язык, в то время как метисы, воспитанные в

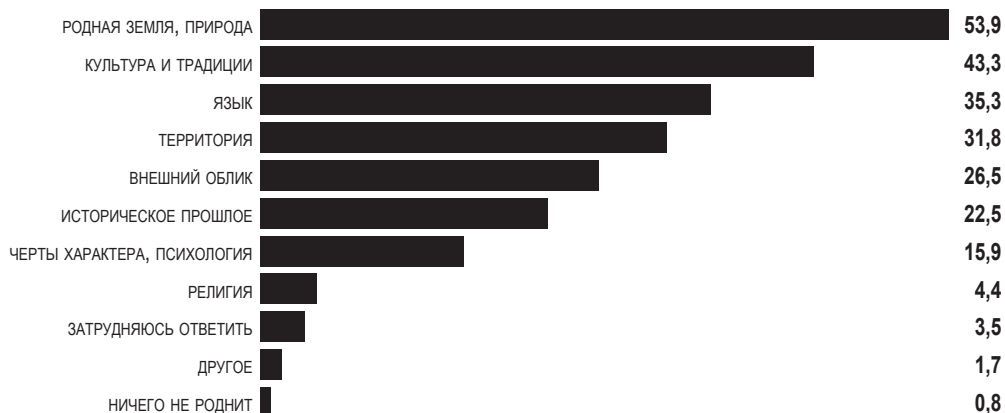

Рис. 2. Маркеры этнической идентичности у метисов Хакасии, %

Примечание: сумма больше 100%, так как допускался выбор нескольких вариантов ответов.

Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Markers of ethnic identity among the mestizos of Khakassia, %

Note: the sum is greater than 100%, since multiple answer options were allowed.

Source: compiled by the authors.

моноэтнической городской среде или в местах, где представители титульного этноса практически не проживают, чаще упоминают о роли хакасской земли как объединяющем факторе всех народов республики. Так, наши информанты отмечают следующее:

"Саяногорск, в котором я росла, сам по себе город интересный в плане межнациональной специфики. Это глобальная стройка, которая привлекала молодёжь со всей страны. Туда съезжались специалисты всех уровней. Межнациональные браки там – это нормальное явление, там много метисов. Но хакасов мало. Нас всех объединила родная Хакасия" (И10).

"Я родом из Сорска, где численно всегда преобладало русское население ... Хакасская культура далека от меня. Но я люблю природу родного края. Мне кажется, что всё равно существуют какие-то духи природы. Я испытываю определённые чувства, когда проезжаю по хакасским степям, вижу курганы. В эти моменты понимаю, что люблю Хакасию" (И3).

Уважение к традиционным обычаям и культуре ярче выражено среди информантов, в воспитании которых принимали участие хакасские родственники старшего поколения, которые смогли не просто передать внешнюю обрядовую сторону традиций, но и их глубинное содержание:

"Меня воспитывала бабушка, и через неё я переняла хакасскую культуру. Внешне я похожа на отца, он азербайджанец, но по менталитету я хакаска. Знаю все хакасские традиции и соблюдаю их. Когда мы выезжаем на природу с друзьями хакасами, мне приходится учить их элементарным вещам: как покормить огонь, как поздороваться с духами воды и прочее" (И14).

"Для нашей семьи всегда были важны хакасские традиции. Мой папа русский, родился и вырос в Амурской области. Но после переезда в Хакасию к семье моей мамы он уважительно относился к хакасским традициям. Язык он так и не выучил. Но хоронили его по хакасским обычаям. Хотя его семья пыталась возражать. Бабушка и дедушка ответили на это, что он жил на этой земле, в хакасской семье, поэтому традиции будут соблюдены до конца. Считаю, что это правильно" (И2).

Если знание хакасской материальной и духовной культуры напрямую не зависит от места проживания информанта и, скорее, является результатом влияния среды его воспитания, то знание хакасского языка в условиях города снижается permanently. Об этом свидетельствуют данные официальной статистики. В городе в быту хакасский язык используют 5,6 тыс. чел., в сельской местности – 18,3 тыс. чел. [5].

В ходе исследования нами были выявлены два интересных момента. Во-первых, практически всеми информантами вне зависимости от степени их

владения хакасским языком подчёркивалась его ценность, необходимость сохранения и популяризации. Полагаем, что это является одним из объяснений парадокса итогов последней переписи населения, показавшей при общем снижении численности хакасов и лиц, владеющих хакасским языком, сохранение количества людей, называющих хакасский язык родным.

Во-вторых, уровень владения хакасским языком среди метисов сопоставим с хакасами. Так, среди наших опрошенных чуть более половины (53,1%) в той или иной степени владеют хакасским языком: каждый пятый (20,3%) владеет хакасским языком на уровне свободного пользования, ещё чаще метисы понимают язык, но не говорят сами (21,2%) или могут объясниться на бытовом уровне (11,6%).

Опять же в этом случае большую роль играет именно место проживания метисов, роль хакасского языка как средства повседневного общения в той местности, где они росли. Например, в качестве комментариев в процессе заполнения анкеты респонденты отмечали, что *"меня не учили хакасскому языку, хотя я с детства слышу хакасскую речь"*; *"язык знают оба родителя, я понимаю тувинский, на бытовом уровне знаю хакасский, читать и писать на хакасском тоже умею, но затрудняюсь свободно говорить из-за акцента, родители говорили на русском дома, а со своими родственниками на своих языках: папа на хакасском, мама на тувинском"*; *"я знаю хакасский, но последние десять лет практически не разговариваю на нём ни с кем, поэтому просто стесняюсь говорить с акцентом"*.

Переоценив язык как маркер этнической идентичности сложно, так как большинство метисов, идентифицирующих себя как русских, объясняют свою этническую принадлежность именно отсутствием знаний хакасского языка и хакасской культуры, хотя не всегда это является препятствием для того, чтобы считать себя представителем хакасского этноса. Вот показательная цитата из интервью:

"Я выросла в Сорске в русскоязычной среде. Не знаю никаких хакасских традиций. Мне это особо не интересно. В детстве считала себя русской. Хотя знаю, что похожа на хакаса. Стала считать себя хакасской только тогда, когда вышла замуж за хакаса. Но в семье с мужем мы никаких хакасских традиций не соблюдаем, хакасский язык знает только свекровь (И8).

Часть наших информантов обращает внимание на тот факт, что знание хакасской культуры, осознание её как ценности не повлияло на их выбор этнической идентичности не в пользу хакасской:

"По своей ментальности я русский, поскольку рос в русскоязычной среде. Но неплохо знаю хакасскую культуру, традиции, праздники. Дедушка по линии отца много рассказывал о традициях хакасов и показывал их на своём примере. Отсюда и интерес к хакасской культуре. Он был всегда. Несмотря на то, что отец особо не разговаривал на хакасском языке, всё равно мы интересовались хакасской культурой" (И19).

Этнические ценности не являются какой-то константой. Они, как и сам этнос, находятся в постоянном развитии, возникают из социокультурной среды [11, с. 170]. Поэтому определить предпочтения в области материальной, социальной и духовной культуры представителей различных этнических сообществ, в том числе и метисных, возможно только на какой-то конкретный определённый момент времени. Ценностное отношение к миру, своему народу и осмысление себя как его части трансформируется под влиянием различных факторов, и исследователи не исключают наличие закономерностей в этих трансформациях [15, с. 79–80]. Оставляя за скобками исследования эти вопросы, отметим, что набор этнических ценностей тех, кто родился в национально-смешанных браках, во многом определяется особенностями их этнической социализации в семье, затем ближайшим окружением, а также этноконтактной средой в аспекте её гетерогенности или гомогенности.

Стратегии этносоциального поведения метисов. Социализация в межэтнических семьях не обязательно влечёт за собой приобщение к миру двух разных культур, усвоение их этнических ценностей. В зависимости от степени значимости этнических ценностей формируются определённые стратегии этносоциального поведения метисов, под которыми мы понимаем активные осознаваемые или неосознаваемые действия индивидов на пути к жизненным целям, не всегда чётко выстроенным, но реализующимся в поведении социального субъекта в рамках идеальной модели этнической идентичности.

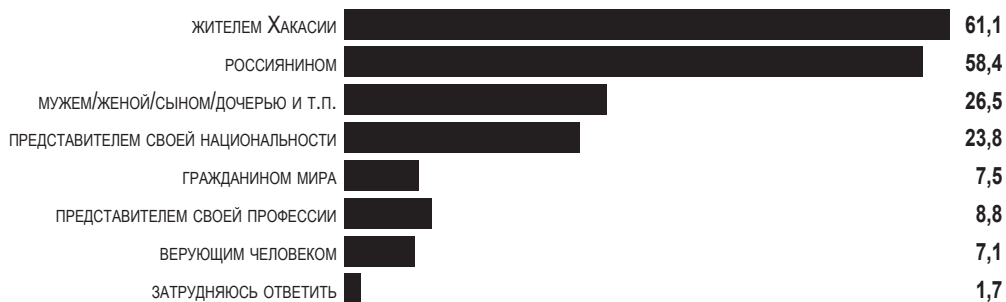

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: "Кем вы себя ощущаете в первую очередь?", %
 Примечание: сумма больше 100%, так как допускался выбор нескольких вариантов ответов.

Fig. 3. Answers to the question: "Who do you consider yourself to be first and foremost?", %

Note: the sum is greater than 100%, since multiple answer options were allowed.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Типологизация этнической идентичности метисов проводилась нами на основе методики, разработанной научной школой под руководством Л.М. Дробизевой [17]. Мы разделяем мнение, согласно которому степень ощущаемой общности с людьми своей национальности позволяет определить актуализированность этнической идентичности, меру значимости этнического фактора в жизни респондентов [16].

Так, результаты нашего исследования показали, что метисы гораздо чаще выбирают варианты ответов, которые репрезентируют их гражданскую и региональную идентичность по сравнению с вариантами ответов, характеризующими их этническую идентичность, следовательно, можно предположить, что уровень актуализации этничности у них ниже (рис. 3).

Полагаем, что подобные ответы на вопросы анкеты ещё раз подтверждают широко распространённое в метисных сообществах мнение, согласно которому национальность в современном мире не определяет личность человека. Отсюда и спокойное отношение к национально-смешанным бракам, в том числе и к заключению подобных союзов у собственных детей. Так, при ответе на вопрос: "Для вас играет роль национальность при выборе спутника жизни?", для 52,2% респондентов этот аспект вообще не важен, 32,7% указали на то, что при выборе спутника жизни важны другие факторы, 3,5% затруднились с ответом и 11,6% отметили, что для них при выборе спутника жизни важно, какой он национальности.

Также респондентам задавался вопрос относительно того, к какой национальности они себя относят (рис. 4).

В данном ключе для метисов Хакасии характерны следующие модели этнической идентичности и соответствующие им стратегии этносоциального поведения. Во-первых, можно обозначить моноэтническую модель, где имеет место самоопределение по национальности одного из родителей (я – хакас, я – русский, я – представитель другой национальности). В общей сложности такое мнение выразили 43,6% опрошенных. Во-вторых, широко распространена самоидентификация себя как метиса. При этом одна часть респондентов в равной степени соотносит себя с обоими родительскими этносами (у меня две национальности), другая часть позиционирует себя как представителя обособленной смешанной этнической группы метисов (я – метис/ метиска). На это указали 16,8% и 33,6% соответственно (в сумме 50,4%). Незначительно представлена группа неопределившихся и не желающих определять свою национальную принадлежность (не могу определить свою национальность, не отношу себя ни к какой национальности, не хочу отвечать на этот вопрос), таковых оказалось 6%.

Таким образом, у метисов практически в равной степени представлена как выраженная этническая идентичность, так и бинарная. Сдвоенная идентичность в большей степени характерна для тех, кто длительное время

Рис. 4. Представления метисов, проживающих в Хакасии, о своей национальной принадлежности, %
Источник: составлено авторами.

Fig. 4. Perceptions of mestizos living in Khakassia about their national identity, %

Source: compiled by the authors.

в связи с учёбой или работой проживали за пределами Хакасии. Эта группа отличается слабым знанием элементов хакасской культуры, а потому и невыраженным желанием приобщать к ней своих детей.

"Если в школе будут учить хакасский язык, мы с мужем не будем возражать, в семье мы разговариваем на русском, так как муж русский, и я сама не знаю языка. Передать какие-то особые знания детям мы не можем, так как сами ничего особо не знаем" (И23).

"Я бы хотела, чтобы дети знали хакасский язык. Мы хотим отдать их учиться в национальную гимназию, где сами учились с мужем. Хотя я подозреваю, что хакасский язык им в жизни не пригодится. Грубо говоря, мне передать своим детям в плане традиций своего народа особо нечего. Я сама почти ничего не знаю. А то, что знаю какие-то мелочи, это и они знают" (И13).

Но чаще в ходе интервью были представлены более позитивные стратегии этносоциального поведения. Многие информанты ощущают свою глубокую связь с хакасским народом, испытывают чувство гордости, адаптированы к жизни в полиэтничном сообществе и отличаются высоким уровнем толерантности. В их ответах прослеживается идея о признании уникальности всех наций и уважительном к ним отношении. При выборе ближайшего круга общения, в том числе и спутника жизни они ориентируются на его личностные качества, вопрос его национальности либо совсем не играет никакой роли, либо является второстепенным. Распространённым является желание привить детям любовь к традиционной хакасской культуре, дать им больше знаний в этой области, чтобы этнический контекст был встроен в их повседневность.

"Сейчас дети не обращают внимания на национальность, как это было в нашем детстве. Это хорошо. Но в то же время в этой ситуации нужно больше усилий прилагать для их воспитания. Нужно водить их в национальный театр, читать им хакасскую литературу, показывать, как правильно вести себя на природе. Но делать это ненавязчиво" (И3).

"Я бы хотел, чтобы мои дети знали хакасский язык. Если человек знает два и более языка, он уже мыслит на другом уровне, особенно если это языки разных языковых семей" (И1).

"Мы должны помнить о том, что мы за детей в ответе. Придёт время, когда с нас будет спрос: что мы дали своему ребёнку? Чему мы его обучили? Каким жизненным навыкам, языку, умению общаться, коммуникации. Язык – это ключ, который открывает практически все двери. Но передать культуру своего народа можно не только через язык. Человек может не владеть хакасским языком, но может чётко знать, что вот на эту гору женецинам ходить нельзя, могут подниматься только мужчины. Для других национальностей это не имеет значения. Для нас это важно" (И15).

Таким образом, в условиях культурной ассимиляции, когда многие элементы хакасской культуры утратили своё первоначальное значение и зачастую остаются востребованными лишь в качестве "пустой оболочки" [1], резонным становится вопрос не столько о необходимости инкультурации в

национально-смешанных семьях, сколько о содержательной составляющей этого процесса.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что у метисов Хакасии на фоне снижения численности титульного этноса, утратой им не только родного языка, но и традиций материальной и духовной культуры, процесс освоения этнических ценностей происходит при доминировании русской составляющей. И это является не результатом целенаправленной политики русификации, а скорее неизбежным следствием ассимиляции хакасов. При этом ассимиляция народа в антропологическом аспекте, связанном с ростом количества национально-смешанных браков и метисации, протекает медленнее, чем языковая и культурная ассимиляция. Косвенным доказательством данного утверждения является выбор метисами своей национальной принадлежности. Наше исследование показало, что фенотипические черты не являются определяющими при выборе метисами своей этнической идентичности, так как данная группа состоит из людей, имеющих абсолютно разный внешний антропологический тип, порой с ярко выраженным преобладанием монголоидных или европеоидных черт. Скорее, стратегии этносоциального поведения метисов зависят от той среды, в которой они росли и воспитывались, каким было их окружение по национальному признаку, с родственниками кого из родителей установились наиболее прочные связи, насколько активно они приобщались к ценностям одного или двух народов.

Литература

1. Анжиганова Л. В., Топоева М. В. "Новая этничность": теоретические аспекты исследования // Тезаурусы и проблемы культуры: материалы общероссийской (национальной) научной конференции с международным участием (Москва, 4 апреля 2019 года). М.: Московский гуманитарный университет, 2019. С. 281–292.
2. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 333 с.
5. Владение языками и использование языков населением. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 20.08.2024).
6. Влияние систем семейного воспитания современных диаспор на социальное благополучие и образование детей (на примере Южно-Сибирского региона) / К. И. Султанбаева, О. Ф. Горбунова, Т. А. Дорофеева, М. Я. Добря, О. Е. Ефимова. Абакан: Издательство "Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова", 2022. 160 с.
7. Галиндабаева В. В. "Иногда я русский, а иногда бурят": стратегии конструирования "метисности" в молодежной среде Бурятии // Современные молодежные сообщества в культуре и политике / под ред. проф. В. В. Костюшева. СПб.: Норма, 2008. С. 12–26.
8. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
9. Исакова Ф. С. Формирование толерантности в образовательном процессе // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2015. № 1 (11). С. 189–192.
10. Итоги Всероссийской переписи населения – 2020 по Республике Хакасия // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://www.krasstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%9F%D0%9D%20-%20%D0%A0%D0%A5.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).
11. Калиева А. Т. Этнические ценности как объект социально-гуманитарного познания // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7 (101). С. 167–171.
12. Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Взаимосвязь этнических типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13. Вып. 4. С. 105–111.
13. Кривоногов В. П. Национально-смешанные браки и метисация у коренных малочисленных народов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. 308 с.

14. Лабунская В. А., Беззян А. А. Особенности "appearance" стереотипов этнокультурных групп с различными типами внешнего облика // *East European Scientific Journal*. 2016. № 11. С. 106–113.
15. Окладникова Е. А. Этносоциология (Теория этнических ценностей). СПб.: Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, 2006. 170 с.
16. Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8. № 3. С. 165–181.
17. Рыжова С. В. Этническая идентичность и толерантность в поликультурном обществе: общероссийская перспектива и ситуация в Кабардино-Балкарии // *Социологическая наука и социальная практика*. 2023. Т. 11. № 4. С. 156–177.
18. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
19. Тиникова Е. Е. Этносоциальные процессы в Республике Хакасия: динамика и тенденции развития (по материалам экспертного опроса) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2024. № 1. С. 11–19.
20. Флиер А. Я. Этнические ценности // *Культурология. XX век. Т. 2*. СПб.: Университетская книга, 1998. 446 с.
21. Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по национальной однородности членов и размеру домохозяйства. Итоги ВВП – 2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 18.02.2024).
22. Чернявская Ю. В. Этническая культурология: концепты, подходы, гипотезы. Минск: Бел. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. 263 с.
23. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Фонд "Общественное мнение", 2003. 336 с.

References

1. Anzhiganova L. V., Topoeva M. V. "New ethnicity": theoretical aspects of the study // *Thesaurus and problems of culture: materials of the all-Russian (national) scientific conference with international participation (Moscow, 4 April 2019)*. М.: Moscow University for the Humanities, 2019. P. 281–292. (In Russ.).
2. Barth F. *Ethnic groups and social boundaries*. Moscow: New Publishing House, 2006. 200 p. (In Russ.).
3. Berger P., Luckmann T. *Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).
4. Bromley Yu. V. *Ethnosocial processes: theory, history, modernity*. Moscow: Science, 1987. 333 p. (In Russ.).
5. Language proficiency and use of languages by the population. Results of the All-Russian Population Census 2020. Vol. 5. National compound and language proficiency // *Federal State Statistics Service*. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
6. Impact of family education systems of contemporary diasporas on social well-being and education of children (based on the example of the South Siberian Region) // Sultanbaeva O. F., Gorbunova T. A., Dorofeeva M. Ya., Dobrya M. Ya., Efimova O. E. *Abakan: Khakass State University*, 2022. 160 p. (In Russ.).
7. Galindabaeva V. V. "Sometimes I'm Russian, and sometimes I'm Buryat": strategies for constructing "mixed race" among the youth of Buryatia // *Contemporary youth communities in culture and politics. Collected scholarly papers*. Kostyushev V. V. (ed.). St. Petersburg: Norma, 2008. P. 12–26. (In Russ.).
8. Garfinkel H. *Studies in Ethn methodology*. St. Petersburg: Piter, 2007. 335 p. (In Russ.).
9. Iskhakova F. S. Formation of tolerance in the educational process // *Bulletin of Ufa State University of Economics and Service. Science, Education, Economics. Series: Economics*. 2015. No. 1 (11). P. 189–192. (In Russ.).
10. Results of the 2020 All-Russian Population Census in the Republic of Khakassia // *Office of the Federal State Statistics Service for Krasnoyarsk Territory, Republic of Khakassia and Republic of Tuva*. URL: <https://www.krasstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%B%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%9F%D0%9D%20-%20%D0%A0%D0%A5.pdf> (accessed 12.02.2024). (In Russ.).
11. Kalieva A. T. Ethnic values as an object of social and humanitarian knowledge // *Bulletin of the Orenburg State University*. 2009. No. 7 (101). P. 167–171. (In Russ.).
12. Kostyuk V. G., Goncharova G. S. The relationship between ethnic types of families and interethnic interactions in contemporary Russia // *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philology*. 2015. Vol. 13. Issue. 4. P. 105–111. (In Russ.).

13. Krivonogov V. P. National-mixed marriages and miscegenation among indigenous minorities. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2023. 308 p. (In Russ.).
14. Labunskaya V. A., Bzezyan A. A. Features of the "appearance" of stereotypes of ethnocultural groups with different types of appearance // East European Scientific Journal. 2016. No. 11. P. 106–113. (In Russ.).
15. Okladnikova E. A. Ethnology (Theory of Ethnic Values). St. Petersburg: St. Petersburg State University of Engineering and Economics, 2006. 170 p. (In Russ.).
16. Ryzhova S. V. Ethnic identity and tolerance in a multicultural society: an all-Russian perspective and research in Kabardino-Balkaria // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2023. Vol. 11. No. 4. P. 156–177. (In Russ.).
17. Ryzhova S. V. Ethnic identity in the social dimension // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. Vol. 8. No. 3. P. 165–181. (In Russ.).
18. Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p. (In Russ.).
19. Tinikova E. E. Ethnosocial processes in the Republic of Khakassia: dynamics and development trends (based on expert survey materials) // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 11–19. (In Russ.).
20. Flier A. Ya. Ethnic values. In: Cultural studies. XX century. Vol. 2. St. Petersburg: University book, 1998. 446 p. (In Russ.).
21. Private households consisting of two or more people, by national homogeneity of members and household size. Results of the All-Russian Population Survey 2020. Vol. 5. National compound and language proficiency // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacion-alnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (Accessed: 18.02.2024). (In Russ.).
22. Chernyavskaya Yu. V. Ethnic cultural studies: concepts, approaches, hypotheses. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts, 2010. 263 p. (In Russ.).
23. Schutz A. The semantic structure of the everyday world. Moscow: Foundation "Public Opinion", 2003. 336 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела по международным и межрегиональным связям Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник отдела по международным и межрегиональным связям Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Information about the authors

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of International and Interregional Relations, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Department of International and Interregional Relations, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Поступила в редакцию 25.10.2024

Одобрена после рецензирования 09.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 25.10.2024

Approved 09.11.2024

Accepted 27.11.2024

Ассоциативный метод в социологическом изучении образовательных видеоблогов

Евгения Евгеньевна Абросимова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, gajony@mail.ru
Оксана Геннадьевна Зубова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, zubovaoksana@bk.ru
Александра Геннадьевна Филипова
Владивостокский государственный университет, Владивосток;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, alexandra.filipova77@gmail.com

Аннотация. В статье представлен опыт применения метода направленных ассоциаций с использованием оценочных прилагательных для изучения образовательного видеоблогинга. Образовательные видеоролики, отобранные на основе рекомендаций учителей и учащихся – участников исследования, изучались экспертами. Последним было предложено описать свои впечатления от видео тремя прилагательными. Всего в датасете 341 прилагательное для 236 образовательных видео. Прилагательные были перекодированы в 4 смысловые группы, связанные с длиной, содержанием, эмоциональностью видео и особенностью подачи информации. К ним в дальнейшем были применены методы количественного и качественного анализа. Цель исследования – на основе сравнения результатов метода направленных ассоциаций с экспертами и комментариев пользователей, определить значимые характеристики изучения образовательных видеоблогов. Решалась задача обоснования возможностей и ограничений в использовании метода направленных ассоциаций для изучения образовательного видеоконтента.

Ключевые слова: метод направленных ассоциаций, оценочные прилагательные, образовательный видеоблогинг, учителя-блогеры

Исследование выполнено за счёт средств Российского научного фонда, проект № 23-28-01276. Подробнее см.: <https://rscf.ru/project/23-28-01276/>

Для цитирования: Абросимова Е. Е., Зубова О. Г., Филипова А. Г. Ассоциативный метод в социологическом изучении образовательных видеоблогов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 121–135. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/121-135>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/121-135>

Associative method in sociological study of educational video blogs

Evgenia E. Abrosimova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, gajony@mail.ru
Oksana G. Zubova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia zubovaoksana@bk.ru
Alexandra G. Filipova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia
Herzen University, St. Petersburg, Russia, alexandra.filipova77@gmail.com

Abstract. The article presents the experience of using the method of directed associations using evaluative adjectives to study educational video blogging. Educational videos selected on the basis of recommendations from teachers and students participating in the study were investigated by the experts. The latter were asked to describe their impressions of the video by means of three adjectives. Finally, 341 adjectives were collected for 236 educational videos. The adjectives were recorded into 4 semantic groups related to the length, content, emotionality of the video and the peculiarity of the presentation of information. Quantitative and qualitative analysis methods were subsequently applied to them. The conclusion provides findings on the possibilities and limitations of using the associative method.

Key words: projective method, directed associations, evaluative adjectives, educational video blogging, teacher bloggers

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01276. For more details see: <https://rscf.ru/project/23-28-01276/>

For citation: Abrosimova E. E., Zubova O. G., Filipova A. G. Associative method in sociological study of educational video blogs // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 121–135. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/121-135>

Совершенствование интернет-технологий и всё возрастающая доступность информации через Всемирную сеть привели к тому, что видеоблоги как способ получения информации широко востребованы у населения. Так, например, почти 50 % пользователей ищут видео о товаре или услуге перед покупкой [9]. Обзоры и сравнения товаров являются очень популярными на Youtube.com. Спрос на подобный формат получения сведений не возник бы без потока ежедневно возникающих новых видео на разные темы. Причины

популярности видеоблогов как у потребителей, так и у авторов блогов, связаны с трендом на цифровизацию всех сфер жизнедеятельности общества, изменением процесса социализации и трансформацией институтов образования. Из опроса, проведенного Фондом общественного мнения в январе 2019 г. следует, что 63 % россиян в той или иной мере не доверяют информации, поставляемой телевидением. За более достоверной информацией потребители идут на просторы сети Интернет [17], где встречаются с видеоблогом как удобным форматом получения информации. Автор видеоблога ярко и выразительно преподносит информацию, дополняя ее визуальным рядом и звуковыми эффектами. Современные гаджеты позволяют пользователю быть в курсе событий в любое время и в любой точке с доступом в Интернет.

Возможность взаимодействия со зрителями – один из значимых аспектов популярности видеоблогов. Эффект присутствия, ведение диалога с подписчиками превосходит другие средства информации по возможностям общения с существующими и потенциальными потребителями, что описано в исследованиях современного видеоблога [6].

Популярность видеоблогов растёт с появлением нового оборудования и программного обеспечения, которое позволяет людям с различным опытом и профессиями снимать собственные профессиональные видео. Это способствует интеграции видеотехнологий в образовательную деятельность [22]. Видеоблоги стали использоваться для улучшения успеваемости за счёт их широкого социального влияния [20]. Использование видео в качестве образовательного ресурса возросло в последние годы, став практически незаменимым в образовательных процессах, которые нуждаются в онлайн- или дистанционной методологии для развития процесса обучения, возникшем из-за пандемии COVID-19 [23].

Интенсивность внедрения видеоблогов в образовательную среду, с одной стороны, задала исследовательский вектор для отечественных и зарубежных авторов, но с другой стороны сформировала определенные проблемы в изучении данного вопроса. Скорость, с которой меняется видеоконтент и технологии его трансляции, делает это поле весьма сложным для изучения. Нами предпринимались попытки построения рейтинга популярных видеоблогеров среди детско-юношеской аудитории в разные годы [3, с. 123–125; 2, с.133], но оказалось, что всего за 2–3 года рейтинг практически полностью изменился.

Постоянная трансформация характерна и для образовательного сегмента, который подчиняется не только законам развития видеоблогосферы в целом, но и частично ограничивается формальными рамками педагогического процесса. На начальном этапе развития образовательных видеоблогов основным противоречием включения видеоконтента в современное школьное образование являлось то, что у педагогов и учеников существовало много противоположных взглядов на этот инструмент получения знаний, как и на явление видеоблогинга в целом [1].

Однако интенсивность развития и эффективность данного педагогического инструмента привели к тому, что педагоги активно включились в процесс создания и ведения образовательных видеоблогов. В августе 2022 г. Министерство просвещения РФ инициировало создание совета учителей-видеоблогеров, что продемонстрировало высокий интерес общества к данному явлению [14].

Динамичность и неоднородность процессов, протекающих в образовательном сегменте видеоблогосферы, делает ряд общепринятых инструментов сбора эмпирической информации недостаточными, актуализируя привлечение нетрадиционных методов, в том числе проективных для выявления особенностей в анализе с учетом специфики образовательного видеоблога, его содержания и репрезентации.

Метод направленных ассоциаций в изучении образовательного блогинга

Метод ассоциаций является междисциплинарным и в рамках качественной методологии активно реализуется в социологических исследованиях. У каждой науки меняется фокус в приоритетных направлениях изучения представленных явлений с использованием ассоциативного метода, но сам механизм основан на принципах проективной психологии. Психологи используют ассоциации для более глубокого объяснения психической жизни

человека, основанного не только на рациональном уровне, но и на бессознательном. Основные характеристики языковых форм ассоциаций, вербальное отражение взаимоотношений языка и мышления изучается в лингвистике, применяется для выявления особенностей при дискурсивном анализе различных визуальных и вербальных средств [4; 5; 8]. Маркетологи в практических целях активно применяют проекции в форме ассоциаций при выявлении общественного мнения потребителей на глубинном уровне, для разработки стратегии позиционирования брендов, рекламной кампании, тем самым, конструируя новые ассоциации.

Как правило, благодаря необычности формы, ассоциативный метод вызывает положительную реакцию со стороны респондентов и возможность преодоления проблемы социально одобряемых ответов, особенно при изучении сенситивных тем, что отражает обоснованность использования качественной методологии. М. Дибас писал, что именно проективные техники позволяют решить проблему неспособности или нежелания индивидов выражать их истинные интересы и мнения в ответах на прямые вопросы [21].

Респонденту предлагается назвать или написать свободные ассоциации или ассоциации, вызванные определенным стимулом, в качестве которого используется слово, словосочетание, визуальные образы или предметы, подобранные четко в соответствии с целями и задачами исследования. Полученные данные обрабатываются для выявления наиболее часто встречающихся ассоциаций на заданный стимул, они составляют ядро выделенных ассоциаций, также работают с группой ассоциаций, если они располагаются по приоритетным номерам. Одним из показателей является соотношение типичных и индивидуальных (редко встречаемых) ассоциаций.

В анализе используется не только прямой количественный подсчет, позволяющий определить стереотипность восприятия и возможные социальные факторы, обуславливающие ее, но и качественный анализ ассоциаций, направленный на выявление не только содержательных компонентов, но и установления смысловой и эмоциональной коннотации. Ассоциации в зависимости от интерпретации связи со стимулом несут положительную, отрицательную или нейтральную направленности [7, с. 119–120].

Л.А. Паутова подробно рассматривает ассоциативный подход с позиции социологической науки как приём, направленный на выявление смысловых связей, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте [13]. Для социологии важны устойчивые характеристики ассоциаций, их социальные основания, взаимосвязь с различными общественными явлениями и процессами. Формирование ассоциаций обуславливается процессом первичной и вторичной социализации личности, в ходе которого складываются базовые паттерны поведения и структуры сознания. Метод ассоциаций позволяет установить взаимосвязь явлений, процессов, факторов, о содержании которых у исследователей нет четкого понимания и представления.

Сам метод имеет различные модификации. С точки зрения изучения общественного мнения и образов в сознании употребляются свободные ассоциации, не ограниченные каким-либо выбором, и направленные ассоциации. Например, при изучении образов политиков Е.Б. Шестопал и другие исследователи использовали методику ассоциативных рядов, проводя сравнения изображения политиков с животными, дополненные ассоциациями с цветом и запахом [18]. Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанов в изучении территориальной идентичности населения использовали цветоассоциативный метод [19]. Л.А. Паутова применила ассоциативный метод для изучения ассоциаций, связанных со словом "стабильность" [13], Е. Красова – для исследования политических образов, при изучении имиджа территории на примере Воронежа [10; 11], Н.А. Иванова – при изучении ассоциаций с городом Магаданом или Магаданской областью, когда выявлялись социальные представления людей, их статусное положение и ролевые характеристики, социальные проблемы региона [7].

Научные задачи, решаемые с помощью ассоциативного метода в социологических исследованиях многозначны. Ассоциативный метод удачно дополняется и комбинируется с другими социологическими методами.

Мы обращаемся к ассоциативному методу для выявления ассоциаций, связанных с контентом образовательных видеоблогов. Экспертам, просматри-

вающим образовательные видеоблоги и заполняющим специальную анкету, предлагалось написать три прилагательных, характеризующих образовательные видео.

Методы и материалы исследования

В процессе интервью с учителями и фокус-групп со школьниками (всего в архиве исследования 16 интервью с учителями и 9 фокус-групп с учащимися 9-х – 11-х классов) составлялся рейтинг образовательных видеоблогеров. Он был дополнен данными других рейтингов, размещенных в Интернете. Данные по анализу фокус-групп и интервью представлены в публикациях [15; 16]. Всего в нашей выборке оказались 49 блогеров, по каждому из них были выбраны 4–5 наиболее популярных на дату формирования выборки видео. Далее были выделены 9 категорий анализа, в том числе – стиль одежды блогера, используемые локации, средства анимации, содержание видео, коммуникативные приёмы, цифровые технологии и проч.

Помимо этого, дополнительным критерием исследования образовательных видео стали прилагательные. Последние были добавлены в бланк анализа видеоблога экспертами после просмотра ролика. Экспертами выступили участники проектной группы и магистранты социологического направления ДВФУ (N=15). Всего было получено 341 прилагательное для 236 образовательных видео, в том числе многосоставные прилагательные (не очень информативное, эмоционально заряженное), из них уникальных – 244. Значение уникальных прилагательных позволяет рассчитать КР – коэффициент разнообразия как частное от общего числа прилагательных и количества уникальных прилагательных. В данном случае $KP = 0,72$. [12, с. 38].

Содержательное изучение собранных прилагательных позволило выделить пять смысловых групп для их дальнейшей перекодировки:

- длина видео – прилагательные, характеризующие продолжительность видео;
- содержательные особенности видео – прилагательные, которые характеризуют смысловое наполнение видео, описывают, о чем видеоролик;
- эмоциональность видео – прилагательные, отражающие эмоции, которые вызывает видео у зрителя;
- особенность подачи информации – приёмы и способы представления информации в видео;
- полезность для обучения – прилагательные, демонстрирующие возможность использования видеоматериала для обучения.

Однако, после группировки всех прилагательных по указанным выше смысловым объединениям, оказалось, что такая группа как "полезность для обучения" представлена не во всех трёх группах прилагательных. Поэтому было решено объединить прилагательные группы "Полезность для обучения" с прилагательными группы "Другое". Итого в группе "Другое" оказались 48 прилагательных, в т.ч. 7 – первых, 11 – вторых и 23 – третьих.

В таблице 1 представлено количественное распределение прилагательных по четырём обозначенным смысловым объединениям, а также группа "Другое". Количественное наполнение группы зависит от того, какое по счёту прилагательное рассматривается. Так, первое прилагательное в большей мере наполнено характеристиками, принадлежащим к группе "содержательные особенности видео" – 28,4%. С каждым последующим прилагательным популярность данной группы снижается и в группе третьего прилагательного данное смысловое объединение уже находится на третьем месте по популярности (19,2%). Из таблицы видно, что для второго и третьего прилагательных наиболее распространенными являются объединения, характеризующие особенности подачи информации. Наименее представленной оказались объединения – "Длина видео" и "Другое".

После предварительной обработки собранных эмпирических данных был произведён их статистический анализ. В качестве методов исследования связей использовались статистические тесты – Хи-квадрат, Т-тест и таблицы сопряжённости. Анализ полученных данных производился при помощи ПО SPSS Statistics. Для работы с ответами на открытые вопросы использовался ПО MAXQDA, в частности, инструмент визуализации – Word cloud.

Табл. 1. Частотное распределение прилагательных по смысловым объединениям
Table 1. Frequency distribution of adjectives by semantic associations

Смысловые объединения	Первое прилагательное (%)	Второе прилагательное (%)	Третье прилагательное (%)
Длина видео	13,1	3,8	5,6
Содержательные особенности видео	28,4	22,5	19,2
Эмоциональность видео	26,3	31,4	35,2
Особенность подачи информации	23,7	37,3	39,9
Другое	8,5	5,1	9,7
Итого	100	100	100

Источник: составлено авторами статьи по результатам исследования.

Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

Региональная специфика

5 блогеров / каналов были рекомендованы школьниками и учителями – участниками настоящего исследования из Приморского края, в т.ч. Борис Трушин, Иван Викторович, информатик БУ, Обществознание без цензуры, Училка vs ТВ.

Особенности видеоблогинга, как уже отмечалось ранее, заключаются в его изменчивости, независимости от географической локации блогеров, неоднородности. Поэтому наше предположение о региональной специфике в выборе образовательных блогов нуждалось в проверке.

Исследование связей номинальных переменных, одна из которых представлена дихотомией – образовательный блогер рекомендован жителями Приморского края / жителями других регионов или рейтингами, показало наличие статистически значимых связей с использованием в видео цифровых технологий.

Хи-квадрат говорит о наличии статистически значимых отличий в использовании цифровых технологий образовательными блогерами, рекомендованными жителями Приморского края и жителями других регионов или рейтингами ($\chi^2=27,801$, $p = ,000$); наличии в видео этих блогеров текста и слайдов ($\chi^2=38,746$, $p = ,000$), использовании блогерами шуток, юмора ($\chi^2=4,581$, $p = ,032$), использовании дома как места съёмки ($\chi^2=8,102$, $p = ,004$), использовании коммуникативных приёмов – "личное обращение" ($\chi^2=4,223$, $p = ,040$), "призыв сделать задание" ($\chi^2=7,895$, $p = ,005$), "обращение к комментариям" ($\chi^2=7,789$, $p = ,005$) а также в обращении к исключительно образовательному контенту ($\chi^2=12,143$, $p = ,000$). Так, образовательные блогеры, рекомендованные жителями Приморского края, чаще, чем ожидается, используют цифровые педагогические средства, тексты и слайды в кадре, шутки и юмор, личное обращение, призыв сделать задание, обращение к комментариям, снимают видео дома, а также объясняют в видео тему, т.е. прибегают к исключительно образовательному контенту.

Однако в отношении оставшихся переменных, таких как стиль одежды, наличие в кадре самого блогера и других лиц, другие локации съёмки (помимо дома), средства анимации и другое статистически значимые отличия в группах образовательных блогеров, рекомендованных жителями Приморского края и другими, не были выявлены. Также не обнаружены статистически значимые отличия в использовании метода ассоциации в отношении видео, снятых блогерами, рекомендованными жителями Приморья и другими. Поэтому для дальнейшего анализа решено было отказаться от выделения регионального компонента.

Табл. 2. Смысловые ряды от первого популярного прилагательного
Table 2. Semantic series from the first popular adjective

Первое прилагательное	Второе прилагательное	Третье прилагательное
короткое	банальный	не очень информативный
	динамичный	простое
	интересное	простое
	конкретное	наглядное
	лайфхаковое	эмоционально заряженное
	наглядно	понятно
	неинтересное	обыденное
	полезное	конкретное
		простое
	понятное	интересное
		приятное
		сложноватое
		сухое
	рекламное	яркое
скучное	неинформативное	
содержательное	понятное	

Источник: составлено авторами статьи по результатам исследования.

Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

Результаты исследования и их обсуждение

Количественный анализ смысловых групп прилагательных. В рамках использования направленных ассоциаций экспертам предлагалось дать три прилагательных к каждому из просмотренных образовательных видео. Первичная ассоциация была основной, последующие служили дополнением к смысловой нагрузке первичной ассоциации, связанной как с эмоциональной реакцией, так и со знаниями, углубленной исследовательской сфокусированностью.

Так как ассоциации ранжировались, то приоритетно рассматривается первая ассоциация, последующие являются вспомогательными, дополняющими смысл и эмоциональное значение первого прилагательного.

Первое прилагательное исследовалось в разрезе четырёх смысловых объединений на наличие статистически значимых отличий в отношении содержательных характеристик образовательных видео, наличия акторов в кадре, использования цифровых технологий, содержательных характеристик видео. Были обнаружены статистически значимые отличия в использовании прилагательных, отнесенных к первым трём смысловым группам – длина видео, содержательные особенности и эмоциональность. Для длины видео – это использование анимации ($\chi^2=7,951$, $p = ,005$), молодежного сленга ($\chi^2=8,640$, $p = ,003$), эмоционально выразительной речи ($\chi^2=3,992$, $p = ,046$), неиспользование коммуникативных приемов ($\chi^2=6,536$, $p = ,011$). Прилагательные данной группы чаще, чем ожидается, использовались при отсутствии в видео анимации и молодежного сленга, а также эмоционально выразительной речи и каких-либо коммуникативных приемов.

Для второй группы – это наличие блогера в кадре ($\chi^2=3,851$, $p = ,050$), использование анимации ($\chi^2=10,813$, $p = ,001$), невозможности определить место действий ($\chi^2=4,943$, $p = ,026$), использование профессиональных терминов ($\chi^2=14,052$, $p = ,000$), объяснение темы ($\chi^2=13,847$, $p = ,000$)

Табл. 3. Смысловые ряды от второго популярного прилагательного
Table 3. Semantic series from the second popular adjective

Первое прилагательное	Второе прилагательное	Третье прилагательное
познавательное	анимационное	универсальное
		универсальное
	доступное	красивое
	забавное	яркое
	обучающее	доступное
	поучительное	полезное
	целостное	многогранное
	быстрый	светлый
	интересный	насыщенный
		потешный
красивый	точный	

Источник: составлено авторами статьи по результатам исследования.

Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

Прилагательные группы "Содержательные особенности видео" чаще, чем ожидается, использовались в ситуации отсутствия блогера в кадре, отсутствии анимации, невозможности определить локацию в видео, использовании профессиональных терминов, объяснении темы.

Для третьей группы – это использование блогером неформального стиля ($\chi^2=8,169$, $p = ,004$), наличие блогера в кадре ($\chi^2=17,123$, $p = ,000$), использование визуального контента ($\chi^2=16,778$, $p = ,000$), локализация действий в школе ($\chi^2=10,307$, $p = ,001$), невозможность определить локацию действий ($\chi^2=18,246$, $p = ,000$), использование профессиональных терминов ($\chi^2=9,455$, $p = ,002$), молодежного сленга ($\chi^2=11,080$, $p = ,001$), эмоционально выразительной речи ($\chi^2=7,325$, $p = ,007$), объяснение темы ($\chi^2=33,390$, $p = ,000$).

Прилагательные группы "Эмоциональность видео" чаще, чем ожидается, применяются к видео с неформальным стилем одежды, наличием блогера в кадре, локализацией действий в школе, использованием молодежного сленга и эмоционально выразительной речи и реже, чем ожидается в случаях использования исключительно визуального контента и профессиональных терминов, невозможностью определить локацию действий, объяснением темы.

Анализ смысловых рядов. Самые частотные первичные ассоциации связаны со следующими прилагательными: познавательное, интересное и короткое. Рассмотрим получаемые смысловые ряды от первого популярного прилагательного. Они последовательно представлены в таблицах 2, 3, 4. Для прилагательного "короткое" – это 16 смысловых рядов, "познавательное" – 15, "интересное" – 10.

С прилагательным "короткое" образуются самые многозначные в интерпретации ассоциативные ряды, имеющие положительную и отрицательную коннотации.

Короткое в отрицательном значении связано с банальным, скучным, не очень информативным; неинтересным и обыденным контентом. В положительном значении можно выделить следующие однозначные смысловые ряды, когда ассоциации дополняют друг друга или близки по значению: конкретное – наглядное, наглядное – понятное; полезное – конкретное или простое; содержательное – понятное; понятное – интересное; лайфхаковое – эмоционально заряженное; рекламное – яркое. Нейтральные ассоциации, которым сложно однозначно определить направленность в таблице 2 отсутствуют.

Табл. 4. Смысловые ряды от третьего популярного прилагательного
Table 4. Semantic series from the third popular adjective

Первое прилагательное	Второе прилагательное	Третье прилагательное
интересное	грустное	честное
	краткое	позитивное
	отзывчивое	помогающее
	познавательное	полезное
	уникальное	образовательное
	актуальное	эксцентричное
	позитивное	полезное
	познавательное	удивительное
	практичный	информативный
	подробный	точный

Источник: составлено авторами статьи по результатам исследования.

Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

Таким образом, короткое видео обозначает, с одной стороны, отрицательные характеристики, связанные с неспособностью за короткий временной промежуток передать необходимую информацию в небанальной, нескупной форме. С другой (положительной) стороны, это один из критериев оценки формы и содержания, связанный со способностью понятно, наглядно, информативно, просто и динамично раскрыть для целевой аудитории заявленную тему. Ещё одна из важных функций – быстрое привлечение внимания в условиях повышенной конкуренции.

Прилагательное "познавательное" имеет положительную коннотацию и дополняется прилагательными, сгруппированными в ассоциативные ряды, связанные с формой подачи материала, используемыми наглядными и техническими средствами, направленностью содержания, временем, затраченным на передачу этого содержания.

Можно выделить сформированные целостные устойчивые ряды, в которых последующие прилагательные объединены единым значением: забавное – яркое; обучающее – доступное; поучительное – полезное; целостное – многогранное; интересное – насыщенное. Это типичные ассоциации, связанные с содержанием и формой, дающие понимание, что видео, которое преподносится в необычной привлекательной форме, логически продуманное и завершенное, прагматичное, с доступным объяснением, иногда с поучительной направленностью может решить поставленные когнитивные задачи. Ряд ассоциаций носит нейтральный характер: красивый – точный; быстрый – светлый. Отрицательные значения отсутствуют. Многозначный ассоциативный ряд представлен следующими характеристиками: анимационное – универсальное; доступное – красивое; интересное – потешное.

Детализация критерия познавательности позволяет выделить следующие уровни: содержание, формат и используемая форма, в том числе связанная с техническими навыками, преобладает фокус как на содержании, так и на форме, в рамках единых образовательных целей и задач.

"Интересное" как первичная ассоциация соотносится и с нетипичными индивидуальными ассоциациями, которые невозможно однозначно интерпретировать во втором и третьем случаях, например, интересное – грустное – честное; интересное – актуальное – эксцентричное. Типичные цепочки ассоциаций, дополняющих друг друга: отзывчивое – помогающее; познавательное – полезное; уникальное – образовательное; позитивное – полезное; практичное – информативное; подробное – точное. Нейтральных модальностей в ассоци-

ациях нет. Присутствует обращение не только к образовательным функциям, но и мотивирующим: отзывчивое – помогающее.

Итак, критерий интереса связан с такими характеристиками, как полезность, актуальность, позитивность, информативность, удивительность. Важен аспект, связанный с тем, как преподносится сам материал, личный стиль самого блогера, его уникальные методические находки и приемы.

Сопоставление экспертных и пользовательских оценок образовательных блогов. Для детской целевой аудитории дополнительно изучались три наиболее популярных на дату формирования выборки видеороликов комментария. В комментариях были выделены прилагательные и наречия, характеризующие отношение автора комментария к просмотренному видео. В таблице 5 представлено сравнение прилагательных, выделенных экспертами и прилагательных из комментариев подписчиков. Это позволяет сопоставить экспертное мнение с точкой зрения целевой аудитории.

Для параметров видео "целевая аудитория – дети", "язык блогов – русский" случайно были отобраны 17 видео для дальнейшего изучения комментариев и сопоставления прилагательных и наречий, используемых в комментариях с экспертными оценками. В таблице 5 включены 9 комментариев, ссылки на которые встречаются дальше в тексте.

В представленном видеоконтенте преобладают две группы: подготовка к ОГЭ и ЕГЭ и обучение дополнительным навыкам, формирование грамотности и образованности современного школьника. Первая группа связана с возрастными особенностями участников исследования – школьников старших классов. В оценке экспертов значение имела не направленность видео, а его форма и содержание, однако популярные комментарии пользователей для контекста выбранных прилагательных имеют определенную специфику в представленных группах.

С точки зрения подготовки к ОГЭ и ЕГЭ, особенно в режиме очень ограниченного времени, в комментариях отмечается их информативность, подробность, бесплатность, отличное объяснение, доступность, чёткость, возникший интерес, оригинальность подхода, повышенная уверенность в своих силах сдать экзамен, что можно соотносить с положительной модальностью в часто встречаемых типичных комментариях, также присутствует и отрицательная модальность, связанная с тревогой из-за того, что что-то не успеют или не понимают перед экзаменом, это реже встречаемые, но типичные ассоциации, выделенные нами в комментариях. Нейтральная направленность больше связана с благодарностями блогерам, пожеланием им удачи и продолжения того, что они делают, что можно лишь косвенно оценить, как одобряемый и востребованный образовательный видеоконтент. Именно здесь больше типичных ассоциаций, выделенных в комментариях, а также полученных со стороны экспертов.

Во второй группе, где сам контент разнообразнее, больше творческих форм репрезентации, встречаются как типичные комментарии, так и индивидуальные. Основная направленность – положительная. Отмечается нормальность, понятность, интерес, ирония. Больше типичных и положительных комментариев, нет отрицательных, практически отсутствуют нейтральные. Со стороны экспертов также даны положительные типичные ассоциации. Надо при этом отметить, что в комментариях больше дополнительной информации. Она позволяет лучше соотносить предложенную краткую характеристику через ассоциации экспертов с типичным мнением целевой аудитории.

Если сравнивать комментарии экспертов с тремя первыми комментариями пользователей, то можно отметить, что эксперты больше отталкиваются от критериев, их ассоциации связаны с конкретным видением определенных параметров видео, повседневный язык пользователей более простой и эмоциональный. При этом, противоречий в представленной выборке между содержанием комментариев и ассоциаций экспертов в выделенных группах не обнаружено.

Например, отмечается, что образовательное видео нормальное и понятное с точки зрения объяснения и сфокусированности на самом важном в обучении языке программирования, эксперт дает следующие ассоциации – основное, содержательное, простое (1). При изучении физики эмоциональные комментарии – интересное, доходчивое, с иронией у пользователей сочетают-

№	Первый комментарий	Второй комментарий
1	"Вот нормальный туториал без никаких задротских слов"	"Начал изучать. Ваши уроки понятны в отличии от других, сразу видно, что вы преподаватель. Всем привет из 2022го 7 мая"
2	"Шикарно! Особенно финал!) Спасибо за любовь к русскому языку)) Будем учиться у вас"	"Отличная задумка, спасибо за вашу идею, продолжайте и развивайтесь, желаю успеха! Я бы, как человек по ту сторону экрана, посоветовал"
3	"Вжариваем лайки Училке! Когда смотрел ролик, со смеху чуть не застрял у себя в голове. Энергии денег Вам побольше"	"Приятно, что существуют каналы, которые ставят своей целью повысить уровень грамотности носителей русского языка. Спасибо вам за работу, Татьяна! С меня лайк?"
4	"Очень оригинальный подход к материалу через всем известный мультик! Так лучше понимается!!! Большое спасибо!"	"Мы сдаем гос экзамен в университете на гражданско-правовом профиле. Спасибо за ВАШ труд! Вы СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК!!!!!!!!!!!!!!!"
5	"Почему это настолько круто? Просто невероятно!"	"Спасибо большое за честные и поясняющие замечания) про перевертывания в инструкции и авторитарный режим очень понравилось. Вы молодец, желаю вам побольше просмотров?"
6	"Внимание, после просмотра данного видео возможно проявление повышения самооценки, будьте бдительны!"	"Требуем разбор второй части, чтобы успокоиться на 100% :)"
7	"Будучи уже физиком-теоретиком я до сих пор в шоке от школьных задач"	"Такого учителя в каждую школу! Дети будут учиться с радостью"
8	"Не понимаю, как ещё все школьники не подписались на этот канал. Самый доступный контент для подготовки из всех! Спасибо!"	"Каждый выпуск шедевр"
9	"Видеокурсы, да еще такие подробные, бесплатные, спасибо тебе!"	"Забыла сказать отдельное спасибо за то, что Вы делитесь этой информацией бесплатно. Спасибо за доброту и поддержку!"

Примечание: орфография и пунктуация авторов комментариев сохранена в оригинале.

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

ся с "тематическое, головоломное, познавательное" – у эксперта (7). В одном из видео про разбор ЕГЭ выделено, что оно повышает самооценку, такие же смыслы находят отражение в ассоциативном ряде экспертов – успокаивающее, мотивирующее, смысловое (6).

В комментариях к видео по гражданскому праву выделены прилагательные – оригинальное, лучшее, запоминающееся (подход через известный мультфильм), экспертные ассоциации – наглядное, запоминающееся, интересное (4). В видео о юридических лицах доступность, интерес в оценках пользователей сочетаются с прилагательными наглядное, схематичное, интересное от экспертов (8). В видео про "Основы конституционного строя" отмечается невероятность, пояснение и честность, а в ассоциациях, что видео наглядное, понятное и четкое (5).

По русскому языку следующие комментарии – смешное, с целью повышения грамотности, ассоциации экспертов – смешное, познавательное, полезное (3). Другой ролик – шикарно, коротко и ясно, интересно, экспертная позиция – нестандартное, интересное, полезное (2). По подготовке к ЕГЭ по

Табл. 5. Соотношение экспертных прилагательных и комментариев к видео
Table 5. Ratio of expert adjectives and comments to the video

Третий комментарий	Три прилагательных
"Лучший учитель, хотела бы видеть вас на уроках в нашей школе"	Основное содержательное простое
"Мне очень нравится идея! Коротко и ясно. Полезно обновить знания, приобретённые в школе. С нашими умными гаджетами становится стыдно, когда автословарь исправляет ошибку за тебя. Спасибо за этот канал, очень интересно)"	Нестандартное интересное полезное
"Являюсь не учителем, в русский не вжаривал до долбанного отказа в энергии школы, но то, как сабж сотворяет свои сочинительные этюды - это топ. Я аж застрял в заражение его наречевое аппарата. Посылаю энергию благодарности за обзор."	смешно познавательное полезно
"Лучшее, что я нашла, чтоб вспомнить материал перед экзаменом по гражданскому праву ?? Спасибо!"	Наглядное запоминающееся интересное
"Спасибо за ролики! Смотрим с детьми на обществознании на дополнительных занятиях?"	Наглядное понятное чёткое
"На ЕГЭ все будет просто: Тем временем я после ЕГЭ: Здравствуй небо в облаках, здравствуй юность в сапогах.."	Успокаивающее мотивирующее смысловое
"Это даже интересно стало смотреть и слушать. Вот бы мне в школе такого учителя. Спокойно, доходчиво с иронией. И самое главное. Почему-то интересно! Удачи Вам"	тематическое головолмное познавательное
"За эти 25 минут я узнал больше, чем за весь год занятий по гражданскому праву и предпринимательству"	Наглядный схематичный интересный
"Отлично все объяснено, спасибо огромное. Но мой мозг закипел от количества новой информации."	Внимательное полезное понятное

информатике – подробное, бесплатное, отличное, ассоциации через прилагательные от экспертов – внимательное, полезное, понятное (9).

Приведенные данные ещё раз подчеркивают смысловое совпадение ассоциаций целевой аудитории и экспертов, но разные языковые средства выражения, большую эмоциональность у пользователей. Анализ не претендует на завершенность, нашей целью было показать, что анализируемые ассоциативные ряды экспертов могут быть объективными и совпадать с откликом целевой аудитории.

Заключение

Обобщение данных представленного ассоциативного метода позволяет выделить основные критерии в экспертной оценке образовательного видеоблогинга:

1. Оценка через три уровня: форма, содержание, формат. Важно не только содержание, но и его подача, включая технические современные возможности.

2. Основные характеристики: решение познавательных задач; привлечение внимание целевой аудитории, развитие интереса; лаконичность как специфика создания подобного образовательного контента. Интерес связан с индивидуальным стилем блогеров.

3. Познавательность и интерес имеют свои особенности на уровне содержания и формы, краткость может быть определена как в положительном контексте, связанном с простотой, привлечением внимания, так и отрицательном, когда это становится неинформативным, скучным и формальным.

4. Ассоциативный метод можно использовать при работе с целевыми аудиториями как дополнительный метод оценки видеоблогов.

Независимо от характера, ассоциации дают сведения о поведении, действиях индивида, а значит, определяют и общественное мнение. Ассоциативный метод представляется хорошим дополнением к традиционному социологическому инструментарию. Его преимущество в том, что он может использоваться при изучении самых разных тем, прост в организации, требует мало времени на проведение, применим для решения задач на всех этапах работы не только с респондентами, но и с экспертами.

Образовательный видеоблогинг выступает новым феноменом в изучении современных трендов, когда важно понять сформирован ли образ в массовом сознании, определить эффективные подходы к изучению самого контента и отношения к нему целевых аудиторий и профессиональных групп. В этом отношении метод направленных ассоциаций выступает одним из возможных способов решения исследовательских задач в комплексной методической стратегии на разных этапах проведения исследования, позволяя установить неизвестную для исследователя взаимосвязь явлений, процессов и факторов, особенно в ситуации появления новых практик и разработки новой области для исследований.

Исследовательские вопросы с использованием ассоциаций вызывают большой интерес у респондентов и могут стать основой для последующей рефлексии и интервью, особенно в случае с экспертами, когда повышается способность через критический анализ к осознанию истинных смыслов и значений. Метод ассоциаций помимо содержательного компонента позволяет выявить характер смысловой или эмоциональной коннотации. Ассоциации рассматриваются как положительные, отрицательные и нейтральные, исходя из этого происходит интерпретация связи ассоциации и стимула, это использовалось нами при анализе выбранного массива образовательных видеоблогов, а также комментариев пользователей.

Основная сложность использования ассоциативного метода связана с интерпретацией полученного материала. Для оценивания собранных данных требуется единая схема с выбранными параметрами в обозначенных теоретических рамках, по которым проводится сравнение. В результате исследователь получает множественные ассоциации, сгруппированные по разным критериям, связанным с решением исследовательских задач. Ядро ассоциаций – это типичные, часто встречаемые ассоциации, представляющие наибольший интерес для социологов, изучающих личность через принадлежность к социальным группам. Индивидуальные, уникальные ассоциации также рассматриваются через отражение социальных особенностей. Один из показателей сформированности образов – соотношение типичных и нетипичных ассоциаций, их стереотипность. Результаты количественного подсчета, дополняются общим анализом собранных эмпирических данных.

Список анализируемых видеоблогов

- Иван Викторович / Ioan Plugar. "Python с нуля. Урок 2 | Условные операторы. Пользовательский ввод". URL: https://www.youtube.com/watch?v=P8XvMo_NNvo
- Училка vs ТВ. "Училка vs ТВ": ИВАН УРГАНТ НЕ ЗНАЕТ РУССКОГО. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yQX5m0P8mKM>
- Училка vs ТВ. "Училка VS ТВ": Училка в ШОКЕ от Игоря ВОЙТЕНКО. URL: https://youtube.com/watch?v=pJy0tC_AnvY&feature=share8
- Обществознание без цензуры. #23 Гражданское право. URL: <https://youtu.be/fb-xkhBDYaY>

- Обществознание без цензуры. #28 Основы конституционного строя. URL: <https://youtu.be/9IN1pvM1BMo>
- Борис Трушин. ? В реальном ЕГЭ по математике нет сложных задач | Задания 1-12. Профильный уровень | Борис Трушин. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zBrjgvxzT_w
- Борис Трушин. ? Старая вирусная задача | Не баян, а классика | Ботай со мной #085 | Борис Трушин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-F-WOBKYMSM>
- Обществознание без цензуры. #26 Юридические лица. URL: <https://youtu.be/xiuNEvJ4Qjo>
- Информатик БУ."Системы счисления #1. Подготовка к ЕГЭ по информатике. Видеокурс.". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=npB81F-V4mc>

Литература

1. Абросимова Е. Е. Образовательный потенциал современной видеоблогосферы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 4 (63). С. 20–26.
2. Абросимова Е. Е., Филипова А. Г. Рейтинг популярных видеоблогеров: взгляд современных подростков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2 (61). С. 131–137.
3. Абросимова Е. Е., Филипова А. Г., Ардалянова А. Ю. Videоблогинг глазами детей и взрослых: социологический анализ. Санкт-Петербург, 2019. 230 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Белова Н. Н. Семантика оценки в именах прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 27 с.
6. Бычкова М. Б. Современный видеоблог: причины популярности и жанровое многообразие // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2019. № 1 (60). С. 127–131.
7. Иванова Н. А. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2013. Вып. 3. С. 116–122.
8. Ильина В. А. Ассоциативный эксперимент как способ образования семантического поля // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2010. № 5. С. 7–10.
9. Исследование: Почти половина россиян смотрит видеобзоры перед покупками и предпочитают чат-боты телефонным звонкам в компании // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/06/29/issledovanie-pochti-polovina-rossiian-smotrit-videobzory-pered-pokupkami-i-predpochitaiut-chat-boty-telefonnym-zvonkam-v-kompanii.html> (дата обращения: 04.07.2024).
10. Красова Е. Специфика ассоциативного эксперимента в исследовании образов политиков // Relga. 2010. № 13 (211). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2706&level1> (дата обращения: 04.07.2024).
11. Красова Е. Ю. Бренд-имидж Воронежа в оценках горожан // Relga. 2012. № 17. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3385&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 04.07.2024).
12. Николаева Е. И., Белова С. С., Тренин Е. М. Вербальная ассоциация и эмоциональное слово. Психологический и психофизиологический анализ эмоциональной значимости слов // Словарь парадигматических ассоциаций и словарь совпадений ассоциативных полей слов различной эмоциональной значимости: в 2-х тт. Т. 1. Санкт-Петербург, 2014. 199 с.
13. Паутова Л. А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения / Л. А. Паутова // Социология: Методология, методы, математические модели. 2007. № 24. С. 149–168.
14. Совет учителей-блогеров // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/blogsovet/> (дата обращения: 04.07.2024).
15. Филипова А. Г., Скрыпникова Е. М. Специфика образовательного видеоблогинга как инструмента работы школьного учителя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 7 (180). С. 48–56.
16. Филипова А. Г., Скрыпникова Е. М., Абросимова Е. Е. Особенности и типы самопрезентаций в образовательном видеоблогинге // Социодинамика. 2023. № 11. С. 46–62.
17. ФОМ: доверие – ключевой показатель при выборе источника информации // Sostav.ru. URL: <https://www.sostav.ru/publication/rossiyane-bolshe-vsego-doverayut-traditsionnym-smi-oprosfom-39274.html> (дата обращения: 4.08.2024).
18. Шестопал Е. Б., Новикова-Г М. В. Восприятие образов двенадцати ведущих политиков России (Психологический и лингвистический анализ) // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 168–191.
19. Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.

20. Bardakçı S. Exploring high school students' educational use of YouTube // *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2019. № 20(2). P. 260–278. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v20i2.4074>.
21. Debus M. *Handbook for Excellence in Focus Group Research*. Washington, DC: Academy for Education Development, 1986. 75 p.
22. Meeder R. Videoblogging in Education: The new wave of interactive educational television, 2008. URL: https://www.academia.edu/1519347/Videoblogging_in_Education_The_new_wave_of_interactive_educational_television (дата обращения: 04.07.2024).
23. Pattier D. Teachers and YouTube: The use of video as an educational resource // *Ricerche Di Pedagogia E Didattica. Journal of Theories and Research in Education*. 2021. № 16(1). P. 59–77. <https://doi.org/10.6092/issn.1970-2221/11584>.

References

1. Abrosimova E. E. Educational potential of the modern video blogosphere // *Ojkumene. Regional research*. 2022. № 4 (63). P. 20–26 (In Russ.).
2. Abrosimova E. E., Filipova A. G. Rating of popular video bloggers: the view of modern teenagers // *Ojkumene. Regional research*. 2022. No. 2 (61). P. 131–137. (In Russ.).
3. Abrosimova E. E., Filipova A. G., Ardalyanova A. Yu. Video blogging through the eyes of children and adults: sociological analysis. St. Petersburg, 2019. 230 p. (In Russ.).
4. Arutyunova N. D. *Language and the world of man. M.: Languages of Russian Culture*, 1999. 896 p. (In Russ.).
5. Belova N. N. Semantics of evaluation in adjectives: abstract. dis....cand. philol. Sci. M., 2011. 27 p. (In Russ.).
6. Bychkova M. B. Modern video blog: reasons for popularity and genre diversity *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*. 2019. No. 1 (60). P. 127–131 (In Russ.).
7. Ivanova N. A. Application of the free association method in empirical sociological research // *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12*. 2013. Issue 3. P. 116–122. (In Russ.).
8. Ilyina V. A. Associative experiment as a way of forming a semantic field // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series Linguistics*. 2010. No. 5. P. 7–10. (In Russ.).
9. Study: Almost half of Russians watch video reviews before shopping and prefer chat-bots to phone calls to companies // *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2023/06/29/issledovanie-pochti-polovina-rossiian-smotrit-videoobzory-pered-pokupkami-i-predpochitaiut-chat-boty-telefonnym-zvonkam-v-kompanii.html> (accessed 04.07.2024). (In Russ.).
10. Krasova E. Specifics of an associative experiment in the study of politicians' images // *Relga*. 2010. No. 13 (211). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2706&level1> (accessed 04.07.2024) (In Russ.).
11. Krasova E. Yu. Brand image of Voronezh in the assessments of citizens // *Relga*. 2012. No. 17. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3385&level1=main&level2=articles> (accessed 04.07.2024). (In Russ.).
12. Nikolaeva E. I., Belova S. S., Trenin E. M. Verbal association and emotional word. Psychological and psychophysiological analysis of the emotional significance of words // *Dictionary of paradigmatic associations and dictionary of coincidences of associative fields of words of different emotional significance: monograph in 2 vol. Vol. 1*. St. Petersburg, 2014. 199 p. (In Russ.).
13. Pautova L. A. Associative experiment: an experience of sociological application // *Sociology: Methodology, methods, mathematical models*. 2007. No. 24. P. 149–168. (In Russ.).
14. Council of teachers-bloggers // Ministry of Education of the Russian Federation. URL: <https://edu.gov.ru/blogsovet/> (accessed 04.07.2024). (In Russ.).
15. Filipova A. G., Skripnikova E. M. Specifics of Educational Video Blogging as a Tool for a School Teacher // *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2023. No. 7 (180). P. 48–56. (In Russ.).
16. Filipova A. G., Skripnikova E. M., Abrosimova E. E. Features and Types of Self-Presentations in Educational Video Blogging // *Sociodynamics*. 2023. No. 11. P. 46–62. (In Russ.).
17. FOM: Trust is a Key Indicator When Choosing an Information Source // *Sostav.ru*. URL: <https://www.sostav.ru/publication/rossiyane-bolshe-vsego-doverayut-traditsionnym-smi-opros-fom-39274.html> (accessed 4.08.2024). (In Russ.).
18. Shestopal E. B., Novikova-G M. V. Perception of images of twelve leading politicians of Russia (Psychological and linguistic analysis). // *Polis. Political research*. 1996. No. 5. P. 168–191. (In Russ.).
19. Shmatko N. A., Kachanov Yu. L. Territorial identity as a subject of sociological research // *Sociological research*. 1998. No. 4. P. 94–98. (In Russ.).
20. Bardakçı S. Exploring high school students' educational use of YouTube // *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2019. № 20 (2). P. 260–278. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v20i2.4074>.
21. Debus M. *Handbook for Excellence in Focus Group Research*. Washington, DC: Academy for Education Development, 1986. 75 p.

22. Meeder R. Videoblogging in Education: The new wave of interactive educational television, 2008. URL: https://www.academia.edu/1519347/Videoblogging_in_Education_The_new_wave_of_inter-active_educational_television (accessed 04.07.2024).

23. Pattier D. Teachers and YouTube: The use of video as an educational resource | // Ricerche Di Pedagogia E Didattica. Journal of Theories and Research in Education. 2021. № 16 (1). P. 59–77. <https://doi.org/10.6092/issn.1970-2221/11584>.

Информация об авторах

Евгения Евгеньевна Абросимова, канд. соц. наук, научный сотрудник Лаборатории комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: gajony@mail.ru

Оксана Геннадьевна Зубова, канд. полит. наук, доцент кафедры социальных технологий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: zubovaoksana@bk.ru

Александра Геннадьевна Филипова, д-р соц. наук, заведующий Лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alexandra.filipova77@gmail.com

Information about the authors

Evgenia E. Abrosimova, Candidate of Sociology, Researcher, Laboratory of Complex Studies of Childhood, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: gajony@mail.ru

Oksana G. Zubova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: zubovaoksana@bk.ru

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sociology, Head of the Laboratory of Complex Studies of Childhood, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Herzen University, St. Petersburg, Russia, e-mail: Alexandra.filipova77@gmail.com

Поступила в редакцию 08.08.2024

Одобрена после рецензирования 12.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 08.08.2024

Approved 12.11.2024

Accepted 27.11.2024

Научная статья
УДК 330.332.011+339.9+327.81+327.57
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/136-150>

Приток прямых иностранных инвестиций в страны АТР: влияние политических и экономических рисков

Дмитрий Александрович Изотов
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, izotov@ecrin.ru

Аннотация. Целью исследования является оценка влияния политических и экономических рисков и их компонентов на приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны АТР в 1994–2022 гг. Показано, что на страны АТР приходилось более половины накопленного объема глобального притока ПИИ, лидерами среди которых являлись США и КНР. Выявлено, что приток ПИИ в страны АТР определялся в долгосрочном периоде рисками в политической и экономической сфере, которые оценивались на основе сводных индексов политического риска и экономической свободы и их компонентов. Чем выше значения сводных индексов, тем ниже уровень риска. В соответствии с полученными оценками, увеличение на 1% значений сводных индексов политического риска и экономической свободы способствовало наращиванию притока прямого зарубежного капитала в АТР на 0,24% и на 0,17% соответственно. Оценки компонентов рисков указали, что для создания долгосрочных условий привлечения ПИИ в страны АТР ключевыми моментами являлись: построение сильного и гармоничного государства, не конфликтующего с другими странами; низкая налоговая нагрузка и увеличение доли частного сектора в экономике. Показано, что в современных условиях нарастание различных ограничений способно фрагментировать потоки ПИИ, искажая долгосрочное влияние политических и экономических рисков на привлечение прямого зарубежного капитала в страны АТР.

Ключевые слова: *прямые иностранные инвестиции, индекс политического риска, индекс экономической свободы, индекс стабильности государственного управления и уровня насилия, индекс размера государства в экономике, АТР*

Для цитирования: Изотов Д. А. Приток прямых иностранных инвестиций в страны АТР: влияние политических и экономических рисков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 136–150. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/136-150>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/136-150>

FDI Inflow to Pacific Rim Countries: Impact of Political and Economic Risks

Dmitry A. Izotov
Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia, izotov@ecrin.ru

Abstract. The purpose of the study is to assess the impact of political and economic risks and their components on FDI inflows to the Pacific Rim countries in 1994–2022. The Pacific Rim countries accounted for more than half of the accumulated volume of global FDI inflows, with the United States and China leading the way. FDI inflows to the Pacific Rim countries were determined in the long term by risks in the political and economic spheres, which were assessed based on the corresponding indices of political risk and economic freedom and their components. High values of these indices indicate low risk of the country and vice versa. The assessments showed that risk reduction had a positive effect on attracting FDI to the Pacific Rim countries: a 1% increase in the values of the composite indices of political risk and economic freedom contributed to an increase in FDI inflows by 0.24% and 0.17%, respectively. The assessments of risk components indicated that the key points for creating long-term conditions for attracting FDI to the Pacific Rim countries were: building a strong and harmonious state that does not conflict with other countries; low tax burden and an increase in the share of the private sector in the economy. However, in modern conditions, the growth of various restrictions can fragment FDI flows, distorting the long-term impact of political and economic risks on attracting FDI to the countries of the Pacific Rim.

Key words: *FDI inflow, political risk index, economic freedom index, governance stability and violence index, government size index, Pacific Rim countries*

For citation: Izotov D. A. FDI Inflow to Pacific Rim Countries: Impact of Political and Economic Risks // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 136–150. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/136-150>

Введение

Анализ динамики прямых иностранных инвестиций (ПИИ)¹ и факторов, их определяющих, является одним из важных аспектов в изучении эконо-

¹ Под ПИИ понимаются осуществляемые резидентом зарубежной экономики (прямой инвестор или материнская компания) с целью установления долгосрочного интереса к предприятию, которое является резидентом в отечественной экономике (предприятие с прямыми инвестициями или зарубежный филиал). Долгосрочный интерес подразумевает наличие длительных отношений между прямым зарубежным инвестором и предприятием. Считается, что владение более 10% доли собственности предприятия является достаточным для влияния на его управление со стороны зарубежного инвестора. Подробно: [6].

мических взаимодействий между странами [5]. Для национальных экономик, стремящихся получить дополнительный импульс развития, необходимым условием для привлечения ПИИ является реализация государственных мер по снижению страновых рисков², сдерживающих приток капитала из-за рубежа. Одним из наиболее распространенных способов количественной оценки влияния страновых рисков на динамику ПИИ является использование соответствующих комплексных рейтинговых показателей или индексов, которые разрабатываются ведущими глобальными консалтинговыми компаниями³ и международными организациями⁴. Важным аспектом в составлении данных индексов является объективность [1], поскольку они с одной стороны, служат источником информации для зарубежных инвесторов, оказывая влияние на их ожидания, с другой – отражают комплексную оценку инвестиционного климата в национальной экономике [19]. В целом, индексы страновых рисков возможно разделить на две крупные категории: политического⁵ и экономического риска⁶. Ex-post оценки в целом подтвердили позитивное влияние на приток ПИИ снижения данных рисков или увеличения рейтинговых показателей стран в рамках указанных индексов [5; 24]. Однако, соотношение влияния данных рисков на приток ПИИ является дискуссионным.

С одной стороны, общему росту притока ПИИ в середине 1980-х – первой половине 2000-х гг. способствовало снижение уровня именно политического риска [8]. С этой точки зрения, важным моментом для стимулирования притока ПИИ в национальную экономику являлось улучшение репутации политического руководства страны и соблюдения государственных гарантий для зарубежного корпоративного сектора, наряду с проведением институциональных преобразований для облегчения ведения бизнеса в стране [21]. Высокий политический риск в 2000-х – 2010-х гг. ухудшал условия для притока ПИИ в развивающиеся страны, которые было крайне проблематично кардинально улучшить только за счёт развития экономических показателей [14]. Тем не менее, снижение экономического риска смягчало негативное влияние политического риска, особенно в энергетической отрасли ряда развивающихся стран [13]. Поэтому для реализации стратегии привлечения ПИИ, особенно в развивающихся странах, в целом было необходимо снижение как политического, так и экономического рисков путём создания сильных государственных институтов, смягчения уровня коррупции и реализации последовательной экономической политики, что в совокупности способствовало улучшению инвестиционного климата [22]. При этом политические риски существенно сдерживали приток ПИИ из развитых в развивающиеся страны [23].

С другой стороны, в ряде случаев политические риски не оказывали значительного воздействия на приток ПИИ в те или иные страны [12], а большее влияние на приток ПИИ для ряда развивающихся стран оказывало снижение экономического риска [20]. Помимо этого, было обнаружено, что важным аспектом для обмена ПИИ между странами являлась схожесть их институционального развития, поскольку наличие "сильных" институтов может быть не привлекательным для инвесторов из некоторых стран, а "слабые" институты не всегда сдерживают прямые капиталовложения из-за рубежа, несмотря на высокие риски [3]. При этом доступ для корпоративного сектора

² Под страновым риском в исследовании понимается риск потерь для зарубежного инвестора в результате его прямого капиталовложения в проекты в рамках национальной экономики.

³ PRS, Heritage Foundation, Euromoney, Economist Intelligence Unit, Freedom House, Transparency International, Global Innovation Policy Center, Deloitte, Standard and Poor's и др.

⁴ Всемирный банк, МВФ, ОЭСР, ООН, ВТО, региональные банки экономического развития и др.

⁵ Под политическим риском в исследовании понимается риск, связанный с функционированием политических институтов, политическими изменениями и нестабильностью, что влияет на ожидания инвестора по поводу возможной прибыльности его бизнеса в данной стране.

⁶ В настоящем исследовании экономический (финансово-экономический) риск представляет собой риск инвестирования в национальную экономику, возникающий из-за структурных и динамических особенностей ее функционирования, изменений в экономической политике, колебаний рынка, ограничений экономических прав и свобод.

к крупному зарубежному рынку через механизмы ПИИ в ряде случаев имел гораздо большее значение, чем высокие риски данной страны [18]. Также для обеспечения функционирования национальной экономики и расширения ее внешнеполитического влияния ПИИ могут осуществляться при государственной поддержке на основе межправительственных договоренностей, а экономические и политические риски в стране-реципиенте имели второстепенное значение [9].

Следует заметить, что за последние три десятилетия интеграционные процессы в мире способствовали общему снижению торгово-экономических барьеров на глобальном и субглобальном уровнях. В этих условиях экономики стран АТР получили значительный импульс в своём развитии, что позволило данному региону мира сохранить глобальное лидерство, аккумулировав более половины мирового ВВП и торговли. Одним из ключевых источников, способствовавших расширению взаимодействий экономик стран АТР с глобальной и субглобальными экономическими системами, являлись ПИИ. Ввиду общей дискусионности влияния экономических и политических рисков на приток ПИИ представляется важным получение долгосрочной оценки влияния факторов, способствующих привлечению прямых зарубежных капиталовложений в страны АТР. В число стран АТР входит Россия. Поскольку торговые и инвестиционные связи России перестраиваются с европейского рынка на рынки других стран, оценка долгосрочного влияния политических и экономических рисков и их ключевых компонентов на приток ПИИ в АТР является важным аспектом для понимания общих приоритетов в поведении инвесторов, осуществляющих долговременные прямые капиталовложения в страны данного региона мира, что может быть использовано в стратегии диверсификации внешних источников развития российской экономики.

Поэтому целью настоящего исследования является долгосрочная оценка влияния политического и экономического рисков и их компонентов на приток ПИИ в страны АТР. Алгоритм исследования предполагает решение следующих задач: 1) анализ динамики и структуры притока ПИИ в страны АТР, а также выбор индексов политического и экономического рисков и компонентов, их формирующих; 2) формирование массива данных и выбор методики оценки; 3) оценка долгосрочного влияния политического и экономического рисков и их компонентов на приток ПИИ в страны АТР.

По причине значительной волатильности стоимостных объёмов потока ПИИ, в настоящем исследовании рассматриваются накопленные значения данного показателя⁷. В настоящем исследовании оценка влияния соответствующих рисков и их компонентов на приток ПИИ в страны АТР осуществлялась для долгосрочного периода, охватывающего 1994–2022 гг., т. е. в период формирования современных механизмов торгово-экономической либерализации между странами – ВТО и зоны свободной торговли в расширенном формате. Массив данных ограничивался тридцатью экономиками⁸, на которые приходилось около 99% накопленного стоимостного объёма притока ПИИ в АТР в среднем за период.

Страны АТР: динамика и структура притока ПИИ, индексы политического и экономического риска

По размеру ВВП АТР долгое время сохраняет за собой ведущее место в мире, доля которого в глобальной экономике в среднем за рассматриваемый период составила почти 60%, увеличившись с 58,7% в 1994 г. до 63,1% в 2022 г. В АТР расположены три крупнейшие в мире национальные экономики: США,

⁷ Потоки ПИИ формируют соответствующие сделки, зарегистрированные в течение отчетного периода, которые состоят из приобретения или продажи акционерного капитала, реинвестирования прибыли и межфирменной задолженности. В свою очередь, накопленные ПИИ представляют собой накопленный стоимостной объем ПИИ, зафиксированный в конце отчетного периода.

⁸ Австралия, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Канада, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Малайзия, Мексика, Монголия, Мьянма, Никарагуа, Новая Зеландия, Панама, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сальвадор, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили, Эквадор и Япония.

КНР и Япония⁹. Благодаря открытости рынков товаров и капитала экономики АТР получили значительный импульс в своём развитии. На страны АТР в среднем за период приходился 51% накопленного стоимостного объёма притока ПИИ в глобальной экономике, увеличившись в 16 раз – с 1537 млрд долл. в 1994 г. до 24746 млрд в 2022 г.

Следует заметить, что после Азиатского кризиса 1997 г. и вплоть до Глобального финансового кризиса 2008 г. доля стран АТР в притоке ПИИ в мировой экономике сокращалась, что было связано с массовым притоком капитала в европейские страны, а также в прочие развивающиеся и транзитные экономики. С конца 2000-х гг. доля стран АТР в глобальном притоке ПИИ имела тенденцию к увеличению, за исключением эпизодов, связанных с рецессией мировой экономики, связанных с COVID-19 и с обострением геополитических рисков в 2022 г. Тем не менее, доля стран АТР в глобальном притоке ПИИ в долгосрочном периоде увеличилась с 52% в 1994 г. до 55% в 2022 г. (табл.1).

В АТР сложилось несколько центров притяжения ПИИ: США, КНР, страны АСЕАН¹⁰, Гонконг, Канада, Австралия и Мексика. На данные экономики в среднем за период приходилось более 90% притока ПИИ в АТР. Среди них безусловным лидером являлись США, на которые приходилось 48% накопленного стоимостного объёма притока ПИИ в АТР. При этом доля экономики США в притоке ПИИ в АТР постепенно сокращалась – с 49% в 1994 г. до 42% в 2022 г., что было связано с наращиванием доли КНР – с 5% до 18% соответственно (в среднем за период – 7%).

В рамках страновой структуры притока ПИИ в АТР особое место занимал Гонконг, являющийся специальным административным районом КНР, но функционирующий как отдельная национальная экономика. Доля Гонконга в притоке ПИИ в АТР составила 11%¹¹ в среднем за период, что было выше, чем у КНР. Следует заметить, что Гонконг продолжительное время выполнял функцию офшорной территории преимущественно для китайского бизнеса. Другой экономикой АТР, выполняющей, в том числе, офшорные функции, являлся Сингапур, входящий в АСЕАН, доля которого в притоке ПИИ в субглобальную экономику в среднем за период составила 6% (или 56% от притока ПИИ в страны АСЕАН¹²), увеличившись с 4% в 1994 г. до 10% в 2022 г. В рамках взаимодействия с глобальным и субглобальным рынками капитала, Сингапур и Гонконг специализировались, в том числе, в операциях по привлечению средств и их последующему возврату под видом ПИИ, преимущественно в КНР, а также в другие страны АСЕАН, что соответствует понятию "фиктивные инвестиции". Данное обстоятельство указывает на то, что корпоративный сектор ряда стран АТР инициировал осуществление ПИИ за рубеж, в том числе во избежание негативных эффектов от экономических и политических рисков в своей собственной стране [4].

Также к заметным реципиентам ПИИ в АТР относились страны, специализирующиеся в массовом экспорте сырьевых товаров – Канада и Австралия, доля которых в среднем за период составила 8% и 4% соответственно. Данные страны увеличивали доли в притоке ПИИ в АТР в условиях роста цен в глобальной экономике на сырьевые товары (2004–2007 гг. и 2009–2013 гг.), и снижали – во время коррекции цен. При этом Канаде удалось увеличить свою долю в притоке ПИИ в АТР с 7% в 1994 г. до 8% в 2022 г., а Австралия – напротив, снизила – с 7% до 3% соответственно, полагаясь на капиталовложения национальных компаний в сырьевой сектор.

Доля Мексики в притоке ПИИ в АТР по сравнению с вышеперечисленными странами была небольшой, увеличившись с 2% в 1994 г. до 3% в 2022 г. Тем не менее, в условиях переноса части производств американских корпора-

⁹ По состоянию на 2022 г. В 2023 г. по стоимостному объёму ВВП в текущих ценах Германия опередила Японию.

¹⁰ В Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) входило 10 стран: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины.

¹¹ При этом постепенно снижаясь – с 17% в 1994 г. до 9% в 2022 г.

¹² Доля стран АСЕАН в притоке ПИИ в страны АТР составила в среднем за период более 10%, увеличившись с 8% в 1994 г. до 14% в 2022 г.

ций из Китая в другие страны, именно мексиканская экономика в последние годы постепенно увеличивала приток ПИИ, прежде всего, из США в условиях функционирования ЮСМКА – зоны свободной торговли в расширенном формате, включающей также США и Канаду.

Доля остальных стран АТР притоке ПИИ в субглобальную экономику была менее 10%. Среди остальных стран АТР выделялись поставщики сырьевых товаров: Россия, доля которой в притоке ПИИ в субглобальную экономику составила 2,3% в среднем за период¹³, а также Чили – 1,3% соответственно. Следует заметить, что в АТР была реализована японским корпоративным сектором стратегия "летающих гусей", позволившая за счёт направления прямых инвестиций в трудоизбыточные страны Восточной Азии расширить внутрифирменную торговлю, значительно увеличив товарооборот экономик субглобального региона с глобальным рынком. Впоследствии со второй половины 1980-х гг. помимо Японии такие экономики Восточной Азии как Республика Корея и Тайвань также стали важными донорами ПИИ в АТР. При этом доля данных стран в привлечении ПИИ в АТР была относительно небольшой¹⁴, поскольку их экономики полагались на капиталовложения собственного корпоративного сектора.

Как предполагается, приток ПИИ в страны АТР определялся в долгосрочном периоде параметрами политического и экономического рисков, которые оцениваются экспертным способом на основе соответствующих индексов. Следует заметить, что для долгосрочного периода для широкого перечня национальных экономик насчитывается сравнительно небольшое число индексов страновых рисков. Как показали имеющиеся оценки [8; 20], для долгосрочного периода одними из надежных комплексных показателей¹⁵, которые широко используются при анализе динамики ПИИ, являются индексы, оцениваемые с 1984 г. группой компаний PRS [11], отражающие значения политических рисков для большинства стран мира, а также разрабатываемый фондом Heritage с 1995 г. индекс экономической свободы [10]. Данные индексы использовались в качестве факторов притока ПИИ в АТР.

Следует заметить, что формируемые PRS индексы финансово-экономических рисков в свободном доступе отсутствуют, по этой причине, в настоящем исследовании оценки могут быть проведены только для индекса сводного политического риска¹⁶. Чем больше количество баллов по данному индексу, тем ниже политический риск страны. Соотношение значений индекса и притока ПИИ в страны АТР указало на наличие положительной связи между двумя показателями, т. е. чем выше значения сводного индекса политического риска, тем выше приток прямого капитала (*рис. 1*).

При анализе влияния политического риска на приток ПИИ не был учтён экономический компонент риска. По этой причине в качестве альтернативы был использован сводный индекс экономической свободы фонда Heritage, который также применяется при оценке факторов ПИИ [13]. Также, как и сводный индекс политического риска, сводный индекс экономической свободы является многокомпонентным и чем больше количество баллов по данному индексу (от 0 до 100 баллов), тем ниже риск. Сопоставление значений сводного индекса экономической свободы и притока ПИИ в АТР указало на наличие прямой связи между ними (*рис. 2*).

Обнаруженная положительная связь между данными показателями позволяет провести анализ влияния на приток ПИИ в страны АТР сводных индексов политического риска и экономической свободы, а также компонентов,

¹³ Основная доля привлеченных ПИИ в Россию главным образом была сосредоточена в европейской части страны.

¹⁴ В среднем за 1994–2022 гг.: Япония – 1,8%, Республика Корея – 1,3%, Тайвань – 0,6%.

¹⁵ Помимо этого, существуют также частные показатели странового риска, например, связанные с кредитным рейтингом экономики, разрабатываемые, прежде всего, для портфельных и прочих инвесторов.

¹⁶ Значения политического риска для 30 стран АТР были заимствованы из базы данных Всемирного банка и библиотеки Университета Оклахомы и отражены в индексной форме в диапазоне от 0 до 100 баллов.

Табл. 1. Накопленный стоимостной объём притока ПИИ стран АТР: доля в мире (в %) и распределение по экономикам субглобального региона (млрд долл.)
Table 1. FDI stock inflows to Pacific Rim countries: share in the world (in %) and distribution by countries (bln USD)

Годы	Прочие страны АТР	Мексика	Австралия	Канада	Гонконг	АСЕАН	КНР	США	Доля в мире, %
1994	119	33	101	110	221	120	74	758	51,7
1996	180	47	123	133	238	190	128	1229	54,7
1998	201	64	113	143	225	215	175	2179	55,8
2000	263	122	122	325	435	252	193	2783	59,5
2002	379	164	154	290	315	277	217	2022	50,3
2004	538	207	291	544	427	369	245	2717	48,7
2006	794	277	302	707	704	551	293	3293	48,5
2008	877	281	308	620	783	773	378	2486	42,8
2010	1321	356	528	984	1068	1135	587	3422	46,9
2012	1422	426	616	954	1245	1479	832	3916	46,6
2014	1379	457	583	995	1496	1749	1084	5457	49,5
2016	1600	434	611	903	1626	1920	1354	6503	51,5
2018	1781	516	700	922	1963	2417	1628	7347	51,5
2020	1998	544	780	1185	1851	3017	1919	10292	51,6
2022	2025	649	758	1440	2091	3499	3822	10462	55,4

Источник: [6].

Source: [6].

их формирующих с целью получения количественных оценок, позволяющих определить наиболее важные факторы, стимулирующие привлечение зарубежного капитала в субглобальную экономику.

Методика и данные

Методика оценки. Для определения влияния обозначенных выше индексов на приток ПИИ, по аналогии с проводимыми в подобном русле исследованиями [8; 20], был применен двухшаговый обобщенный метод моментов (ОММ) в рамках процедуры прямого ортогонального отклонения для устранения автокорреляции между переменными [7]. В качестве инструментальных переменных в рамках ОММ использовались лаговые значения независимых переменных, в том числе константа, а также прочие факторы. В результате, оценка влияния индекса политического риска и его компонентов на приток ПИИ строилась следующим образом:

$$\log FDI_{it} = \alpha \log FDI_{it-1} + \beta_{1...n} \log PRI_{it} + \mu_i + \eta_t + \varepsilon_{it} \quad (1)$$

где: FDI – накопленный стоимостной объём притока ПИИ; FDI_{t-1} – лаговое значение накопленного стоимостного объёма притока ПИИ; PRI – индекс политического риска: сводное значение и его компоненты (n – количество компонентов); μ – индивидуальные эффекты стран/экономических территорий, учтенные в рамках процедуры прямого ортогонального отклонения; η – фик-

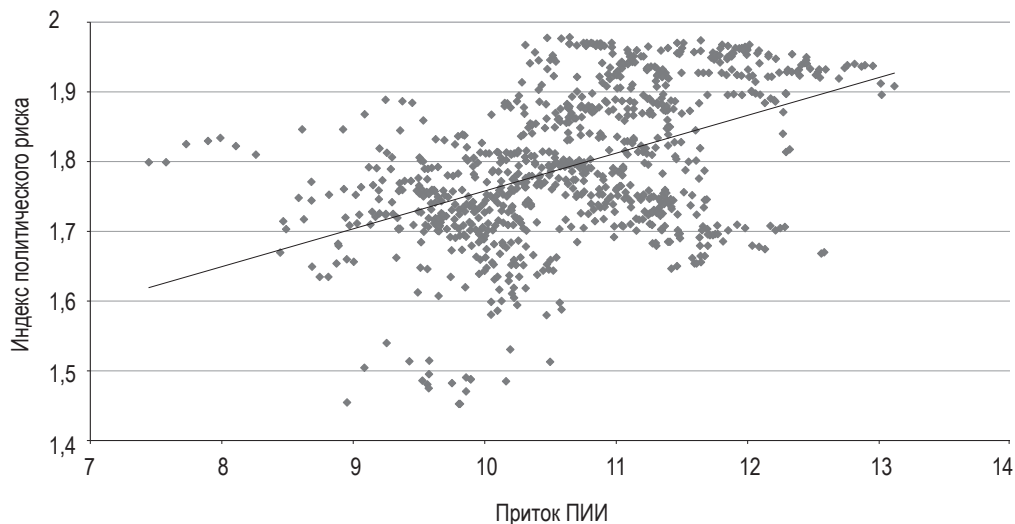

Рис. 1. Соотношение значений накопленного стоимостного объема притока ПИИ и сводного индекса политического риска экономик АТР в 1994–2022 гг., логарифм

Источник: [6; 15; 17].

Fig. 1. Ratio of the values of the FDI stock inflows and the composite political risk index of the Pacific Rim countries in 1994–2022, logarithm

Source: [6; 15; 17].

сированные эффекты на годы; i – страна/ экономическая территория АТР; t – год; ε – случайная ошибка.

Далее, оценка влияния индекса экономической свободы и его компонентов на приток ПИИ в страны АТР определялась на основе модели (2):

$$\log FDI_{it} = a \log FDI_{it-1} + \beta_{1...n} \log EFI_{it} + \mu_i + \eta_t + \varepsilon_{it} \quad (2)$$

где EFI – индекс экономической свободы: сводное значение и его компоненты (n – количество компонентов).

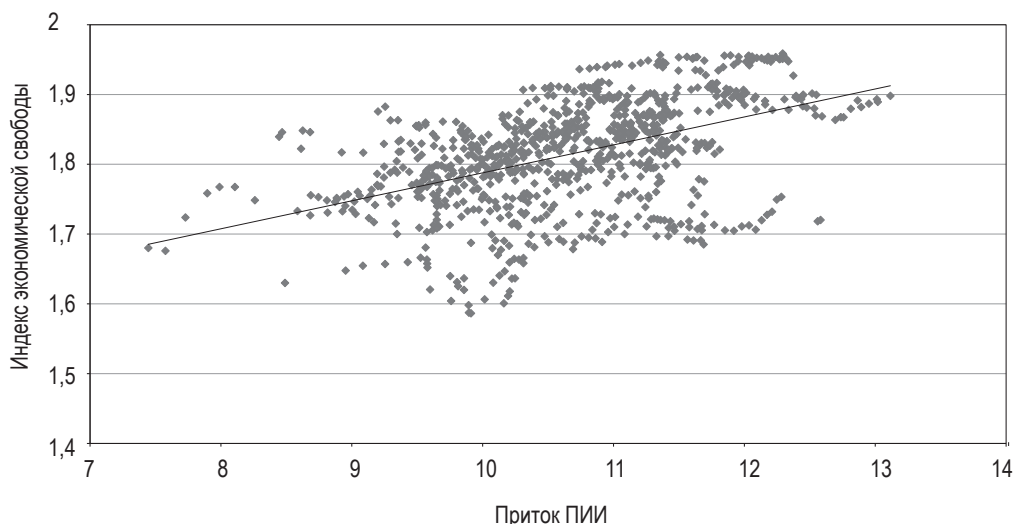
Данные для оценки. Приток ПИИ. Зависимой переменной являлись накопленные стоимостные объемы притока ПИИ, отраженные в статистике ЮНКТАД ООН [6] и представленные в текущих ценах в долларах США.

Сводный индекс политического риска и его компоненты. Отталкиваясь от имеющихся значений [15; 17], сводный индекс политического риска (PRI_{total}) формировали шесть крупных компонентов.

Во-первых, индекс подотчетности власти волеизъявлению граждан (PRI_{va}), который в себя включал подотчетность власти в рамках демократических процедур на основе следующих типов режима: сменяющаяся демократия; доминирующая демократия; однопартийное государство; автократия; военная автократия.

Во-вторых, индекс стабильности государственных органов и отсутствия насилия (PRI_{rv}). Стабильность государственного управления оценивается уровнем сплоченности правительства и поддержки его населением, а также независимости законодательной власти. Внешние конфликты оцениваются как экзогенные риски косвенного или прямого давления из-за рубежа. Вклад внутреннего конфликта оценивается по следующим аспектам: наличие гражданской войны, угроза государственного переворота и гражданских беспорядков; терроризм и политическое насилие; этническая напряженность.

В-третьих, индекс качества государственного управления (PRI_{ge}) или устойчивости бюрократии отражает возможность пересмотра внутренней и внешней политики при смене правительства. Высокие баллы присваиваются странам, где "бюрократический аппарат" имеет достаточную силу и опыт в предоставлении государственных услуг. В странах с низким уровнем риска бюрократия автономна от политического давления.

Примечание: сводный индекс экономической свободы рассчитывается с 1995 г. и основывается на данных с годичным лагом, по этой причине значения индекса отражены с 1994 г.

Рис. 2. Соотношение значений накопленного стоимостного объема притока ПИИ и индекса экономической свободы стран АТР в 1994–2022 гг., логарифм

Источник: [6; 10].

Fig. 2. Ratio of the values of the FDI stock inflows and the index of economic freedom of the Pacific Rim countries in 1994–2022, logarithm

Source: [6; 10].

В-четвертых, индекс развития инвестиционного профиля страны (PRIrq) включает в себя оценку факторов, которые не охватываются другими политическими и экономическими компонентами риска, например, возможность экспроприации собственности и наличие задержек платежей.

В-пятых, индекс соблюдения закона и поддержания правопорядка (PRIrI) учитывает силу и беспристрастность судебной системы страны, а также соблюдение населением законов.

В-шестых, индекс контроля уровня коррупции (PRIsс), которая искажает функционирование экономических механизмов и снижает эффективность правительства и бизнеса, способствуя нестабильности политического процесса.

Сводный индекс экономической свободы и его компоненты. Данный индекс (EFItotal) фокусировался на четырёх ключевых компонентах риска.

Во-первых, индекс верховенства закона (EFIrI) оценивает, в какой степени правовая база страны позволяет лицам приобретать и использовать частную собственность, а также как эти права защищены законами, включая оценку рисков исполнения контрактов и наличие барьеров, их сдерживающих.

Во-вторых, индекс размера государства в экономике (EFIGs), который рассчитывается на основе уровней налоговой нагрузки и государственных расходов. Уровень налоговой нагрузки оценивается исходя из размера предельных налоговых ставок на доходы физических лиц и на корпоративные доходы, а также отношение общего сбора налогов к ВВП. Уровень государственных расходов предполагает, что рост государственного сектора неизбежно приводит к снижению экономической эффективности страны (баллы снижаются в случае, если государственные расходы превышают 30% ВВП¹⁷).

В-третьих, индекс эффективности регулирования (EFIref) отражает уровень свободы бизнеса и монетарной политики страны. Оценка данного индек-

¹⁷ Однако в данном случае развивающиеся страны могут получить искусственно высокие баллы. Во избежание этого, близкие к нулю относительные государственные расходы в тех или иных странах корректируются экспертами для получения более корректных значений индекса.

Табл. 2. Оценка влияния сводных индексов на приток ПИИ
Table 2. Assessment of the impact of composite indices on FDI inflows

Переменная	1	2	3
$\log\text{FDI}(-1)$ – лаговое значение притока ПИИ	0,85*** (0,01)	0,85*** (0,01)	0,83*** (0,01)
$\log\text{PRItotal}$ – сводный индекс политического риска	0,25*** (0,02)	–	0,24*** (0,02)
$\log\text{EFItotal}$ – сводный индекс экономической свободы	–	0,16*** (0,02)	0,17*** (0,02)
Фиксированные эффекты на годы	да	да	да
p-значение (тест Вальда)	0	0	0
p-значение (J-статистика)	0,21	0,29	0,33
Число наблюдений	810	810	810

Примечания: *** – $p < 0,01$. 1 – оценка зависимости в рамках модели (1); 2 – оценка зависимости в рамках модели (2); 3 – оценка зависимости, включающая независимые переменные моделей (1) и (2). В скобках приведены значения робастных ошибок. Здесь и далее индивидуальные эффекты стран/экономических территорий учитывались в рамках процедуры прямого ортогонального отклонения, а матрица весов используемых инструментов выражалась в форме Уайта.

Источник: оценки автора.

Source: author's ratings.

са отражает простоту открытия, ведения и закрытия бизнеса в стране, а также влияние правительства на уровень инфляции за счет манипуляции уровнем цен посредством прямого контроля и субсидий.

В-четвертых, индекс открытости рынка (EFTopen) включает оценку свободы торговли, инвестиционных потоков, а также функционирования финансовых учреждений, отражая влияние различных барьеров на экспорт и импорт товаров и услуг, капитала и эффективность работы финансового рынка и банковского сектора страны.

Результаты оценки

В соответствии с полученными оценками, сводные индексы политического риска (PRItotal) и экономической свободы (EFItotal) оказывали статистически значимое положительное воздействие на приток ПИИ в страны АТР, указывая на важность улучшения инвестиционного климата для привлечения зарубежного капитала (табл. 2).

В рамках рассматриваемого периода увеличение на 1% сводного индекса политического риска¹⁸ способствовало наращиванию притока ПИИ в страны АТР на 0,24%, а сводного индекса экономической свободы – на 0,17%¹⁹. Полученные оценки дают основание утверждать, что для стран и экономических территорий АТР: снижение политических рисков имело в некоторой мере большее значение для привлечения ПИИ по сравнению с экономическими рисками; за счёт снижения экономических рисков имелась возможность компенсировать негативное влияние политических рисков для притока ПИИ; для привлечения ПИИ важным аспектом являлось возможность снижения и политического, и экономического рисков.

Далее, необходимо определить, какие именно компоненты сводных индексов в большей мере способствовали привлечению ПИИ в субглобальную экономику. Как показали оценки, все компоненты сводного индекса полити-

¹⁸ Поскольку среднее значение сводного индекса политического риска за рассматриваемый период составило 64, то прирост данного показателя на 1% был аналогичен его увеличению на 0,6 балла.

¹⁹ Равнозначно 0,7 балла для данного индекса в среднем за период.

Табл. 3. Оценка влияния компонентов сводного политического риска на приток ПИИ
 Table 3. Assessment of the impact of political risk components on FDI inflows

Переменная	1	2
$\log\text{FDI}(-1)$ – лаговое значение притока ПИИ	0,84*** (0,01)	0,86*** (0,01)
$\log\text{PRIva}$ – индекс подотчетности власти волеизъявлению граждан	0,02* (0,01)	–
$\log\text{PRIpv}$ – индекс стабильности государственного управления и уровня насилия	0,23*** (0,02)	–
$\log\text{PRIrq}$ – индекс развития инвестиционного профиля страны	0,06*** (0,01)	–
$\log\text{PRIrl}$ – индекс соблюдения закона и поддержания правопорядка	0,05*** (0,01)	–
$\log\text{PRicc}$ – индекс контроля уровня коррупции	0,02* (0,01)	–
$\log\text{PRIge}$ – индекс качества государственного управления	–	0,09*** (0,01)
Фиксированные эффекты на годы	да	да
р-значение (тест Вальда)	0	0
р-значение (J-статистика)	0,30	0,20
Число наблюдений	810	810

Примечания: *** – $p < 0,01$; * – $p < 0,1$. 1-2 – оценки зависимостей в рамках модели (1). В скобках приведены значения робастных ошибок. Индекс качества государственного управления (PRIge) тесно коррелировал с остальными компонентами индекса политического риска, по этой причине данный фактор был оценен в рамках отдельной зависимости.

Источник: оценки автора.

Source: author's ratings.

ческого риска оказывали статистически значимое положительное влияние на приток ПИИ в страны АТР (табл. 3).

Следует заметить, что из всех компонентов сводного индекса политического риска (PRItotal) наиболее заметное положительное влияние на приток ПИИ оказывал индекс стабильности государственного управления и уровня насилия (PRIpv). Увеличение значения PRIpv на 1% или на 0,7 балла, исходя из среднего значения данного индекса, способствовало приросту притока ПИИ в страны АТР на 0,23%, указывая на то, что данный компонент сводного индекса политического риска являлся главным, т. е. для реализации стратегии привлечения ПИИ первостепенное значение имело отсутствие конфликтов, а также стабильность государственного управления в стране-реципиенте зарубежного капитала.

Другими заметными факторами, способствующими притоку ПИИ в страны АТР, являлись индексы развития инвестиционного профиля страны (PRIrq) и соблюдения закона и поддержания правопорядка (PRIrl). Увеличение значений указанных индексов на 1%²⁰, способствовало расширению притока ПИИ в страны АТР на 0,06% и на 0,05% соответственно. Увеличение индекса качества государственного управления (PRIge) на 1% стимулировало расширение притока ПИИ в страны АТР на 0,09%, но по причине тесной связи данного параметра с другими компонентами политического риска, его положительное воздействие на зависимую переменную скорее "дублировало" влияние других независимых переменных. Индексы подотчётности вла-

²⁰ Отталкиваясь от средних значений PRIrq и PRIrl, прирост данных показателей на 1% был равнозначен их увеличению на 0,7 и 0,6 балла соответственно.

Табл. 4. Оценка влияния компонентов сводного индекса экономической свободы на приток ПИИ
 Table 4. Assessment of the impact of the components of the index of economic freedom on FDI inflows

Переменная	α, β
$\log FDI(-1)$ – лаговое значение притока ПИИ	0,83*** (0,01)
$\log EFIn$ – индекс верховенства закона	0,02** (0,01)
$\log EFIngs$ – индекс размера государства в экономике	0,18*** (0,02)
$\log EFInref$ – индекс эффективности регулирования	0,07*** (0,02)
$\log EFInopen$ – индекс открытости рынка	0,07*** (0,02)
Фиксированные эффекты на годы	да
p-значение (тест Вальда)	0
p-значение (J-статистика)	0,32
Число наблюдений	810

Примечания: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$. В скобках приведены значения робастных ошибок.

Источник: оценки автора.

Source: author's ratings.

сти волеизъявлению граждан (PR_{Iva}) и контроля уровня коррупции (PR_{Ics}) оказывали сравнительно меньшее положительное воздействие на зависимую переменную, увеличение которых на 1% (по 0,7 и 0,6 балла соответственно) способствовало притоку ПИИ в страны АТР только на 0,02% в каждом случае. Сравнительно небольшое влияние на приток ПИИ в страны АТР наличия демократических свобод и снижения уровня коррупции с одной стороны объяснялось наличием в данном регионе мира стран с автократиями, практикующих непотизм и которые при этом обладали значительными преимуществами (емкость рынка, обеспеченность природными ресурсами), а с другой – указанные индексы на некоторых этапах снижались для развитых стран, ослабляя их влияние на общую оценку притока ПИИ.

Формирующие сводный индекс экономической свободы компоненты также оказывали статистически значимое положительное влияние на приток ПИИ в страны АТР (табл. 4).

Оценки показали, что среди компонентов сводного индекса экономической свободы наибольшим значением эластичности характеризовался индекс размера государства в экономике (lnEF_{Igs}): увеличение на 1% (или на 0,7 балла в среднем за период) данного показателя способствовало росту притока ПИИ в страны АТР на 0,18%. Исходя из этого, низкая налоговая нагрузка, а также расширение доли частного сектора в экономике играли ключевое значение для привлечения зарубежного капитала в страны АТР в долгосрочном периоде среди оцениваемых компонентов сводного индекса экономической свободы.

Помимо индекса размера государства в экономике, заметное воздействие на приток ПИИ оказывали индексы открытости рынка (EF_{Iopen}) и эффективности регулирования (EF_{Iref}). Увеличение данных индексов на 1% (или на 0,6 и 0,7 балла в среднем за период соответственно) стимулировало привлечение зарубежного капитала в страны АТР на 0,07% в каждом случае. Однако, значения эластичностей ПИИ по данным факторам были заметно меньше, чем у индекса размера государства в экономике, указывая на то, что открытость экономики к различным рынкам и свобода ведения бизнеса и монетарной политики не обеспечивали значительных преимуществ в притоке прямого зарубежного капитала в страны АТР в долгосрочном периоде.

Соответственно, индекс верховенства закона (EFIrl) характеризовался сравнительно небольшими значениями эластичности притока ПИИ, увеличение которого на 1%²¹ генерировало увеличение притока ПИИ в страны АТР только на 0,02%. Сравнительно малое влияние данного индекса объясняется наличием в выборке Китая, России, некоторых стран АСЕАН и Центральной Америки, которые характеризовались сравнительно низкими значениями этого показателя в период заметного притока ПИИ.

Заключение

На АТР приходится более половины глобального притока ПИИ, благодаря которым страны данного региона мира получили значительный импульс в своем экономическом развитии. Значительная доля в привлечении ПИИ в АТР приходилась на США. При этом доля американской экономики постепенно сокращалась при наращивании доли КНР, а Гонконг и Сингапур играли роль офшорных территорий преимущественно для китайского бизнеса.

Приток ПИИ в страны АТР определялся в долгосрочном периоде рисками в политической и экономической сферах, которые оценивались на основе сводных индексов политического риска и экономической свободы и их компонентов. Увеличение на 1% значений сводных индексов политического риска и экономической свободы способствовало наращиванию притока прямого зарубежного капитала на 0,24% и на 0,17% соответственно. Полученные оценки указали на возможность компенсации негативного влияния на приток прямого зарубежного капитала в АТР одного из рассматриваемых рисков за счёт улучшения позиций по другому риску, а также на возможность стимулирования большего притока ПИИ в случае реализации стратегии долгосрочного снижения и политического, и экономического рисков.

Оценки показали, что все компоненты, формирующие сводные индексы политического риска и экономической свободы оказывали статистически значимое положительное влияние на приток ПИИ в страны АТР. Из компонентов индекса политического риска ключевое влияние на приток ПИИ оказывал индекс стабильности государственного управления и уровня насилия, а из компонентов сводного индекса экономической свободы – индекс размера государства в экономике. Полученные оценки указали на то, что для создания условий привлечения ПИИ в страны АТР важнейшими аспектами являлись: построение сильного и гармоничного государства, не конфликтующего с другими странами; низкая налоговая нагрузка на бизнес, а также расширение доли частного сектора в экономике.

Следует заметить, что создание такого рода условий важно и для создания стратегических предпосылок для поступательного развития национальной экономики в целом, а заметное расширение притока ПИИ является скорее одним из вспомогательных элементов в данном процессе. Данное обстоятельство указывает на ключевое значение создания именно эндогенных предпосылок для привлечения ПИИ в страны АТР в долгосрочном периоде. Действительно, приток ПИИ в целом стимулировал рост производительности национальных экономик [2], однако, он может генерировать и негативные эффекты [16]. С этой точки зрения важным аспектом является не сам факт привлечения ПИИ, который по умолчанию может рассматриваться как один из важных показателей в рамках тех или иных отчетов, а возможность получения долгосрочных положительных эффектов от притока данных инвестиций, которые, как предполагается, могут быть достигнуты в условиях общего снижения политических и экономических рисков страны.

Литература

1. Демкин И. В., Власов Д. А., Габриелов А. О., Бархатов В. Д., Лукьянович Н. В. Индексный подход к оценке страновых рисков реальных инвестиций // Проблемы анализа риска. 2016. Том 13. № 6. С. 30–47. <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2016-13-6-30-47>.

²¹ На 0,5 балла в среднем за период.

2. Baltabaev B. Foreign Direct Investment and Total Factor Productivity Growth: New Macro-Evidence // *The World Economy*. 2014. Vol. 37. No. 2. P. 311–334. <https://doi.org/10.1111/twec.12115>.
3. Beazer Q. H., Blake D. J. The Conditional Nature of Political Risk: How Home Institutions Influence the Location of Foreign Direct Investment // *American Journal of Political Science*. 2018. Vol. 62. No. 2. P. 470–485. <https://doi.org/10.7910/DVN/SRPTCV>.
4. Das K. C. Home Country Determinants of Outward FDI from Developing Countries. // *Margin: The Journal of Applied Economic Research*. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 93–116. <https://doi.org/10.1177/0973801012466104>.
5. Faeth I. Determinants of foreign direct investment – a tale of nine theoretical models // *Journal of Economic Surveys*. 2009. Vol.23. No. 1. P. 165–196. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6419.2008.00560.x>.
6. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (дата обращения: 01.07.2024).
7. Hayakawa K. First Difference or Forward Orthogonal Deviation – Which Transformation Should be Used in Dynamic Panel Data Models?: A Simulation Study // *Economics Bulletin*. 2009. Vol. 29. No. 3. P. 2008–2017.
8. Hayakawa K., Kimura F., Lee H.-H. How Does Country Risk Matter for Foreign Direct Investment? // *The Developing Economies*. 2013. Vol. 51. No. 1. P.60–78. <https://doi.org/10.1111/deve.12002>.
9. Holtbrugge D., Kreppel H. Determinants of outward foreign direct investment from BRIC countries: an explorative study // *International Journal of Emerging Markets*. 2012. Vol. 7. No. 1. P. 4–30. <https://doi.org/10.1108/17468801211197897>.
10. Index of Economic Freedom. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/about> (дата обращения: 01.07.2024).
11. International Country Risk Guide (ICRG). URL: <https://www.prsgroup.com/explore-our-products/icrg/> (дата обращения: 01.07.2024).
12. Jadhav P. Determinants of foreign direct investment in BRICS economies: Analysis of economic, institutional and political factor // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 37. P. 5–14. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.03.270>.
13. Jiang W., Martek I. Political risk analysis of foreign direct investment into the energy sector of developing countries // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 302. P. 127023. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.127023>.
14. Okafor L. E., Hassan M. K., Rashid M., Prabu D., Sabit A. Risk dimensions, risk clusters, and foreign direct investments in developing countries // *International Review of Economics and Finance*. 2022. Vol. 82. P. 636–649. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2022.07.013>.
15. Oklahoma libraries databases. URL: <https://static.lib.ou.edu/icrg/3BResearchersDataset2017.xls> (дата обращения: 01.07.2024).
16. Pinto P. M., Zhu B. Fortune or Evil? The Effect of Inward Foreign Direct Investment on Corruption // *International Studies Quarterly*. 2016. Vol.60. No. 4. P. 693–705. <https://doi.org/10.1093/isq/sqw025>.
17. Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS). URL: <https://www.worldbank.org/content/dam/sites/govindicators/doc/PRS.xlsx> (дата обращения: 01.07.2024).
18. Sanjo Y. Country risk, country size, and tax competition for foreign direct investment // *International Review of Economics and Finance*. 2012. Vol. 21. P. 292–301. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2011.08.002>.
19. Sun X., Feng Q., Li, J. Understanding country risk assessment: a historical review // *Applied Economics*. 2021. Vol. 53. No. 37. P. 4329–4341. <https://doi.org/10.1080/00036846.2021.1899120>.
20. Topal M. H., Gül Ö.S. The Effect of Country Risk on Foreign Direct Investment: A Dynamic Panel Data Analysis for Developing Countries // *Journal of Economics Library*. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 141–155. <http://dx.doi.org/10.1453/jel.v3i1.771>.
21. Trevino L. J., Mixon Jr. F.G. Strategic factors affecting foreign direct investment decisions by multi-national enterprises in Latin America // *Journal of World Business*. 2004. Vol.39. Pp.233–243. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2004.04.003>.
22. Türedi S. The Effect of Corruption and Country Risk on FDI Inflows: Empirical Evidence from Developing Countries // *International Journal of Economic and Administrative Studies*. 2018. Vol. 21. P. 151–172. <https://doi.org/10.18092/ulikidince.370653>.
23. Vasilyeva R. I., Mariev O. S. Determinants of Foreign Direct Investment in Developed and Developing Countries: Impact of Political Stability // *Ekonomika regiona [Economy of region]*. 2021. Vol.17. No. 4. P. 1390–1404. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-24>.
24. Vijayakumar J., Rasheed A. A., Tondkar R. H. Foreign Direct Investment and Evaluation of Country Risk: An Empirical Investigation // *Multinational Business Review*. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 181–204. <https://doi.org/10.1108/1525383x200900023>.

References

1. Demkin I. V., Vlasov D. A., Gabrielov A. O., Barkhatov V. D., Lukyanovich N. V. Index` Based Approach to Country Risk Assessment for Investments // *Problemy analiza riska [Issues of Risk Analysis]*. 2016. Vol. 13. No. 6. P. 30–47. <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2016-13-6-30-47> (In Russ.).
2. Baltabaev B. Foreign Direct Investment and Total Factor Productivity Growth: New Macro-Evidence // *The World Economy*. 2014. Vol. 37. No. 2. P. 311–334. <https://doi.org/10.1111/twec.12115>.
3. Beazer Q. H., Blake D. J. The Conditional Nature of Political Risk: How Home Institutions Influence the Location of Foreign Direct Investment // *American Journal of Political Science*. 2018. Vol.62. No. 2. P. 470–485. <https://doi.org/10.7910/DVN/SRPTCV>.
4. Das K. C. Home Country Determinants of Outward FDI from Developing Countries. // *Margin: The Journal of Applied Economic Research*. 2013. Vol.7. No. 1. P. 93–116. <https://doi.org/10.1177/0973801012466104>.
5. Faeth I. Determinants of foreign direct investment – a tale of nine theoretical models // *Journal of Economic Surveys*. 2009. Vol. 23. No. 1. P. 165–196. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6419.2008.00560.x>.
6. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (accessed 01.07.2024).
7. Hayakawa K. First Difference or Forward Orthogonal Deviation – Which Transformation Should be Used in Dynamic Panel Data Models?: A Simulation Study // *Economics Bulletin*. 2009. Vol. 29. No. 3. P. 2008–2017.
8. Hayakawa K., Kimura F., Lee H.-H. How Does Country Risk Matter for Foreign Direct Investment? // *The Developing Economies*. 2013. Vol.51. No. 1. P. 60–78. <https://doi.org/10.1111/deve.12002>.
9. Holtbrugge D., Kreppel H. Determinants of outward foreign direct investment from BRIC countries: an explorative study // *International Journal of Emerging Markets*. 2012. Vol. 7. No. 1. P. 4–30. <https://doi.org/10.1108/17468801211197897>.
10. Index of Economic Freedom. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/about> (accessed 01.07.2024).
11. International Country Risk Guide (ICRG). URL: <https://www.prsgroup.com/explore-our-products/icrg/> (accessed 01.07.2024).
12. Jadhav P. Determinants of foreign direct investment in BRICS economies: Analysis of economic, institutional and political factor // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 37. P. 5–14. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.03.270>.
13. Jiang W., Martek I. Political risk analysis of foreign direct investment into the energy sector of developing countries // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 302. P. 127023. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.127023>.
14. Okafor L. E., Hassan M. K., Rashid M., Prabu D., Sabit A. Risk dimensions, risk clusters, and foreign direct investments in developing countries // *International Review of Economics and Finance*. 2022. Vol. 82. P. 636–649. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2022.07.013>.
15. Oklahoma libraries databases. URL: <https://static.lib.ou.edu/icrg/3BResearchersDataset2017.xls> (accessed 01.07.2024)
16. Pinto P. M., Zhu B. Fortune or Evil? The Effect of Inward Foreign Direct Investment on Corruption // *International Studies Quarterly*. 2016. Vol. 60. No. 4. P. 693–705. <https://doi.org/10.1093/isq/sqw025>.
17. Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS). URL: <https://www.worldbank.org/content/dam/sites/govindicators/doc/PRS.xlsx> (accessed 01.07.2024).
18. Sanjo Y. Country risk, country size, and tax competition for foreign direct investment // *International Review of Economics and Finance*. 2012. Vol. 21. P. 292–301. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2011.08.002>.
19. Sun X., Feng Q., Li, J. Understanding country risk assessment: a historical review // *Applied Economics*. 2021. Vol.53. No. 37. P. 4329–4341. <https://doi.org/10.1080/00036846.2021.1899120>.
20. Topal M. H., Gül Ö.S. The Effect of Country Risk on Foreign Direct Investment: A Dynamic Panel Data Analysis for Developing Countries // *Journal of Economics Library*. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 141–155. <http://dx.doi.org/10.1453/jel.v3i1.771>.
21. Trevino L. J., Mixon Jr. F. G. Strategic factors affecting foreign direct investment decisions by multi-national enterprises in Latin America // *Journal of World Business*. 2004. Vol.39. P. 233–243. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2004.04.003>.
22. Türedi S. The Effect of Corruption and Country Risk on FDI Inflows: Empirical Evidence from Developing Countries // *International Journal of Economic and Administrative Studies*. 2018. Vol. 21. P. 151–172. <https://doi.org/10.18092/ulikidince.370653>.
23. Vasilyeva R. I., Mariev O. S. Determinants of Foreign Direct Investment in Developed and Developing Countries: Impact of Political Stability // *Ekonomika regiona [Economy of region]*. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 1390–1404. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-24>.
24. Vijayakumar J., Rasheed A. A., Tondkar R. H. Foreign Direct Investment and Evaluation of Country Risk: An Empirical Investigation // *Multinational Business Review*. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 181–204. <https://doi.org/10.1108/1525383x200900023>.

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Изотов, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: izotov@ecrin.ru

Information about the author

Dmitry A. Izotov, Doctor of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: izotov@ecrin.ru

Поступила в редакцию 23.08.2024

Received 23.08.2024

Одобрена после рецензирования 12.11.2024

Approved 12.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Accepted 27.11.2024

Состояние и перспективы развития сотрудничества РФ и КНДР в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах с началом специальной военной операции

Сергей Витальевич Севастьянов
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия, ssevastyanov@hse.ru
Марина Петровна Кукла
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kukla.mp@dvvfu.ru

Аннотация. В статье рассмотрено влияние изменившейся с началом специальной военной операции международной обстановки на характер двусторонних отношений РФ и КНДР. Результаты исследования показали, что в наибольшей степени за прошедший период укрепление сотрудничества между Москвой и Пхеньяном произошло в военно-политической и гуманитарных сферах. Оценены перспективы и ограничения для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в этих и других сферах взаимодействия.

Ключевые слова: *всестороннее стратегическое партнерство между РФ и КНДР, перспективы и ограничения российской-северокорейского сотрудничества, пограничный автомобильный мост через реку Туманная, санкции Запада против РФ и КНДР*

Для цитирования: Севастьянов С. В., Кукла М. П. Состояние и перспективы развития сотрудничества РФ и КНДР в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах с началом специальной военной операции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 151–162. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/151-162>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/151-162>

State and prospects for the development of cooperation between Russia and DPRK in the military-political, economic and humanitarian spheres since the start of the special military operation

Sergei V. Sevastianov
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, ssevastyanov@hse.ru
Marina P. Kukla
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kukla.mp@dvvfu.ru

Abstract. The article examines the impact of the international situation, that has changed with the beginning of the special military operation, on the nature of bilateral relations between the RF and the DPRK. The results of the study showed that the greatest degree of strengthening of cooperation between Moscow and Pyongyang over the past period occurred in military-political and humanitarian spheres. An assessment of prospects and limitations for further development of bilateral cooperation in these and other areas of interaction is given.

Key words: *Comprehensive strategic partnership between the RF and the DPRK, perspectives and limitations of the Russian-North Korean cooperation, cross-border road bridge over the Tumen River, Western sanctions against Russia and the DPRK*

For citation: Sevastianov S. V., Kukla M. P. State and prospects for the development of cooperation between Russia and DPRK in the military-political, economic and humanitarian spheres since the start of the special military operation // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 151–162. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/151-162>

Длительное время КНДР и Россия находятся под сильным санкционным давлением (с 2006 г. под международными санкциями, введенными СБ ООН, и с 2014 г. под односторонними санкциями стран Запада – соответственно), и в этих условиях укрепление связей Москвы и Пхеньяна отвечает их интересам. Знаковые шаги в этом направлении были предприняты в 2014 г., когда были урегулированы проблемы задолженности КНДР перед РФ. В этом же году на шестом заседании Межправительственной комиссии во Владивостоке стороны заявили о стремлении увеличить взаимный товарооборот к 2020 г. до одного млрд долларов, однако в период с 2014 по 2020 гг. его пик в 2017 г. составил всего 78 млн долл. Причиной этому стали как экзогенные, так и эндогенные факторы, к которым эксперты относят такие, как санкционный режим, пандемия коронавируса, слабая экспортная и инфраструктурная база КНДР, отсутствие целенаправленных действий российской власти, межведомственная согласованность, конфликты интересов на разных уровнях взаимодействия и др. [15, с. 192].

Пакет резолюций СБ ООН, принятых в 2016–2017 гг. в ответ на развитие Пхеньяном ракетно-ядерной программы, повлек ряд дальнейших запретов на ведение международных финансово-валютных операций, экспорт

ресурсов и перемещение грузов. В этом контексте весьма чувствительной проблемой для России стал запрет для КНДР отправлять рабочую силу за рубеж (в соответствии с резолюциями ООН № 2375 от 11 сентября и № 2397 от 22 декабря 2017 г.). С учётом меняющихся геополитических реалий, в 2019 и 2021 гг. Россия и Китай предприняли первые попытки пересмотра подходов к санкционному режиму против Пхеньяна, но они не были поддержаны странами Запада в СБ ООН, и не привели к отмене или ослаблению международных санкций против Пхеньяна.

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что начало специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. привело к существенным геополитическим сдвигам в мире и регионе, которые способствовали повышению уровня отношений РФ и КНДР. Во-первых, Пхеньян сразу же после начала СВО продемонстрировал максимально высокую степень поддержки Москвы по ключевым политическим вопросам. КНДР признала референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях, голосовала против резолюций ООН, осуждающих действия РФ [6, с.55–57]. КНДР стала первым и пока единственным государством в мире, признавшим легитимность их вступления в государственную структуру РФ.

Во-вторых, усиление санкционного давления в отношении РФ стимулировало необходимость конвертации традиционных дружеских связей России и КНДР в прагматическое экономическое сотрудничество, которое, помимо собственной значимости, во многом повлияет на характер и перспективы взаимодействия РФ с Республикой Корея (РК), которая под давлением Запада присоединилась к антироссийским санкциям [15, с. 185].

С учётом существенного повышения уровня двусторонних отношений, особенно со времени визита лидера КНДР в РФ в июне 2023 г., основной исследовательский вопрос работы сформулирован следующим образом: какие направления сотрудничества РФ и КНДР за период СВО получили наибольшее развитие, и чем это обусловлено. Для ответа на него авторы, с учётом изменившихся в новых геополитических условиях интересов находящихся под воздействием санкций Запада РФ и КНДР, провели анализ достижений и проблем в развитии их двустороннего сотрудничества в различных сферах (военно-политической, экономической, гуманитарных контактов и проч.). На основе его результатов дана оценка перспективных направлений и препятствий для дальнейшего развития взаимодействия двух стран.

Двустороннее сотрудничество в военно-политической сфере

Визит в КНДР в июле 2023 г. бывшего в то время министром обороны РФ Сергея Шойгу ознаменовал начало быстрого развития стратегического взаимодействия между РФ и КНДР. Уже через два месяца в сентябре северокорейский лидер Ким Чен Ын прибыл в Россию, что стало его первым зарубежным визитом с начала пандемии и большим событием в двусторонних отношениях. В ходе визита он посетил не только космодром "Восточный", где встретился с Президентом В.В. Путиным, но и ряд высокотехнологичных кластеров, предприятий военно-промышленного комплекса и других объектов на Дальнем Востоке РФ, а также осмотрел образцы современной военной техники. В составе делегаций, участвовавших в переговорах в расширенном составе помимо руководителей государств, со стороны КНДР были представлены не только министр иностранных дел, но и министр обороны и руководители ЦК Трудовой партии РПК, а в российскую делегацию входили главы министерств иностранных дел, обороны, промышленности и торговли, транспорта и др. [25]. Программа визита и состав делегаций показали большую заинтересованность сторон в развитии военно-технического сотрудничества. По его итогам в западных СМИ развернулась дискуссия о том, является ли он подтверждением высокого уровня двустороннего военно-технического сотрудничества и основанием полагать, что КНДР осуществляет поставки в Россию боеприпасов [10].

Несмотря на отсутствие совместных заявлений или обнародованных документов, этот саммит придал сильный импульс контактам России и КНДР в различных сферах, таких как политика и безопасность, культура, спорт, образование, туризм, региональное сотрудничество. Обмены делегациями по линии различных ведомств стали более регулярными – менее чем за год, последовавший за визитом Ким Чен Ына, КНДР посетили делегации Совета

Федерации, министерств обороны, спорта, природных ресурсов и экологии, культуры, совета молодежных объединений РФ. За это же время в России побывали представители министерств иностранных дел, физической культуры и спорта, образования, культуры, здравоохранения, внешнеэкономических дел, электроэнергетики, общественной безопасности, рыбного хозяйства, почт и телекоммуникаций, комитетов по сельскому хозяйству, по науке и технологиям КНДР и др. Состоялось визиты правительства Приморского края в КНДР, делегаций руководства города Расон во Владивосток, активизировались обмены творческими коллективами и спортивными командами.

Ответный визит Президента РФ В.В. Путина в КНДР состоялся в июне 2024 г. Он стал первым с 2000 г. официальным визитом Президента России в эту страну и важнейшим шагом в укреплении отношений. По его результатам лидерами двух государств были подписаны три важных соглашения, свидетельствующие о существенных изменениях современного миропорядка, расширении сфер взаимодействия РФ и КНДР, а также определяющие базу для развития двусторонних отношений на перспективу:

1. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (этот уровень партнерства между государствами является наивысшим).

2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о строительстве пограничного автомобильного моста через реку Туманная.

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о сотрудничестве в сфере здравоохранения, медицинского образования и науки.

Визит В.В. Путина в Пхеньян предвзяла его статья, опубликованная в газете Трудовой партии Кореи "Нодон синмун", где было сказано, что укрепление отношений Пхеньяна и Москвы означает построение нового миропорядка, основанного на принципах справедливости [18]. В ней выражены всесторонняя поддержка КНДР, критика современного миропорядка, навязанного США, а также "стремление выстраивать архитектуру равной и неделимой безопасности в Евразии". Практическим развитием этих тезисов стало подписание в ходе визита Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, отражающем достигнутый максимальный уровень сотрудничества и взаимодействия в отношениях между РФ и КНДР. Этот документ содержит статьи, посвященные оборонному, политическому, экономическому, гуманитарному и другим видам сотрудничества в целях противостояния угрозам безопасности двух стран. Первым текст соглашения на русском языке обнародовало Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК), российской стороной соглашение пока не ратифицировано (опубликовано в базе "Гарант" [9]). Российской стороной оно было ратифицировано в ноябре 2024 г.

По заявлению президента России, договор предусматривает "оказание взаимной помощи в случае агрессии против одного из участников этого документа". Предоставленные КНДР гарантии безопасности демонстрируют готовность поддерживать друг друга и направлены, в первую очередь, на сдерживание её ближайших соседей (РК и Японии) и их ключевого союзника – США. Об этом свидетельствует и выступление В.В. Путина, в котором он упомянул расширение военной инфраструктуры США в Северо-Восточной Азии, а также увеличение масштабов и интенсивности их совместных учений с РК и Японией [26].

Несмотря на то, что министр иностранных дел РФ С. Лавров подчеркнул оборонительный характер [23] обязательств, закрепленных в данной статье, эта формулировка вызвала острую критику, прежде всего, в Сеуле. Так, посол России Г. Зиновьев был вызван в МИД РК, где ему заявили о недопустимости оказания прямой или непрямого помощи КНДР, усиливающей её военный потенциал, на что в РФ ранее заявляли, что данный документ соответствует нормам международного права и не направлен против третьих стран [5]. США и их союзники также осудили подписанное Соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве и выразили мнение о том, что укрепление сотрудничества Москвы и Пхеньяна в военной сфере представляет серьёзную угрозу безопасности и стабильности на Корейском полуострове и в регионе [4]. Негативная реакция Сеула была ожидаемой, учитывая, что с началом

СВО РК присоединилась к антироссийским санкциям, что вызвало серьёзное ухудшение двусторонних отношений.

Несмотря на это, РК считалась в РФ "самой дружественной из недружественных стран", так как Сеул не участвовал в поставках летального оружия на Украину. В то же время после заключения стратегического соглашения России и КНДР этот вопрос приобрёл особую актуальность с учётом роста напряженности в межкорейских отношениях. В июне 2024 г. глава Управления национальной безопасности РК Чан Хо Чжин на вопрос о том, будет ли Сеул поставлять летальное оружие Украине, заявил, что многое будет зависеть от Москвы – если та начнёт отправлять современное высокоточное оружие КНДР, то и РК ничто не будет мешать оказать помощь Украине оружием [30]. Схожую, но более взвешенную оценку дал президент РК Юн Сок Ёль, который в июле 2024 г. заявил, что "...будущее отношений между РК и Россией полностью зависит от действий России" [3]. При этом на вопрос о возможных поставках Украине оружия он ответил, что сначала правительство страны рассмотрит "уровень и суть военного сотрудничества между РФ и КНДР", что свидетельствует о стремлении Сеула попытаться найти компромисс и не допустить резкого обострения связей с Москвой.

Россия, в свою очередь, также не хочет резкого ухудшения отношений с РК, являющейся её важным партнером в Северо-Восточной Азии. При этом решение Москвы о заключении договора о стратегическом сотрудничестве с Пхеньяном, которое существенно повысило значимость России в системе безопасности в этом регионе, можно рассматривать и как реакцию на активизацию поставок корейских боеприпасов в ряд стран Восточной Европы и США [28], впоследствии переданное Украине. Таким образом, уровень и интенсивность выстраиваемого взаимодействия Москвы с Пхеньяном будут определяться в том числе и степенью участия РК в санкциях против РФ, введенных Западом, и ее вовлеченностью в конфликт на Украине [27].

В то же время подписанный договор не носит чисто военный характер. В нём официально утверждены намерения сторон развивать экономическое, культурное, гуманитарное, образовательное, медицинское, туристическое, медийное, экологическое, межрегиональное и приграничное сотрудничество. Также декларируются планы проводить бизнес-миссии, конференции, выставки и другие совместные межрегиональные мероприятия. Отдельно в документе выделены совместные исследования в таких сферах, как космос, биология, мирная атомная энергия, искусственный интеллект, информационные технологии и др. [9].

Важной проблемой, отмеченной в статье В.В. Путина и в заключённом договоре, являются международные санкции в отношении КНДР, которые Россия осуждает, считая их контрпродуктивными. Москва изучает различия в трактовке санкционного режима и возможности обхода санкций, но пока открыто их не нарушает, и не заявляет об отказе от исполнения. Помимо этого, РФ уже некоторое время создает препятствия для ужесточения санкционного режима против Пхеньяна. Так, в мае 2022 г. Россия и КНР заблокировали проект подготовленной США резолюции о введении новых ограничений в отношении КНДР в ответ на испытания баллистических ракет в нарушение резолюций СБ ООН, а в марте 2024 г. Москва, обвинив страны Запада в проведении политики удушения Пхеньяна, применила в СБ ООН право вето и заблокировала представленный США проект резолюции о продлении мандата группы экспертов, следящих за соблюдением санкций в отношении КНДР [21]. Важный вопрос, который стороны намерены решить в контексте изменения санкционного режима – это привлечение в Россию, в том числе на Дальний Восток северокарейской рабочей силы, заслужившей хорошую репутацию из-за выигрышного сочетания цены, качества и некриминального характера [2].

Торгово-экономическое сотрудничество

Обе страны заинтересованы в поиске путей экономического взаимодействия, которые бы не нарушали западные санкции, и стремятся минимизировать влияние последних на свои экономики и способы сотрудничества, что мотивирует их на поиск новых механизмов торговли и взаимных расчётов. Работа в этом направлении ведётся в том числе с использованием межправительственных механизмов.

тельствственной комиссии по сотрудничеству между РФ и РК. Так, в ноябре 2023 г. Пхеньян посетила делегация из России во главе с председателем Российского комитета по межправительственному сотрудничеству РФ и КНДР, министром природных ресурсов и экологии РФ А.А. Козловым. Целью поездки было участие в 10-м заседании межправительственной комиссии в Пхеньяне, где обсуждались вопросы повышения товарооборота, в частности поставки в КНДР российской муки, кукурузы, соевого масла и мяса. По результатам заседания, на 2024 г. были запланированы тестовые поставки мясной продукции из России [8]. В ходе визита в Пхеньян российская делегация также посетила выставку "Развитие лёгкой промышленности – 2023". Члены делегации, в которую входило значительное число российских бизнесменов, высоко оценили произведенную в КНДР продукцию [30]. В июне 2024 г. во Владивостоке прошла выставка северокорейских товаров, на которой были представлены не менее 60 производителей потребительской продукции из КНДР. По результатам контактов российских бизнесменов и северокорейских производителей ожидаются поставки в Россию ряда северокорейских товаров, в частности, бытовой химии.

В ходе визита в Пхеньян также обсуждались вопросы недропользования, совместной геологоразведки месторождений золота, железа и редкоземельных металлов. Глава Минприроды А.А. Козлов заявил о планах России и КНДР провести совместную морскую разведку углеводородов. При этом Москва планирует разработать план проведения геологоразведочных работ после того, как корейская сторона предоставит необходимые геофизические карты [1].

В марте 2024 г. министр внешнеэкономических дел КНДР Юн Чжон Хо посетил Москву для участия во встрече сопредседателей Российско-корейской Межправительственной комиссии по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству. В ходе встречи, состоявшейся совместно с министром природных ресурсов и экологии РФ А.А. Козловым, они подвели итоги работы в рамках достигнутых на предшествующих заседаниях Межправкомиссии договоренностей, а также доработали планы на перспективу. Большие ожидания связаны с сотрудничеством в сельском хозяйстве, так как КНДР заинтересована в увеличении поставок из РФ сельскохозяйственных, животных и молочных товаров, а взамен готова поставлять яблоки и женьшень [14].

Несмотря на активное взаимодействие заинтересованных ведомств, развитие двусторонних торговых отношений находится пока на очень низком уровне. До начала пандемии COVID-19 в 2020 г. двусторонний товарооборот составил 43,7 млн долл. Пандемия резко обрушила и этот скромный показатель, когда в 2022 г. товарооборот составил всего 3,78 млн долл. [15, с. 186]. Однако восстановление доковидного уровня возможно уже к концу 2024 г, так как по результатам 2023 г. товарооборот увеличился в 9 раз (до 34,4 млн долл.), а за первые пять месяцев 2024 г. – на 54% [12]. При этом эти показатели далеки от максимального объема товарооборота, зафиксированного в 2005 г. в размере 233,2 млн долл. [15, с. 186]. Для достижения такого уровня недостаточно торговли сельскохозяйственной продукцией и потребительскими товарами – необходимы более крупные проекты и соответствующая инфраструктура. И здесь уместно согласиться с мнением известного эксперта Г.Д. Толорая, полагающего, что из-за низкого уровня экономики КНДР не стоит ожидать чуда от российско-северокорейского сотрудничества в экономике [22].

Учитывая объективные ограничения, препятствующие резкому росту товарооборота, приоритетным для обеих стран направлением сотрудничества является возвращение в Россию трудовых мигрантов из КНДР. Использование северокорейской рабочей силы, прежде всего в строительстве, представляет несомненный интерес для российской стороны, и в этой связи в сентябре 2022 г. Государственная Дума РФ направила в МИД запрос о возможности и порядке снятия запрета на использование рабочей силы из КНДР с восстановлением режима организованного доступа северокорейцев к строительным и иным объектам [15, с. 191].

Сотрудничество в сферах культуры, спорта, медицины и образования

Важной задачей для Москвы является формирование в общественном мнении граждан России адекватного представления о возможных направ-

лениях развития связей с КНДР и повышения заинтересованности в этом у различных слоёв общества – чиновников, бизнесменов, простых граждан. Работа, способствующая позитивному изменению ситуации и расширению всех видов сотрудничества, получила новый импульс в сферах культуры, спорта, образования и региональных обменов, о чём свидетельствуют резко активизировавшиеся с осени 2023 г. контакты на уровне профильных министров или их заместителей. Так, в октябре 2023 г. министр физической культуры и спорта Ким Иль Гук посетил форум "Россия – спортивная держава" в Перми. В ноябре того же года министр культуры Сын Чжон Гю принял участие в 9-м "Форуме объединенных культур" в Санкт-Петербурге. В сфере культурного сотрудничества можно выделить гастроли балета Мариинского театра, с огромным успехом прошедшие в Пхеньяне в марте 2024 г. Взаимодействие в сфере образования усилилось после визита в Россию в апреле 2024 г. делегации министерства образования КНДР во главе с министром Ким Сын Ду, которая посетила ДВФУ и ряд московских вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова, РТУ МИРЭА, МГЛУ и др.) [19]. В ходе визита стороны также обсудили вопросы подготовки межправительственных соглашений: о взаимном признании образования, квалификаций и учёных степеней, и о сотрудничестве в области высшего образования.

Много внимания уделяется спортивному сотрудничеству. На заседании межправкомиссии в ноябре 2023 г. были определены 12 видов спорта для приоритетного взаимодействия между федерациями двух стран и участия в соревнованиях. Тогда же был подписан протокол спортивных обменов между Министерством спорта РФ и Министерством физической культуры и спорта КНДР, включающий проведение семинаров, курсов, участие в тренировках по художественной гимнастике, футболу, синхронному плаванию, фигурному катанию, тхэквондо, спортивной борьбе, боксу, волейболу, баскетболу, каноэ, тяжелой атлетике, дзюдо, настольному теннису и другим видам спорта. Был подписан план обменов на 2024–2026 гг. [17], а спортсмены из КНДР приглашены к участию в Играх БРИКС в Казани. Большим событием (учитывая высокий статус северокорейской команды) стал товарищеский матч женских сборных РФ и КНДР по футболу, прошедший в июле 2024 г. в Москве.

Важную роль в развитии отношений играют и контакты регионального уровня, где выделяется Приморский край, делегация которого во главе с губернатором О.В. Кожемяко в марте 2024 г. посетила КНДР для обсуждения различных аспектов сотрудничества. В ходе визита прошёл ряд двусторонних встреч, в том числе она была принята премьер-министром КНДР Ким Док Хуном, отметившим активное развитие межрегионального сотрудничества. В свою очередь, губернатор Приморского края подчеркнул важность сотрудничества в развитии детско-юношеского спорта, культуры, туризма" [7]. В июле 2024 г. детская делегация из России отправилась в КНДР для участия в международной смене лагеря "Сондовон". В феврале и июле 2024 г. юные северокорейские спортсмены приняли участие в международных спортивных играх "Дети Приморья", "Молодость Приморья" [16]. Приезжали в Приморский край и команда волейболистов, и олимпийская сборная КНДР по боксу.

Во исполнение Соглашения о сотрудничестве в сфере здравоохранения, медицинского образования и науки следует ожидать проведения совместных научных исследований и обучение студентов из КНДР в вузах России по медицинским специальностям. А в перспективе речь может пойти и о насыщении российским оборудованием северокорейских медицинских центров, либо открытия в Пхеньяне филиала российской больницы с российским медперсоналом и современным оборудованием [2].

Расширение взаимодействия по этим направлениям очень важно. Участвующие в России 130 северокорейских студентов [19] – это крайне мало, учитывая необходимость развивать сотрудничество в целом ряде областей, обозначенных лидерами двух стран. А если учитывать, что студентов, преподавателей, учёных, представителей бизнеса из России в КНДР практически нет, то задача эта представляется ещё более актуальной. Многие годы культурные и образовательные связи России с РК существенно опережали сотрудничество с КНДР. Этот дисбаланс нужно устранять, опираясь на нынешние договорённости, направленные в том числе на подготовку кадров для продвижения двустороннего взаимодействия.

Туристические обмены и транспортное сообщение

До недавнего времени КНДР была закрыта для иностранцев из-за антиковидных ограничений. Но с начала 2024 г. произошёл прорыв в развитии туризма с этой страной, когда туристические поездки из РФ в КНДР стали регулярными. В зимний период три группы туристов (в составе от 40 до 100 человек) побывали в Пхеньяне и горнолыжном курорте Вонсан. В весенний и летний сезон туристы из России посещают Пхеньян, а также другие города: Кэсон и Раджин (Расон). Для активизации туристических обменов не хватает возможностей транспортного сообщения. В настоящее время по маршруту Владивосток – Пхеньян летает чартерный рейс северокорейской компании Air Koryo, но этого недостаточно – необходимы регулярные рейсы в Москву и другие города России. Целесообразно развивать и другие виды транспортного сообщения – железнодорожное, паромное, автомобильное. Так, по словам посла РФ в КНДР А. Мацегоры, востребованным может быть паромное сообщение между Раджином и Владивостоком, действовавшее несколько лет назад [1].

В условиях загруженности портов Южного Приморья, для налаживания экономических и логистических связей важен порт Раджин, для которого продолжает действовать освобождение от санкций ООН. РЖД уже помогает компании "Расонконтранс" восстановить работу по этому маршруту, проводятся реновационные мероприятия как на железной дороге "Хасан-Раджин", так и в самом порту. РЖД готовы возобновить перевалку угля через порт Раджин, существуют возможности и для контейнерных перевозок. Этот проект может использоваться в том числе в интересах третьих стран, в частности для поставок угля китайским потребителям [12].

На активизацию транспортного сообщения между странами нацелено и подписанное Соглашение о строительстве пограничного автомобильного моста через реку Туманная (до 1972 г. носившая название Туманган). Этот проект очень важен, так как КНДР – единственный сосед России, с которым у неё нет прямого автомобильного сообщения. Он предполагает, что две страны разделят между собой работы по строительству моста. По информации Минтранса, это будет автодорожный мост длиной около 850 метров, при этом России предстоит построить со своей стороны 300 метров моста и 2,4 км подъездных дорог к нему [13]. Соглашение о строительстве моста не только имеет стратегическое значение для Москвы и Пхеньяна, но и затрагивает интересы Пекина. Это обусловлено тем, что Россия граничит с КНДР, а граница длиной 17 км проходит по устью реки Туманная, которая берёт начало в Китае и протекает по территории трёх стран: Китая, России и КНДР, а её низовье и устье контролируются двумя последними.

В 1959 г. через реку был построен железнодорожный мост "Дружба", по которому и осуществляется грузовые и пассажирские перевозки между Россией и КНДР – от приграничного российского посёлка Хасан до приграничного посёлка Туманган, и далее в город Расон. Мост "Дружба" является низководным, препятствуя судоходству по реке Туманной, неглубокое устье которой также ограничивает судоходство в данном районе. При этом невозможность судоходства и отсутствие выхода к морю – важная проблема для северо-восточных провинций Китая, затрудняющая их развитие. Поэтому возможности судоходства по реке Туманная, включая её нижнее течение с выходом в Японское море, изучаются и обсуждаются в ходе российско-китайского диалога. В частности, в ходе визита Президента В.В. Путина в Китай в мае 2024 г. была достигнута следующая договорённость: "Стороны совместно с КНДР продолжат конструктивный обмен мнениями по теме плавания китайских судов в нижнем течении реки Туманная" [24].

Соглашение о строительстве автомобильного моста через реку Туманная, на первый взгляд, может противоречить обещаниям, данным Пекину. Однако, по заявлению замглавы МИД РФ А. Руденко в июле 2024 г., "строительство автомобильного моста через реку Туманная между РФ и КНДР не нанесет ущерба отношениям России и Китая" [20]. Ещё один аспект, связанный с реализацией проекта по строительству автомобильного моста – необходимость развития инфраструктуры Хасанского района, территория которого граничит с КНДР. Этот регион, хотя и имеет огромный природный и рекреационный потенциал, испытывает нехватку дорог и другой инфраструктуры.

В этой связи в правительстве в Приморском крае активно обсуждаются планы по развитию инфраструктуры этого района, однако пока они не увязаны с проектом строительства моста в КНДР.

Район "трёхграничья" также привлекает внимание туристических компаний Приморья, и в апреле 2024 г. Агентство по туризму представило программу международного туристического маршрута под названием "Туманганский путь", который интересен посещением малодоступных мест, обзором пограничной местности и другими достопримечательностями. Его суть состоит в развитии туристического маршрута по территориальным китайско-российским водам реки Туманная от китайского городка Фанчуань (пров. Цзилинь) в залив Петра Великого (Японское море) без схода на берег. Планируется, что туристы будут использовать специальное маломерное судно класса "река – море", способным проплыть под низководным российско-северокорейским мостом. Однако, этот международный проект не так просто воплотить в жизнь, так как, прежде чем заниматься практическими аспектами (подбор судна, выработка маршрута и др.), потребуется согласование тремя странами порядка допуска в приграничные районы иностранцев и другие усилия по налаживанию взаимодействия пограничных органов, и на это потребуется значительное время [11].

Заключение

За прошедшие с начала СВО два с половиной года отношения между РФ и КНДР существенно укрепились и достигли уровня стратегического партнерства, при этом наибольший прогресс произошёл в военно-политической сфере, что обусловлено совпадением их интересов в изменившейся геополитической ситуации в мире и регионе. Налаживание стратегического партнерства России и КНДР имеет, прежде всего, важное политическое значение, дополняя архитектуру безопасности Северо-Восточной Азии и повышая в ней роль Москвы. Помимо официальных гарантий безопасности против внешней агрессии, подписанный договор обеспечивает широкие возможности для развития военно-технического и военного сотрудничества двух стран. Он позволяет России, с одной стороны, передавать КНДР современные системы обычного оружия, а с другой – при необходимости использовать возможности северокорейского ВПК, в основном, безусловно, опираясь на собственный мощный военно-технический потенциал. Есть основания полагать, что увеличится и число совместных мероприятий Вооружённых сил двух стран в сфере непосредственно военного сотрудничества, включая проведение совместных учений, обмен боевым опытом и разведданными и др. [28].

Существенное развитие за прошедший период получили многие направления гуманитарного сотрудничества, прежде всего, в сферах культуры, спорта, образования и региональных обменов. Их дальнейшая активизация имеет отличные перспективы, что обусловлено, как относительно невысокой ресурсозатратностью взаимодействия в этих сферах, так и тем, что они способствуют позитивному изменению ситуации в информированности россиян о КНДР, демонизация которой стала результатом действий недружественных стран. Приоритетным является и развитие сотрудничества в образовании, играющем важную роль как для понимания возможностей взаимодействия и учёта интересов двух сторон, так и для подготовки специалистов, обеспечивающих практическую реализацию проектов по всему спектру двусторонних отношений.

Из-за низкого уровня экономики КНДР перспективы развития двустороннего торгового-экономического сотрудничества можно оценить как не очень высокие, однако, с учетом санкций Запада у производителей КНДР имеется возможность занять некоторые пустующие ниши на потребительском рынке России. Для дальнейшего развития торговли требуется не только поиск решений по преодолению санкционного давления, но и разумная ценовая политика, а также прямые логистика и расчёты. В сложившихся условиях приоритетной для обеих стран целью является создание условий для возврата северокорейских рабочих в Россию, хотя пути решения этого вопроса пока не вполне очевидны.

Помимо этого, существует ряд сфер, развитие проектов сотрудничества в которых требует как достаточно длительной и детальной совместной про-

работки, так и существенных финансовых и других затрат. В интересах повышения эффективности трансграничного транспортного сообщения между странами на первый план выдвигается проект строительства автомобильного моста через реку Туманная. Необходимо продолжить взаимодействие в сфере туризма, учитывая, что оно не подпадает под санкции, а также то, что в КНДР уже предприняты усилия для создания ряда современных туристических кластеров. Есть хорошие перспективы для сотрудничества в научно-технологической сфере, когда, например, северокорейские спутники будут запускаться на российских ракетах-носителях и др. Наконец, в соответствии с подписанным договором, следует ожидать разработки проектов совместных исследований в таких сферах, как биология, мирная атомная энергия, искусственный интеллект, информационные технологии и др.

Литература

1. Александр Мацегора: Россия не помогает КНДР строить военные спутники // РИА Новости. 10.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240210/matsegora-1926423860.html> (дата обращения: 20.08.2024).
2. Асмолов К. Современное состояние и перспективы отношений РФ и КНДР // Российский совет по международным делам. 23.04.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-otnosheniy-rf-i-kndr/> (дата обращения: 20.08.2024).
3. Белоусов Е. Президент Южной Кореи призвал Россию выбрать между двумя Кореями // Коммерсант. 08.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6820103> (дата обращения: 20.08.2024).
4. "Важнейшее геополитическое событие года": мировые СМИ о визите Путина в Пхеньян // ТАСС. 20.06.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21150159> (дата обращения: 20.03.2024).
5. В МИД Южной Кореи вызвали российского посла / РИА Новости. 21.06.2024. URL: <https://ria.ru/20240621/koreya-1954429840.html> (дата обращения: 20.08.2024).
6. Воронцов А. В. КНДР будет "всегда стоять в одном окопе вместе с армией и народом России" // Восточная аналитика. 2023. №14 (2). С. 54–60. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-02-054-060>.
7. Встречи на высоком уровне провела делегация Приморского края в КНДР // Вести Приморье. 25.03.2024. URL: <https://vestiprim.ru/news/ptrnews/148096-vstrechi-na-vysokom-urovne-provela-delegacija-primorskogo-kraja-v-kndr.html> (дата обращения: 20.08.2024).
8. Глава Минприроды Козлов: Поставка мясной продукции в КНДР начнется в 2024 году // Российская газета. 17.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/17/glava-minprirody-kozlov-postavka-miasnoj-produkcii-v-kndr-nachnetsia-v-2024-godu.html> (дата обращения: 20.08.2024).
9. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (Пхеньян, 13 июня 2024 г.) (документ не вступил в силу). URL: <https://base.garant.ru/409304598/> (дата обращения: 20.08.2024).
10. Дьячков И. В. Российско-северокорейские связи в 2023 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2023. №6. С. 37–47. <https://doi.org/10.31857/S013128120029186-5>.
11. Забровская Л. В. Сотрудничество КНДР и КНР в реализации задач проекта "Туманган" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 147–153. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/147-153>
12. Заявления для прессы по итогам российско-корейских переговоров. 19.06.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/74334> (дата обращения: 20.06.2024).
13. Из Приморья в Северную Корею будет построен автомобильный мост // PrimaMedia. 20.06.2024. URL: <https://primamedia.ru/news/1775665/> (дата обращения: 20.08.2024).
14. Кеффер Л. Северная Корея будет поставлять России яблоки // Коммерсант. 15.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6835408?tg> (дата обращения: 20.08.2024).
15. Лешаков П. С., Соловьёв А. В. Сердечно, но мучительно // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 184–196.
16. Министерство физической культуры и спорта Приморского края. URL: <https://sportprimorsky.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).
17. Министры спорта России и КНДР подписали план обменов на 2024–2026 годы. URL: <https://www.sport-express.ru/obshchestvo/news/ministry-sporta-rossii-i-kndr-podpisali-plan-obmenov-na-2024-2026-gody-2146242/> 16/11/2023. (дата обращения: 20.08.2024).
18. Путин В. Россия и КНДР: традиции дружбы и сотрудничества сквозь года // ЦТАК. 18.06.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/904d568863da758180e721aee779e890.kcmsf> (дата обращения: 20.08.2024).
19. Россия и КНДР нацелены на расширение сотрудничества в области высшего образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 09.04.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81405/> (дата обращения: 20.08.2024).

20. Руденко заявил, что мост на границе РФ и КНДР не нанесет ущерба отношениям с КНР // ТАСС. 15.07.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21364203> (дата обращения: 15.07.2024).
21. РФ в СБ ООН заветировала продление мандата группы экспертов по санкциям в отношении КНДР // ТАСС. 29.03.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20384635> (дата обращения: 30.08.2024)
22. "Санкции не должны быть направлены против народа и права страны на развитие" // Коммерсант. 09.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6820150> (дата обращения: 20.03.2024).
23. Сергей Лавров прокомментировал важный пункт договора России и КНДР // Сайт "Первого канала". 19.06.2024. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-06-19/479007-sergey_lavrov_prokommentiroval_vazhnyy_punkt_dogovora_rossii_i_kndr (дата обращения: 20.08.2024).
24. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. 16.05.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 20.08.2024).
25. Участники российско-корейских переговоров. 13.09.2023. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6001> (дата обращения: 20.08.2024).
26. Что последует за договоренностью России и КНДР о взаимной военной помощи // РБК. 19.06.2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/06/2024/6672f7999a794757cd3bb525?from=article_body (дата обращения: 20.08.2024).
27. Hong, Wan-suk. The Putin paradox and Russia's pivot to Asia // Global Asia. June 2024. URL: https://globalasia.org/v19no2/feature/the-putin-paradox-and-russias-pivot-to-asia_wan-suk-hong (дата обращения: 20.03.2024).
28. Lukin A. The Korean Peninsula's New Geopolitics: Why North Korea Is Shifting toward an Alliance with Russia // Asia Policy. 2024. Vol. 19, №3. P. 57–69. <https://dx.doi.org/10.1353/asp.2024.a934565>
29. 로씨야연방정부대표단 평양시내 여러곳 참관 // 민주조선 = Российская делегация посетила несколько мест в Пхеньяне // Минджу чосон. 17.11.2023. URL: <http://www.minzu.rep.kp/Home/index/disp/3347/ko> (дата обращения: 20.08.2024).
30. 장호진 "러, 북에 정밀무기 주면 우크라 지원에 어떤 선도 없어" = Чан Ходжин: "Если Россия поставит высокоточное оружие Северной Корее, у Сеула не будет ограничений на помощь Украине" // Ronhap News. URL: https://m.yna.co.kr/view/AKR20240623014200001?section=politics/all&site=major_news01 (дата обращения: 23.06.2024).

References

1. Alexander Matsegora: Russia is not helping the DPRK build military satellites // RIA Novosti. 10.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240210/matsegora-1926423860.html> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
2. Asmolov K. Current state and prospects of relations between the Russian Federation and the DPRK. // Russian Council on International Affairs. 23.04.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-otnosheniy-ri-i-kndr/> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
3. Belousov E. The President of South Korea called on Russia to choose between the two Koreas // Kommersant. 08.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6820103> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
4. "The most important geopolitical event of the year": world media on Putin's visit to Pyongyang // TASS. 20.06.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21150159> (accessed 20.03.2024). (In Russ.).
5. The Russian ambassador was summoned to the South Korean Foreign Ministry / RIA Novosti. 21.06.2024. URL: <https://ria.ru/20240621/koreya-1954429840.html> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
6. Vorontsov A. V. The DPRK will "always stand in the same trench with the army and people of Russia" // Eastern Analytics. 2023. No. 14 (2). P. 54–60. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-02-054-060>. (In Russ.).
7. High-level meetings were held by the delegation of Primorsky Krai in the DPRK // Vesti Primor'ye. 25.03.2024. URL: <https://vestiprim.ru/news/ptnews/148096-vstrechi-na-vysokom-urovne-provela-delegacija-primorskogo-kraja-v-kndr.html> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
8. Head of the Ministry of Natural Resources Kozlov: The supply of meat products to the DPRK will begin in 2024 // Rossiyskaya Gazeta. 17.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/17/glava-minprirody-kozlov-postavka-miasnoj-produkcii-v-kndr-nachnetsia-v-2024-godu.html> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
9. Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea (Pyongyang, 13 June 2024) (the document has not entered into force). URL: <https://base.garant.ru/409304598/> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
10. Dyachkov I. V. Russian-North Korean relations in 2023 // Problemy Dalnego Vostoka. 2023. No. 6. P. 37–47. <https://doi.org/10.31857/S013128120029186-5>. (In Russ.).

11. Zabrovskaya L. V. Cooperation between the DPRK and the PRC in Implementing the Tasks of the Tumangan Project // *Ojkumena. Regional researches*. 2024. No. 2. P. 147–153. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/147-153> (In Russ.).
12. Press statements following Russian-Korean talks. 19.06.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/74334> (accessed 20.06.2024). (In Russ.).
13. A road bridge will be built from Primorye to North Korea // *PrimaMedia*. 20.06.2024. URL: <https://primamedia.ru/news/1775665/> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
14. Keffer L. North Korea will supply apples to Russia // *Kommersant*. 15.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6835408?tg> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
15. Leshakov P. S., Solovyov A. V. Warmly, but painfully // *Russia in global politics*. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 184–196. (In Russ.).
16. The Ministry of Physical Culture and Sports of Primorsky Krai. URL: <https://sportprimorsky.ru/> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
17. The sports ministers of Russia and the DPRK signed an exchange plan for 2024-2026. URL: <https://www.sport-express.ru/obshchestvo/news/ministry-sporta-rossii-i-kndr-podpisali-plan-obmenov-na-2024-2026-gody-2146242/> 16/11/2023. (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
18. Putin V. Russia and the DPRK: traditions of friendship and cooperation through the years // *KCNA*. 18.06.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/904d568863da758180e721aee779e890.kcmsf> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
19. Russia and the DPRK aim to expand cooperation in higher education // *Ministry of Science and Higher Education of the RF*. 09.04.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81405/> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
20. Rudenko said that the bridge on the border of Russia and the DPRK will not damage relations with China // *TASS*. 15.07.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21364203> (accessed 15.07.2024). (In Russ.).
21. Russia vetoed the extension of the mandate of the group of experts on sanctions against the DPRK in the UN Security Council // *TASS*. 29.03.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20384635> (accessed 30.08.2024). (In Russ.).
22. "Sanctions should not be directed against the people and the country's right to development" // *Kommersant*. 09.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6820150> (accessed 20.03.2024). (In Russ.).
23. Sergey Lavrov commented on an important point of the treaty between Russia and the DPRK // *Website of Channel One*. 19.06.2024. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-06-19/479007-sergey_lavrov_prokomentiroval_vazhnyy_punkt_dogovora_rossii_i_kndr (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
24. Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on deepening relations of comprehensive partnership and strategic interaction, entering a new era, in the context of the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the two countries. 16.05.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
25. Participants in Russian Korean negotiations. 13.09.2023. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6001> (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
26. What will follow the agreement between Russia and the DPRK on mutual military assistance // *RBC*. 19.06.2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/06/2024/6672f7999a794757cd3bb525?from=article_body (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
27. Hong, Wan-suk. The Putin paradox and Russia's pivot to Asia // *Global Asia*. June 2024. URL: https://globalasia.org/v19no2/feature/the-putin-paradox-and-russias-pivot-to-asia_wan-suk-hong (дата обращения: 20.03.2024).
28. Lukin A. The Korean Peninsula's New Geopolitics: Why North Korea Is Shifting toward an Alliance with Russia // *Asia Policy*. 2024. Vol. 19, №3. P. 57–69. <https://dx.doi.org/10.1353/asp.2024.a934565>.
29. Russian Federation Government Delegation Visits Various Places in Pyongyang // *Democratic Korea // Minidzhu chōson*. 17.11.2023. <http://www.minzu.rep.kp/Home/index/disp/3347/ko> (accessed 20.08.2024). (In Kor.).
30. Jang Ho-jin. "If Russia gives precision weapons to the North, there will be no support for Ukraine". URL: https://m.yna.co.kr/view/AKR20240623014200001?section=politics/all&site=major_news01 (date of publication: 23.06.2024). (In Kor.).

Информация об авторах

Сергей Витальевич Севастьянов, д-р полит. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Марина Петровна Кукла, канд. экон. наук, профессор кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kukla.mp@dvfu.ru

Information about the authors

Sergei V. Sevastianov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Marina P. Kukla, Candidate of Economics, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kukla.mp@dvfu.ru

Поступила в редакцию 09.09.2024

Одобрена после рецензирования 03.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 09.09.2024

Approved 03.11.2024

Accepted 27.11.2024

Проблемы национальной безопасности США в контексте американо-мексиканских отношений: трансграничная преступность

Лариса Николаевна Гарусова
Дальневосточный федеральный университет;
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, Igarusova@mail.ru
Елена Романовна Литвинова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, litvinova.er@dvf.u

Аннотация. Противодействие организованной преступности и наркотрафику в контексте американо-мексиканских отношений является в настоящее время актуальной проблемой для США. Цель исследования – на основе анализа правительственных и ведомственных документов США и Мексики рассмотреть криминальный аспект американо-мексиканских миграционных отношений. Было выявлено, что совместные проекты Вашингтона и Мехико сегодня нацелены прежде всего на борьбу с наркокартелями и нелегальной поставкой наркотиков в США как главными угрозами национальной безопасности. Определено, что проблему криминальной составляющей иммиграции невозможно решить лишь посредством усиления пограничного контроля, поскольку требуются комплексные меры.

Ключевые слова: национальная безопасность, организованная преступность, наркотрафик, нелегальная миграция, американо-мексиканская граница

Для цитирования: Гарусова Л. Н., Литвинова Е. Р. Проблемы национальной безопасности США в контексте американо-мексиканских отношений: трансграничная преступность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 163–175. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/163-175>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/163-175>

US national security issues in the context of US-Mexico relations: cross-border crime

Larisa N. Garusova
Far Eastern Federal University;
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, Igarusova@mail.ru
Elena R. Litvinova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, litvinova.er@dvf.u

Abstract. Combating organized crime and drug trafficking in the context of US-Mexican relations is currently a pressing issue for the United States. The purpose of the study is to examine the criminal aspect of American-Mexican migration relations based on an analysis of government and departmental documents of the United States and Mexico. It was revealed that joint projects between Washington and Mexico City today are aimed primarily at combating drug cartels and the illegal supply of drugs to the United States, as the main threats to national security. It has been determined that the problem of the criminal component of immigration cannot be solved only by strengthening border control, since complex measures are required.

Key words: national security, organized crime, drug trafficking, illegal migration, US-Mexico border

For citation: Garusova L. N., Litvinova E. R. US national security issues in the context of US-Mexico relations: cross-border crime // Ojukmena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 163–175. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/163-175>

Обеспечение национальной безопасности – основа внешней и внутренней политики любого государства. Соединённые Штаты Америки в этом смысле не являются исключением. В контексте американо-мексиканского миграционного процесса противодействие организованной преступности и связанными с ней угрозам (наркотрафик, отмывание денег, контрабанда оружия и т.д.), является важнейшей составляющей системы национальной безопасности США. Соединённые Штаты являются самым популярным направлением для миграции мексиканцев. Обе страны имеют общую границу протяжённостью более 3 тыс. километров. "На протяжении нескольких десятилетий мигранты преодолевают пограничную линию, растянувшуюся от Тихого океана до Мексиканского залива, в надежде обрести лучшее будущее в США. Со временем маршруты нелегального перехода обросли инфраструктурой, контролируемой криминальными группировками" [3].

Преступные организации в последние десятилетия приобрели двусторонний (американо-мексиканский), а в некоторых случаях и многонациональный характер. Эти группы сначала получают контроль над стратегически значимыми районами национального уровня, а затем расширяются до транснациональной незаконной деятельности. Благодаря своим связям и

возможностям взаимодействовать, мексиканские преступные картели и американские банды распространяют наркотики по всей стране, обеспечивая оплату и защиту товара во время своих поездок. Эти связи позволили высокооставленным членам мексиканских картелей продолжать действовать в США вне поля зрения правоохранительных органов [13].

Цель исследования – рассмотреть криминальный аспект американо-мексиканских миграционных отношений как угрозу национальной безопасности не только США, но и Мексики. Ряд вопросов данной тематики, таких, как особенности миграционного законодательства США, легальная и нелегальная миграция из стран Латинской Америки, проблема адаптации латиносов в американском обществе и др., достаточно хорошо изучены в научной литературе [1; 4]. При этом проблема криминального сопровождения международной миграции как фактор и угроза национальной безопасности США менее изучена.

В работе были применены следующие методы:

1) Проблемно-хронологический метод. Использовался для анализа исторических событий в американо-мексиканских отношениях, акцентируя внимание на восприятии сторонами трансграничных угроз и эволюции системы национальной безопасности США и Мексики;

2) Системный подход применялся для анализа взаимодействия различных структур и органов США и Мексики в решении вопросов нелегальной миграции и наркотрафика. В статье исследуется влияние криминальных картелей на социально-экономическую систему как США, так и Мексики, а также система мер, предпринятых двумя странами для противодействия наркотрафику и организованной преступности;

3) В работе, в частности, проводится сравнительный анализ для сопоставления различных подходов США и Мексики к вопросам безопасности, а также сравнение стратегий борьбы с организованной преступностью и миграцией, что позволяет выявить степень их эффективности;

4) Институциональный метод, использовавшийся при рассмотрении как доктрин национальной безопасности США и Мексики, так и структур их реализующих.

На мексиканцев, живущих в США, в настоящее время приходится 97% всех мексиканских эмигрантов. Более половины из них проживают в двух пограничных с Мексикой штатах – Калифорнии и Техасе [18]. Не все иммигранты, пересекающие легально или нелегально американо-мексиканскую границу, являются непосредственно мексиканцами. Сегодня Мексика – это транзитная зона для мигрантов, стремящихся в Соединённые Штаты из других стран Латинской Америки. Большинство из них в качестве основной причины иммиграции называют лучшие возможности трудоустройства, другие – желание воссоединиться с родственниками. Мексиканское агентство по делам беженцев (COMAR) сообщило в августе 2023 г., что только в июле оно получило 11 226 заявлений о предоставлении убежища. COMAR собиралось подать более 150 тыс. заявлений о предоставлении убежища мигрантам в 2023 г.; его предыдущий годовой рекорд – 129 751 (2021 г.). Мигранты не планируют остаться навсегда в этом "убежище", их путь лежит дальше, через мексиканскую границу в США. Однако согласно современному американскому иммиграционному законодательству, они не могут въехать в эту страну, минуя проживание в Мексике для оформления своих заявок и документов. В 2023 г. больше всего просителей транзитного убежища были гражданами Гондураса, Гаити, Кубы, Гватемалы и Сальвадора [17]. Всё это создаёт дополнительную нагрузку на систему социального обеспечения и рынок труда Мексики, поскольку ждать ответа на свой запрос мигранту приходится в лучшем случае несколько месяцев.

Миграция из Гватемалы в США через Мексику является наглядной иллюстрацией криминальной составляющей данного процесса. Так, большинство незарегистрированных иммигрантов пересекают Мексику по транспортной линии Ла Бестия (La Bestia), которая представляет собой грузовые поезда, управляемые группой частных компаний и перевозящие различные товары в Соединённые Штаты. От границы с Гватемалой иммигранты должны добраться до двух ближайших железнодорожных станций в мексиканских штатах Табаско и Чьяпас и далее несколькими маршрутами следовать в Техас,

Нью-Мексико, Аризону или Калифорнию. Все эти маршруты контролируются криминальными картелями. Для иммигрантов, которые не могут заплатить до 10 тыс. долларов за организованный и более комфортный нелегальный "въезд" в США, Ла Бестия остаётся единственным средством передвижения. Ехать на этом грузовом поезде означает не только платить меньше, но и сталкиваться с вымогательством, насилием и вербовкой со стороны членов банд, контролирующих такое передвижение, а также с коррумпированностью недобросовестных сотрудников правоохранительных органов или физическими травмами из-за небезопасных условий путешествия. Резня в пограничном с США штате Тамаулипас в 2018 г. является ярким примером рисков для мигрантов, а также откровенного насилия со стороны организованной преступности. В общей сложности 72 человека, мужчины и женщины, были застрелены предположительно бандитами картеля "Лос-Зегас". Выживший в бою человек рассказал, как бандиты пытались вымогать у них деньги и насильно вербовать их в свои ряды. Они полагали, что группа мигрантов намеревалась работать на их конкурентов – картель Персидского залива [35].

Нелегальная миграция, а также её криминальное сопровождение через американо-мексиканскую границу, остаётся одной из наиболее обсуждаемых и поляризующих тем в современной политике США. Данная проблема особенно обострилась в периоды президентства Д. Трампа и Дж. Байдена, что "отражает различные подходы и политические стратегии по управлению границей" [19, с. 157]. Так, стратегия президента Трампа сводилась к ограничительным и запретительным мерам в отношении легальной и нелегальной миграции через американо-мексиканскую границу.

Политика администрации президента Байдена трансформировалась в сторону смягчения миграционных ограничений и была нацелена на оказание помощи в решении проблем, порождающих массовую миграцию из стран Латинской Америки. Об этом говорится в официальном документе Стратегия борьбы с коренными причинами миграции в Центральной Америке [32], опубликованной в июле 2021 г. на сайте Белого дома. Стратегия администрации Байдена включает устранение экономического неравенства, борьбу с коррупцией, развитие демократических институтов, уничтожение организованной преступности и борьбу с сексуальным и домашним насилием в странах Центральной Америки. Все эти меры должны быть направлены на Сальвадор, Гондурас и Гватемалу. В пояснительной записке к документу говорится о выделении из американского бюджета 310 млн долл. на устранение последствий стихийных бедствий в указанных странах. Вашингтон учредил некоммерческую организацию для развития частного сектора Центральной Америки, к которой присоединились 12 компаний, вложивших 750 млн долл. в помощь 13 млн человек [14]. В комплексе с ограничительно-запретительными мерами на американо-мексиканской границе это должно было сократить поток иммигрантов в США, в котором доля самих мексиканцев постепенно снижается.

Однако все эти действия оказываются недостаточно эффективными для решения наиболее острой проблемы приграничного взаимодействия США и Мексики. Речь идёт об организованной преступности и связанном с ней наркотрафике. Мексиканские наркокартели являются основными поставщиками наркотиков, таких как кокаин, героин, метамфетамин и фентанил на территорию США. Борьба с наркокартелями требует координированных усилий обеих стран, однако коррупция и насилие, порождаемые наркобизнесом, осложняют эту задачу.

Проблема криминализация миграционного процесса на американо-мексиканской границе воспринимается в настоящее время как угроза национальной безопасности и в США, и в Мексике, что находит отражение в соответствующих документах. Речь идёт о Стратегиях национальной безопасности США (NSS), Национальных оборонных стратегиях (NDS), программах национального развития Мексики, ведомственных документах пограничной и таможенной службы обеих стран, а также разного рода соглашениях и программах совместных действий Вашингтона и Мехико.

Если в Стратегиях национальной безопасности США 2002 и 2006 гг., разработанных в ответ на террористические атаки 11 сентября 2001 г., главным вызовом для Америки провозглашался международный терроризм, а сотрудничество с приграничными странами – Мексикой и Канадой, рассма-

тривалось ключевой задачей в борьбе с ним [21], то вскоре приоритеты изменились. К вопросу о безопасности границ в контексте террористических угроз добавилась криминальная составляющая. Например, в **Оборонной стратегии США 2008 г.** (NDS 2008) ставится задача защиты американской территории от внешних угроз, включая транснациональную организованную преступность и наркотрафик, а также указывается на важность сотрудничества с международными партнерами, включая Мексику. Инструментом её решения называется пограничная безопасность – использование усиленного пограничного патрулирования и новых технологий для повышения эффективности контроля границы [20].

Неудачная попытка реформирования иммиграционной политики администрацией Дж. Буша на фоне роста миграционного потока через американо-мексиканскую границу, нашла отражение в **Стратегии национальной безопасности 2010 г.** (NSS 2010) уже следующего президента – Б. Обамы (2009–2016 гг.). Раздел стратегии "Укрепление безопасности и устойчивости внутри страны" (Strengthen Security and Resilience at Home) акцентирует внимание на защите границ. Стратегия ориентирует на комплексный подход к решению ключевых вопросов трансграничной безопасности [22]. Усиление безопасности на границах и пресечение транснациональных угроз, таких как незаконная миграция, торговля наркотиками и оружием, теперь тесно увязано с сотрудничеством с мексиканскими властями. Совместные усилия должны быть направлены на выявление и пресечение угроз ещё до их прибытия в Северную Америку [22].

Стратегия национальной безопасности США 2015 г. (NSS 2015) практически впервые рассматривает незаконную наркоторговлю как главную угрозу национальной безопасности. Вопросы борьбы с наркотрафиком представлены в разделах "Укрепить национальную безопасность" (Reinforce Homeland Security) и "Углублять сотрудничество в области экономики и безопасности в Америке" (Deepen Economic and Security Cooperation in the Americas) [23]. Речь идет о росте нелегальной миграции и наркотрафика за счет увеличения доли мигрантов из стран Центральной Америки (Гватемала и Гондурас), а также о превращении Мексики в транзитную зону для организованной преступности и наркотрафика в США. В США отмечается рост потребления синтетических наркотиков, которые производились и завозились из стран Юго-Восточной Азии и Карибского бассейна. Поэтому в документе были сформулированы задачи по борьбе с контрабандой наркотиков из данных регионов [23].

В своей предвыборной кампании 2016 г. будущий президент США Д. Трамп позиционировал иммиграционную проблему как ключевую угрозу американской национальной безопасности. Нелегальные иммигранты, по мнению Трампа, способствовали не только распространению наркотиков в США и повышению уровня преступности, но и ослабили американскую экономику. Поэтому **Стратегия национальной безопасности 2017 г.** (NSS 2017) фокусируется на вопросе борьбы с нелегальной иммиграцией. В разделе "Защитить американский народ, родину и американский образ жизни" (Protect the American People, the Homeland, and the American Way of Life) средствами обеспечения национальной безопасности были названы пограничный контроль и реформа иммиграционной политики. "Незащищенные границы используются наркоторговцами, террористами и преступниками для нарушения общественной безопасности в США" [24].

Проблема криминализации миграционных потоков на американо-мексиканской границе вызывает озабоченность и у администрации президента Дж. Байдена. Стратегия национальной безопасности США (NSS 2022), также включает в себя вопросы, связанные с приграничным взаимодействием с Мексикой, нелегальной иммиграцией и борьбой с наркотрафиком. США стремятся улучшить координацию и обмен информацией с Мексикой для противодействия транснациональным угрозам, включая незаконный оборот наркотиков и людей. Стратегия акцентирует внимание на необходимости укрепления границ и улучшения системы миграционного контроля для предотвращения нелегального проникновения на территорию США. В рамках этих усилий важным элементом является сотрудничество с мексиканскими властями в

области обмена разведывательной информацией и координации действий по борьбе с нелегальной миграцией [25].

Стратегия пограничного патрулирования США на 2022–2026 гг. (2022–2026, U.S. Border Patrol Strategy), разработанная агентством по защите границ и таможенного контроля (CBP), является специализированным документом, сосредоточенным на конкретных мерах по обеспечению безопасности американской границы. Речь в нём также идёт о необходимости совершенствования системы пограничного контроля с опорой на "интеллектуальную" границу. Последнее означает использование искусственного интеллекта для прогнозирования и предотвращения попыток незаконного пересечения границы, а также сотрудничество с мексиканскими правоохранительными органами для борьбы с организованной преступностью [5].

Таким образом, основные стратегические задачи по обеспечению национальной безопасности США в контексте американо-мексиканских отношений, сводятся прежде всего к контролю над нелегальной иммиграцией посредством укрепления южной границы, а также борьбе с организованной преступностью и наркотрафиком.

Параллельно с американским политико-стратегическим обеспечением решения криминальных проблем миграции схожие подходы формировались в Мексике. Стратегические документы Мехико включают планы национального развития, соглашения с США по борьбе с преступностью и наркоторговлей и отражают видение Мексикой проблем безопасности, в том числе и в формате американо-мексиканского сотрудничества. Так, **Национальный план развития 2001–2006 гг. (Plan Nacional de Desarrollo 2001–2006)**, демонстрирует попытки решения проблем национальной безопасности, в том числе приграничных проблем, на основе взаимодействия с США. В этом документе, созданном администрацией президента В. Фокса, подчёркивается необходимость координации совместных усилий с Соединёнными Штатами для предотвращения незаконного оборота наркотиков и оружия [26].

Следующий Национальный план развития 2007–2012 гг. (Plan Nacional de Desarrollo 2007–2012) администрации президента Ф. Кальдерона ещё больше акцентируется на задаче усиления борьбы с организованной преступностью и терроризмом посредством международного сотрудничества. В разделе "Международное сотрудничество" (Cooperación Internacional) представлены меры по совместной работе с США для усиления пограничного контроля и обмена информацией [27].

Взаимодействие с США в борьбе с наркокартелями было конкретизировано в "Инициативе Мерида" (**Iniciativa Mérida**), подписанной президентами Ф. Кальдероном и Дж. Бушем в 2007 г. Данная программа предусматривала американскую финансовую помощь, поставки оборудования, обучение мексиканских правоохранительных органов и обмен информацией [16].

Продолжением уже традиционной политики национальной безопасности стала **Национальная стратегия общественной безопасности 2014–2018 гг. (Estrategia Nacional de Seguridad Pública 2014–2018)** президента Энрике Пенья Ньето. В разделе "Международное сотрудничество в области безопасности" (Cooperación Internacional en Seguridad) отражены совместные усилия с США по борьбе с организованной преступностью, обмену разведанными и модернизации пограничной инфраструктуры. В стратегии прописаны задачи противодействия незаконному обороту наркотиков, торговли людьми и транснациональной преступности [12].

Администрация Андреса Мануэля Лопеса Обрадора предложила **План национального развития на 2019–2024 гг. (Plan Nacional de Desarrollo 2019–2024)**, в котором подчёркивается важность поддержки США в рамках "Инициативы Мерида". План фокусируется на реформировании полицейских сил и правосудия для повышения их эффективности в борьбе с преступностью и коррупцией. В документе говорится о необходимости улучшения социально-экономических условий для снижения уровня преступности. План национального развития поднимает вопрос о причинах роста преступности и миграционном оттоке из Мексики. Средством решения данных проблем названа борьба с бедностью и неравенством. Социальные программы, на-

правленные на улучшение условий жизни, образования и здравоохранения, призваны способствовать снижению уровня преступности и укреплению социальной сплоченности мексиканского общества [28].

Документ отражает традицию сотрудничества с Соединёнными Штатами в области обмена информацией, совместных операций против наркокартелей, торговли наркотиками и оружием поддержке программ реабилитации наркозависимых, укрепления пограничного контроля и предотвращения незаконной миграции. Взаимодействие с США, согласно данному плану, может включать совместное патрулирование и американскую технологическую поддержку. Обеспечение уважения и продвижения прав человека и сотрудничество с США по данному направлению играет значительную роль в стратегии национальной безопасности Мексики. "Взаимодействие с США может включать обмен передовым опытом и обучение в области прав человека для сотрудников правоохранительных органов" [30].

В рамках реализации Плана национального развития 2019–2024 гг. были запущены различные программы и инициативы. Например, создание Национальной гвардии, которая объединила силы военной, морской и федеральной полиции для обеспечения безопасности и правопорядка, а также открытие её 250 координационных центров по всей стране. Данная мера направлена на усиление присутствия правоохранительных органов в регионах с высоким уровнем преступности [11].

Таким образом, американские и мексиканские стратегические планы во многом схожи, поскольку нацелены на решение общих или одинаковых проблем. Эти документы акцентируют внимание на сотрудничестве Вашингтона и Мехико преимущественно в силовом противодействии нелегальной миграции и организованной преступности, хотя имеются и отдельные социальные проекты. Задачи и оценки, сформулированные в стратегических документах, находят воплощение в конкретных мероприятиях соответствующих органов и служб США и Мексики. При этом незаконный оборот наркотиков через американо-мексиканскую границу признан правительствами обеих стран ключевой угрозой национальной безопасности.

США – крупнейший в мире потребитель нелегальных наркотиков. Именно здесь рождается спрос на запрещённые вещества, который удовлетворяется предложением со стороны Мексики и позволяет наркокартелям оставаться в бизнесе. Ещё в 1990-е гг. в Мексике процветали наркокартели и банды, а экспорт наркотиков был нацелен на американского потребителя. В середине 2000-х гг. на фоне борьбы за рынки сбыта и обострения криминальной обстановки в стране, наркокартели стали перемещаться на территорию США, растворяясь в миграционной среде и налаживая связи с американским криминалом.

Сегодня мексиканские преступные группировки контролируют поставки и оптовое распределение большинства запрещенных веществ в Соединённых Штатах и присутствуют в более чем в тысяче городах США. Такие организации можно найти не только в традиционных приграничных "промежкисанских" штатах – Аризоне, Техасе, Нью-Мексико и Калифорнии, но и в таких городах, как Бостон, Чикаго и Филадельфия. В Бостоне местные сбытовые группы всё чаще получают кокаин непосредственно от мексиканских картелей через свои базы в приграничных штатах. Управление по борьбе с наркотиками подтверждает, что самые могущественные мексиканские картели теперь присутствуют на территории США. Среди них картель "Синалоа", картель "Нового поколения Халиско", картель Хуареса, картель Персидского залива, картель "Лос-Зетас" и организация Бельтрана Лейвы. Каждая из этих организаций содержит ячейки по распространению наркотиков в определенных городах по всей территории Соединённых Штатов, которые подчиняются либо непосредственно руководителям картелей в Мексике, либо косвенно через посредников [13].

Несколько лет назад США охватила эпидемия "избыточных" смертей от передозировки мощного синтетического опиоида – фентанила. С 2020 по 2022 гг. количество передозировок фентанилом выросло более, чем в два раза – с 35 тыс. до 80 тыс. человек, что является самой распространённой причиной смерти в Америке. Молодых людей в возрасте от 18 до 45 лет гибнет от наркотика

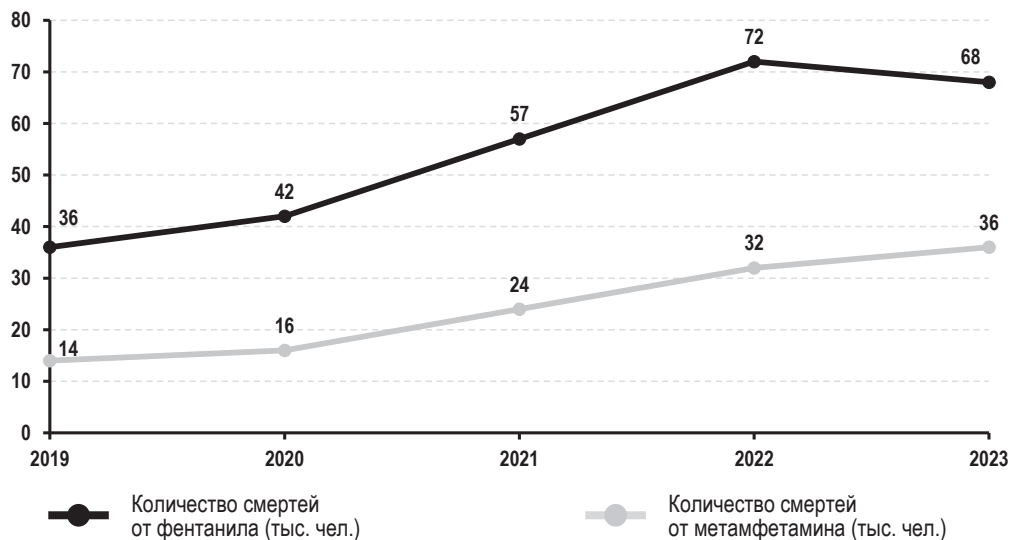

Рис. 1. Количество смертей от передозировки фентанилом и метамфетамином в США (2019–2023 гг.).

Источник: составлено авторами на основе [9; 15].

Fig. 1. Number of deaths from fentanyl and methamphetamine overdoses in the United States (2019–2023).

Source: compiled by authors based on: [9; 15].

больше, чем в дорожно-транспортных происшествиях, убийствах с применением огнестрельного оружия и самоубийствах¹.

Статистика свидетельствует о том, что передозировка фентанилом и амфетамином являются главной причиной смертей от наркотиков в целом (рис. 1–2).

Большинство нелегального фентанила доставляется в США через южную границу, которая проходит через четыре штата и имеет 26 сухопутных пунктов пропуска. Американская таможенно-пограничная служба (СВР) должна перехватывать незаконные вещества на этой обширной и иногда труднодоступной территории, как в самих пунктах пропуска, так и на промежуточных участках границы. Сотрудники пограничной службы управляют огромными объемами торговли и потоками пассажиров на пунктах пропуска. Только в июле 2023 г. пограничная служба "обработала" 16, 5 млн пешеходов, легковых автомобилей и грузовиков на южной границе. В 2023 г. пограничная служба конфисковала 176 тыс. фунтов незаконных наркотических веществ на южной границе [10].

Большая часть контрабанды незаконных наркотиков в США проходит через официальные пункты пропуска, а не там, где отсутствуют пограничные стены и барьеры. Контрабандисты часто прячут наркотики в отсеках транспортных средств и грузов, так как провоз через пункты пропуска оказывается быстрее и удобнее, чем пересечение труднопроходимой местности между пунктами въезда. Средства обнаружения наркотиков, помимо пограничных патрулей, включают технологии наблюдения, такие как интегрированные наблюдательные башни (IST), многоцелевые самолёты наземного перехвата (МЕА), программы обнаружения тоннелей, радары и другие технологии удаленного наблюдения [15].

Такие меры приводят к некоторым позитивным результатам. Так, в последние годы наметилась тенденция к снижению объемов провозимых наркотиков (и их конфискации) через американо-мексиканскую границу. Конфискации наркотиков в 2023 г. по весу снизилась на 16% по сравнению с 2022 г. и на 66% по сравнению с 2020 г. В целом, конфискации на южной границе

¹ Drug Overdose Death Rates. National institute on Drug Abuse. May 14, 2024. URL: <https://nida.nih.gov/research-topics/trends-statistics/overdose-death-rates>.

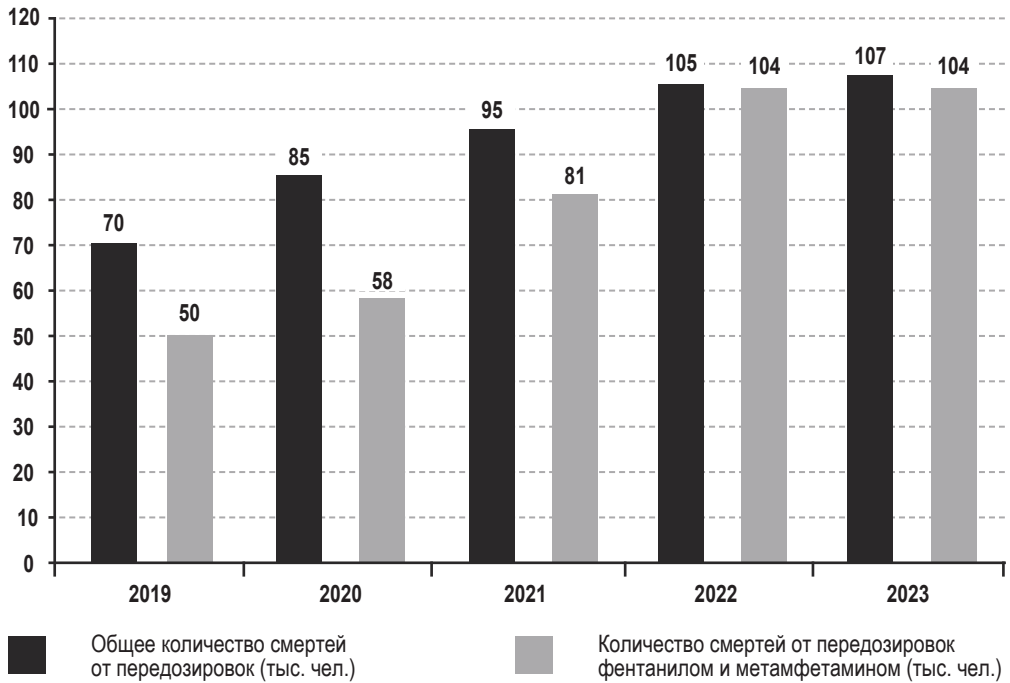

Рис. 2. Количество смертей от передозировок и доля фентанила и метамфетамина (2019–2023 гг.).

Источник: составлено авторами на основе [9; 15].

Fig. 2. Number of overdose deaths and the share of fentanyl and methamphetamine (2019–2023).

Source: compiled by authors based on: [9; 15].

в 2023 г. составили 44% от всех конфискации пограничного патруля по всей стране [10].

В последние годы изменилась структура наркотрафика через Мексику за счёт встраивания в неё криминальной составляющей из Китая. По данным американских правоохранительных органов, большинство химических веществ, используемых мексиканскими наркокартелями, поступают из Китая (прекурсоры для производства фентанила и метамфетамина). В 2019 г. под давлением США правительство КНР ввело строгие ограничения на производство и экспорт фентанила и его аналогов [28]. Тем не менее, проблема его нелегального производства и контрабанды в Америку остаётся острой.

Мексиканские наркокартели за последние 5 лет увеличили производство и сбыт фентанильных и фентанилсодержащих таблеток, изготавливая их в промышленных масштабах. В 2018–2019 гг. офицеры управления по борьбе с наркотиками США (Drug Enforcement Administration, DEA) совместно с мексиканскими службами, захватила и уничтожила несколько складов с фентанильными таблетками, а также лаборатории синтеза фентанила [29], в том числе лабораторию и фабрику в Аскапоцалько (Мехико), принадлежащую картелю "Синалоа" [5].

Отчёты службы по борьбе с наркотиками указывают на то, что картель "Синалоа" и ещё один молодой быстрорастущий картель "Нового поколения Халиско" являются ключевыми структурами, ответственными за контрабанду фентанила в Соединённые Штаты. Эти же картели также контролируют каналы торговли людьми из Мексики в Калифорнию и Аризону [29].

Весьма успешным является сотрудничество США и Мексики в формате "Инициативы Мерида" ("Merida Initiative"). Мексика и США признали свою общую ответственность за противодействие "насилию, подпитываемому наркотиками, которое угрожает гражданам по обе стороны границы" [31]. Главная задача этой инициативы – "объединить и укрепить" мексиканское общество в борьбе против организованной преступности. Инициатива нацелена на

поддержку мексиканских правоохранительных органов и институтов судебной власти в их борьбе против криминальных группировок и наркоторговцев [2].

Важной частью "Инициативы Мерида" были, с одной стороны, обязательства правительства Мексики по борьбе с наркокартелями, преступным насилием и безнаказанностью, а с другой – обязательства правительства США по снижению спроса на наркотики и борьбе с контрабандой оружия и денег из США в Мексику. В рамках "Инициативы Мерида" объём американской помощи в области безопасности для Мексики увеличился с 48 млн долл. США в 2007 финансовом году до 400 млн долл. США в 2008 финансовом году. В общей сложности за период с 2008 по 2017 гг. Конгресс США выделил 2,8 млрд долл. на данную инициативу, из которых было освоено 1,6 млрд долл. [7].

В 2011 г. Мексика и США договорились о новом стратегическом плане для реализации мероприятий "Инициативы Мерида", который включал в себя четыре цели:

- Уменьшить влияние организованных преступных группировок, систематически сокращая доходы от наркоторговли путём пресечения распространения наркотиков, прекращения отмывания денег, сокращения производства и ликвидации преступных организаций.

- Укрепить потенциал органов безопасности и правосудия для поддержания верховенства закона и поддержать усилия мексиканского правительства по содействию подотчётности, профессионализму и честности. Программы инициативы обучают и оснащают полицейские департаменты и академии, центры экстренной связи, лаборатории судебной экспертизы и исправительные учреждения для повышения безопасности граждан.

- Содействовать легальной торговле и миграции людей, одновременно ограничивая незаконный поток наркотиков, людей, оружия и наличных денег. "Инициатива Мерида" поддерживает улучшение инфраструктуры и технологий для укрепления и модернизации пограничной безопасности на северных и южных сухопутных переходах, в портах и аэропортах.

- Укреплять сообщество путём повышения эффективности системы уголовного правосудия, поощрения прав человека и сокращения безнаказанности. Внедрять программы, которые вовлекают молодежь и снижают её спрос на наркотики [34].

В период с 2013 по 2018 гг. сотрудничество в рамках "Инициативы Мерида" было сосредоточено на укреплении кадрового потенциала правоохранительных органов, разведывательных служб, учреждений по исправлению правонарушений, судебных и миграционных органов в Мексике, а также на расширении реформ правопорядка [8].

Одним из ключевых направлений американско-мексиканского сотрудничества стало улучшение обмена разведанными. На основе обмена информацией США и Мексика проводят совместные операции, рейды, аресты лидеров наркокартелей и уничтожение наркотических лабораторий. В 2019 г. была проведена одна из крупнейших операций, в ходе которой был арестован один из лидеров картеля "Нового поколения Халиско". Этот арест стал заметным ударом по структуре картеля и продемонстрировал эффективность совместных действий [30].

Важным элементом противодействия наркотрафику является укрепление американско-мексиканской границы. США инвестируют значительные средства в улучшение инфраструктуры и технологий на границе с Мексикой. В 2020 г. была завершена модернизация нескольких пограничных пунктов, что позволило значительно повысить эффективность обнаружения и изъятия наркотиков. Мексика, в свою очередь, увеличила количество патрулей и усилила контроль на своих южных границах, что затруднило перевозку наркотиков через её территорию [15].

Обе страны работают над развитием социальных и образовательных программ по профилактике вовлечения молодежи в преступную деятельность. В Мексике реализуются программы, направленные на создание альтернативных возможностей для молодых людей, живущих в регионах, где наркокартели имеют сильное влияние. США поддерживают эти усилия через финансовую и техническую помощь. Например, USAID (Агентство США по международному развитию) в течение 2020 финансового года сотрудничал с

частным сектором, академическими кругами, гражданским обществом и правительствами штатов, чтобы "удержать более 3300 молодых людей из группы риска от вступления или возвращения к преступной жизни". Из числа молодежи, участвовавшей в программах USAID, менее 7% совершили новые преступления, по сравнению со средним показателем по стране в 60% [34].

В настоящее время все последние соглашения Вашингтона и Мехико, заключенные в рамках миграционной политики, нацелены на совместную борьбу с организованной наркопреступностью – главной угрозой национальной безопасности США и Мексики. Например, соглашение 2021 г. о расширенном сотрудничестве в области безопасности и правопорядка (US.-Mexico Bicentennial Framework for Security, Public Health, and Safe Communities), направленно на углубление сотрудничества в сфере борьбы с наркотрафиком и организационной преступностью [33].

В 2023 г. было подписано новое американо-мексиканское соглашение о сотрудничестве в борьбе с трансграничной преступностью и наркотрафиком (US.-Mexico Joint Declaration on Combating Transnational Criminal Organizations), которое усилило координацию действий и повысило эффективность совместных операций [34].

Таким образом, проблема национальной безопасности США (равно как и Мексики), в настоящее время приобрела заметное миграционно-криминальное измерение, что нашло отражение в стратегических документах обеих стран. За последние десятилетия наметилась тенденция к тому, что миграция через американо-мексиканскую границу сопровождается активизацией трансграничной преступности, наркотрафика и других незаконных действий. Одним из инструментов противодействия актуализировавшимся вызовам является сотрудничество США с мексиканскими властями. Совместные проекты Вашингтона и Мехико сегодня нацелены на борьбу с наркокартелями и нелегальной поставкой наркотиков в США. Однако, успехи и результаты противодействия организованной преступности всё ещё недостаточны. Проблему криминальной составляющей иммиграции в США вряд ли можно решить лишь посредством строительства заградительных стен и усиления пограничного контроля. Без комплексного использования запретительных и разрешительных мер со стороны Соединённых Штатов, а также радикальных позитивных изменений в самом мексиканском обществе (преодоление бедности, социальной незащищенности населения, коррупции и насилия), проблема национальной безопасности США не может быть решена в полном объёме.

Литература

1. Журбей Е. В., Гарусова Л. Н. Проблема адаптации и интеграции латиноамериканских иммигрантов в США во второй половине XX – начале XXI вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 147–165.
2. Косевич Е. Ю. Мексикано-американские отношения в период президентства Барака Обамы // Латинская Америка. URL: <https://latamerica-journal.ru/s0044748x0000561-6-1-ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
3. Кудеярова Н. Мексикано-американская граница: кризис навсегда? // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/meksikano-amerikanskaya-granitsa-krisis-navsegda/> (дата обращения: 19.06.2024).
4. Латиноамериканская иммиграция в США и Канаду: особенности, современное состояние, перспективы / Гарусова Л. Н., Журбей Е. В., Литвинова Е. Р., Рыбачук Д. А. Владивосток, 2023. 116 с.
5. 2022–2026 U.S. Border Patrol Strategy // CBP.gov. URL: <https://www.cbp.gov/border-security/along-us-borders/strategy> (дата обращения: 20.06.2024).
6. Andrew J. These Ragged Edges: Histories of Violence along the U.S.-Mexico Border // JSTOR. URL: <https://inlnk.ru/XOxQeQ> (дата обращения: 19.06.2024).
7. CRS Report. Mérida Initiative for Mexico and Central America: Funding and Policy Issues. // Congress.gov. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40135>. (дата обращения: 19.06.2024).
8. DEA Intelligence Report. Fentanyl Flow to the United States // DEA. URL: https://www.dea.gov/sites/default/files/2020-03/DEA_GOV_DIR-008-20%20Fentanyl%20Flow%20in%20the%20United%20States_0.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

9. Drug Overdose Death Rates. National institute on Drug Abuse. May 14, 2024. URL: <https://nida.nih.gov/research-topics/trends-statistics/overdose-death-rates>. (дата обращения: 05.05.2024)
10. Drug Seizure Statistics. // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/drug-seizure-statistics> (дата обращения: 20.06.2024).
11. Estrategia Nacional de Paz y Seguridad 2018–2024. Secretaría de Seguridad y Protección Ciudadana // Gobierno de Mexico. URL: <https://www.gob.mx/sspc/articulos/estrategia-nacional-de-paz-y-seguridad-2018-2024?idiom=es> (дата обращения: 19.06.2024).
12. Estrategia Nacional de Seguridad Pública 2014-2018 // Administración del Presidente Enrique Peña Nieto. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/105355/ENSP_2014_2018.pdf. (дата обращения: 20.06.2024).
13. Gachúz J. C. U.S.-Mexico Drug Trafficking: Globalization, Cooperation and Challenges. Universidad de las Américas Puebla, México. URL: <https://seguridadinternacional.es/resi/html/u-s-mexico-drug-trafficking-globalization-cooperation-and-challenges/> (дата обращения: 01.06.2024)/
14. Gramlich J. What's happening at the U.S.-Mexico border in 7 charts November 9, 2021 // Pew Reserch. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/09/whats-happening-at-the-u-s-mexico-border-in-7-charts/> (дата обращения: 05.05.2024).
15. Illicit Fentanyl and Drug Smuggling at the U.S.-Mexico Border: An Overview // Immigration Forum. URL: <https://immigrationforum.org/article/illicit-fentanyl-and-drug-smuggling-at-the-u-s-mexico-border-an-overview/>(дата обращения: 01.06.2024).
16. Iniciativa Mérida // Gobierno de México. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/105358/Iniciativa_Merida.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
17. Isacson A. Weekly U.S.-Mexico Border Update: July migration increase, Texas separating families, 2024 budget. // WOLA. URL: <https://www.wola.org/2023/08/weekly-u-s-mexico-border-update-july-migration-increase-texas-separating-families-2024-budget/> (дата обращения: 19.06.2024).
18. Israel E. Mexican Immigrants in the United States. November 5, 2020. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/mexican-immigrants-united-states-2019> (дата обращения: 20.06.2024)
19. Meissner D. The Impact of Title 42 Lifting on Migration // Migration Policy Institute. 2023. Vol. 29. № 4. P. 157–168.
20. NDS 2008, The National Defense Strategy of the United States of America // Department of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Defense-Strategy/> (дата обращения: 05.05.2024).
21. NSS 2006, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President George W. Bush. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 28.05.2024).
22. NSS 2010, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President Barack Obama. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 19.06.2024).
23. NSS 2015, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President Barack Obama. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 28.05.2024).
24. NSS 2017, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President Donald J. Trump. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 07.06.2024).
25. NSS 2022, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President Joseph R. Biden. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 05.05.2024).
26. Plan Nacional de Desarrollo 2001-2006 // Administración del Presidente Vicente Fox. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/105353/PND_2001_2006.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
27. Plan Nacional de Desarrollo 2007-2012 // Administración del Presidente Felipe Calderón. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/105354/PND_2007_2012.pdf (дата обращения: 28.05.2024).
28. Press Release on Health Statistics // Centers for Disease Control and Prevention. URL: https://www.cdc.gov/nchs/pressroom/nchs_press_releases/2024/20240515.htm (дата обращения: 24.05.2024).
29. Suhasini Y. Mexican Drug Cartelisation // JSTOR. URL: <https://inlnk.ru/Pmpw35> (дата обращения: 09.06.2024).
30. The DEA's crusade against the Sinaloa and Jalisco cartels: "The most dangerous and deadly drug crisis the US has ever faced" // El Pais. URL: <https://english.elpais.com/international/2024-05-10/the-deas-crusade-against-the-sinaloa-and-jalisco-cartels-the-most-dangerous-and-deadly-drug-crisis-the-us-has-ever-faced.html> (дата обращения: 05.05.2024).
31. The Merida Initiative // US Embassy in Mexico. URL: <https://mx.usembassy.gov/the-merida-initiative/> (дата обращения: 17.04.2024).
32. U.S. Strategy for Addressing the Root Causes Of Migration In Central America. July 2021. // White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/07/Root-Causes-Strategy.pdf> (дата обращения: 21.05.2024).

33. US-Mexico Bicentennial Framework for Security, Public Health, and Safe Communities // U.S. Embassy & Consulates in Mexico. URL: <https://mx.usembassy.gov/us-mexico-bicentennial-framework-for-security-public-health-and-safe-communities/> (дата обращения: 19.06.2024).
34. US-Mexico Joint Declaration on Combating Transnational Criminal Organizations // U.S. Department of State. URL: www.state.gov/us-mexico-joint-declaration-on-combating-transnational-criminal-organizations/ (дата обращения: 19.06.2024).
35. Venturi C. Through a Human Right Lens at the US-Mexico Border: Increasing Access to Healthcare for Central American Immigrants. July 12, 2022 // National Library of Medicine. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9315280/> (дата обращения: 05.05.2024).

References

1. Zhurbey E. V., Garusova L. N. Problems of adaptation and integration of Latin American immigrants in the United States in the second half of the XX–early XXI centuries // *Ojkumena. Regional researches*. 2019. № 4. P. 147–165 (In Russ.).
2. Kosevich E.Yu. Mexican-American relations during the presidency of Barack Obama / E.Yu. Cosevich // *Latin America*. URL: <https://latamerica-journal.ru/s0044748x0000561-6-1-ru/> (accessed 05.05.2024) (In Russ.).
3. Kudayarova N. Mexican-American border: a crisis forever?. February 3, 2023 // Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/meksikano-amerikanskaya-granitsa-krizis-navsegda/> (accessed 19.06.2024) (In Russ.).
4. Latin American immigration to the USA and Canada: features, current state, prospects / Garusova L. N., Zhurbey E. V., Litvinova E. R., Rybachuk D. A. Vladivostok, 2023. 116 p. (In Russ.).
5. 2022–2026 U.S. Border Patrol Strategy // CBP.gov. URL: <https://www.cbp.gov/border-security/along-us-borders/strategy> (accessed 20.06.2024).
6. Andrew J. These Ragged Edges: Histories of Violence along the U.S.-Mexico Border // JSTOR. URL: <https://inlnk.ru/XOxQeQ> (accessed 19.06.2024).
7. CRS Report. Mérida Initiative for Mexico and Central America: Funding and Policy Issues. // Congress.gov. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40135> (accessed 19.06.2024).
8. DEA Intelligence Report. Fentanyl Flow to the United States // DEA. URL: https://www.dea.gov/sites/default/files/2020-03/DEA_GOV_DIR-008-20%20Fentanyl%20Flow%20in%20the%20United%20States_0.pdf (accessed 20.06.2024).
9. Drug Overdose Death Rates. National Institute on Drug Abuse. May 14, 2024. URL: <https://nida.nih.gov/research-topics/trends-statistics/overdose-death-rates> (accessed 05.05.2024).
10. Drug Seizure Statistics. // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/drug-seizure-statistics> (accessed 20.06.2024).
11. Estrategia Nacional de Paz y Seguridad 2018-2024. Secretaría de Seguridad y Protección Ciudadana // Gobierno de Mexico. URL: <https://www.gob.mx/sspc/articulos/estrategia-nacional-de-paz-y-seguridad-2018-2024?idiom=es> (accessed 19.06.2024).
12. Estrategia Nacional de Seguridad Pública 2014-2018 // Administración del Presidente Enrique Peña Nieto. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/105355/ENSP_2014_2018.pdf. (accessed 20.06.2024).
13. Gachúz J. C. U.S.-Mexico Drug Trafficking: Globalization, Cooperation and Challenges. Universidad de las Américas Puebla, Mexico. URL: <https://seguridadinternacional.es/resi/html/u-s-mexico-drug-trafficking-globalization-cooperation-and-challenges/> (accessed 01.06.2024).
14. Gramlich J., What's happening at the U.S.-Mexico border in 7 charts November 9, 2021 // Pew Research. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/09/whats-happening-at-the-u-s-mexico-border-in-7-charts/> (accessed 05.05.2024).
15. Illicit Fentanyl and Drug Smuggling at the U.S.-Mexico Border: An Overview // Immigration Forum. URL: <https://immigrationforum.org/article/illicit-fentanyl-and-drug-smuggling-at-the-u-s-mexico-border-an-overview/> (accessed 01.06.2024).
16. Iniciativa Mérida // Gobierno de México. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/105358/Iniciativa_Merida.pdf (accessed 01.06.2024).
17. Isaacson A. Weekly U.S.-Mexico Border Update: July migration increase, Texas separating families, 2024 budget. // WOLA. URL: <https://www.wola.org/2023/08/weekly-u-s-mexico-border-update-july-migration-increase-texas-separating-families-2024-budget/> (accessed 19.06.2024).
18. Israel E., Mexican Immigrants in the United States. November 5, 2020. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/mexican-immigrants-united-states-2019> (accessed 20.06.2024).
19. Meissner D. The Impact of Title 42 Lifting on Migration // Migration Policy Institute. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 157–168.
20. NDS 2008, The National Defense Strategy of the United States of America // Department of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Defense-Strategy/> (accessed 05.05.2024).

21. NSS 2006, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President George W. Bush. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (accessed 28.05.2024).
22. NSS 2010, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President Barack Obama. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (accessed 19.06.2024).
23. NSS 2015, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President Barack Obama. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (accessed 28.05.2024).
24. NSS 2017, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President Donald J. Trump. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (accessed 19.06.2024).
25. NSS 2022, National Security Strategy of the United States of America // The White House. President Joseph R. Biden. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (accessed 05.05.2024).
26. Plan Nacional de Desarrollo 2001-2006 // Administración del Presidente Vicente Fox. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/105353/PND_2001_2006.pdf (accessed 01.06.2024).
27. Plan Nacional de Desarrollo 2007-2012 // Administración del Presidente Felipe Calderón. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/105354/PND_2007_2012.pdf (accessed 28.05.2024).
28. Press Release on Health Statistics // Centers for Disease Control and Prevention. URL: https://www.cdc.gov/nchs/pressroom/nchs_press_releases/2024/20240515.htm (accessed 24.05.2024).
29. Suhasini Y. Mexican Drug Cartelisation // JSTOR. URL: <https://inlnk.ru/Pmpw35> (accessed 09.06.2024).
30. The DEA's crusade against the Sinaloa and Jalisco cartels: "The most dangerous and deadly drug crisis the US has ever faced" // El Pais. URL: <https://english.elpais.com/international/2024-05-10/the-deas-crusade-against-the-sinaloa-and-jalisco-cartels-the-most-dangerous-and-deadly-drug-crisis-the-us-has-ever-faced.html> (accessed 05.05.2024).
31. The Merida Initiative // US Embassy in Mexico. URL: <https://mx.usembassy.gov/the-merida-initiative/> (accessed 17.04.2024).
32. U.S. Strategy for Addressing the Root Causes Of Migration In Central America. July 2021. // White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/07/Root-Causes-Strategy.pdf> (accessed 21.05.2024).
33. US-Mexico Bicentennial Framework for Security, Public Health, and Safe Communities // U.S. Embassy & Consulates in Mexico. URL: <https://mx.usembassy.gov/us-mexico-bicentennial-framework-for-security-public-health-and-safe-communities/> (accessed 19.06.2024).
34. US-Mexico Joint Declaration on Combating Transnational Criminal Organizations // U.S. Department of State. URL: www.state.gov/us-mexico-joint-declaration-on-combating-transnational-criminal-organizations/ (accessed 19.06.2024).
35. Venturi C. Through a Human Right Lens at the US-Mexico Border: Increasing Access to Healthcare for Central American Immigrants. July 12, 2022 // National library of Medicine. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9315280/> (accessed 05.05.2024).

Информация об авторах

Лариса Николаевна Гарусова, д-р ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета; главный научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: lgarusova@mail.ru

Елена Романовна Литвинова, магистрант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: litvinova.er@dvvu.ru

Information about the authors

Larisa N. Garusova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University; Chief Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: lgarusova@mail.ru

Elena R. Litvinova, Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: litvinova.er@dvvu.ru

Поступила в редакцию 22.07.2024

Одобрена после рецензирования 08.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 22.07.2024

Approved 08.11.2024

Accepted 27.11.2024

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять ПРОПИСНЫЕ** символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (**Рукопись Иванова А. К. Из архива автора**).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи или сноской). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022)**.
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описание всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>.
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2024 № 4 (71)

Подписано к печати 04. 12. 2024 г. Вышло в свет 23. 12. 2024 г, формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,64. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

